

МЛАДШИЙ СОВЕТНИК ЮСТИЦИИ

1954

СВЕРДЛОВСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

СВЕРДЛОВСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Переплет художника
Ю. Иванова

Л. КАРЕЛИН

МЛАДШИЙ СОВЕТНИК ЮСТИЦИИ

ПОВЕСТЬ

Свердловское
Книжное Издательство
1954

Печатается по изданию
«Советский Писатель»
Москва, 1952

1

Вот и станция.

Поезд сбавил скорость, и ворвавшийся на вагонную площадку ветер принес с собой острый запах молодой травы. Трофимов всей грудью вобрал в себя воздух, чувствуя, как радостное возбуждение вдруг овладело им. Легко подхватив чемодан, он не стал ждать, когда поезд остановится, и спрыгнул на перрон.

Его никто не встречал. Пробираясь к выходу, он подумал, что во всем городе не найдется, пожалуй, человека, который встретил бы его обычным приветствием: «Здравствуйте, с приездом!»

— Стало быть, здравствуйте, с приездом вас! — неожиданно услышал он за спиной.

Трофимов обернулся. Перед ним стоял высокий бородатый старик в брезентовом плаще.

— Могу подвезти,— сказал он и потянулся огромной рукой к трофимовскому чемодану.

— Спасибо, я сам,— благодарно улыбнулся Трофимов.

Старик сразу приметил Трофимова среди прочих приезжих. Ему понравилось, как этот высокий, широкоплечий молодой человек спокойно и неторопливо шел по перрону. Он не озирался по сторонам и никого ни о чем не спрашивал. Большой чемодан легко покачивался в его руке.

Трофимов и старик были под стать друг другу: оба рослые, большеголовые, с крутыми открытыми лбами,

— Из наших, из уральских? — спросил Трофимова его новый знакомый.

— Нет, москвич.

— Вот оно что! — удивился старик, видимо считавший, что такие рослые и крепкие люди могут быть только уральцами.— Ну, пошли.

Он все-таки отобрал у Трофимова чемодан и двинулся к выходу.

Маленькая привокзальная площадь была запружена легковыми машинами, грузовиками, пролетками и телегами. В воздухе плыл гомон голосов, гудели автомобильные моторы. Где-то звонко заржал молодой конь.

Трофимов огляделся. Со ступенек вокзального подъезда хорошо была видна вся площадь и дорога, уходившая от нее в глубину полей и перелесков, за которыми, едва различимый в голубоватой дымке весеннего утра, виднелся город.

— До города не меньше трех километров,— сказал старик и вдруг, точно осердясь на себя за недогадливость, протянул Трофимову руку.— Что ж это мы никак не познакомимся? Чуклинов, Егор Романович Чуклинов, местный житель.

— Сергей Прохорович Трофимов.

Старик крепко пожал Трофимову руку.

— В командировку?

— Нет, на постоянную работу.

— Прямо из Москвы?

— Прямо из Москвы.

— Что ж, милости просим,— и Чуклинов с хозяйским радушием широко повел рукой.— Мы, уральцы, хорошему человеку рады. Поехали...

Лошадь у Чуклинова оказалась старенькой, понурой, и запряжена она была не в пролетку, а в обыкновенную телегу с сенцом, чуть прикрывающим дно. Но, хотя у вокзала только что остановился автобус и мимо то и дело проезжали легковые автомобили, Трофимов не решился обидеть старика и сел в телегу.

— Поехали!

— Я ведь не извозчик,— неожиданно сказал Чуклинов, когда они выбрались на дорогу.— Приехал к поезду за абрикосовыми саженцами, а они еще не

прибыли. Ну, вот и решил, чем порожняком возвращаться, кого-нибудь из приезжих прихватить.

— На Урале абрикосы задумали сажать? — удивился Трофимов.

— Задумали,— уверенно, как о давно решенном деле, сказал Чуклинов.— И посадим и вырастим! Конечно, не обыкновенный сорт, а морозоустойчивый, мичуринский. Ему Иван Владимирович и название подходящее дал: «Товарищ».

— Подходящее?

— Да, за стойкость. У нас на Урале стойкость в большой цене. Выстоял, не отступил в трудную минуту,— вот ты и товарищ, друг до самого что ни на есть последнего часа. Это я про людей. Ну, а стойкий человек и природу себе под стать создает: ведь у растения тоже и свой обычай и свой характер есть...

Старик замолчал. Лицо его посуровело, он отвернулся от своего попутчика и сосредоточенно смотрел теперь куда-то вдаль, поверх головы лошади.

Задумался и Трофимов. Короткий этот разговор не казался ему обычной дорожной беседой, какие сплетаются из ленивых слов, чтобы как-нибудь скоротать время в пути, а обещал что-то большее. И сам старик, высокий, по-молодому сильный, с пристальным, точно испытывающим взглядом, и запах оттаявшей под весенним солнцем земли, и эти незнакомые луга, и пихтарниковые овражки, а за ними лес, лес без конца и края,— все это вместе с чувством радостным и светлым рождало в Трофимове неясную тревогу: как-то сложится здесь его работа, как-то пойдет жизнь? Ведь не проездом он в этих местах, а назначен сюда, в районный центр Ключевой, прокурором на пять лет — обычный срок деятельности прокурора,— срок немалый в жизни любого человека.

Конечно, заглядывать вперед было рано, но не думать об этом Трофимов не мог. Не мог, потому что вот в этом небольшом уральском городе, который только показался вдали, наново должна была начаться его жизнь.

Сходное ощущение испытал он, когда совсем еще молодым человеком, окончив юридическую школу,

приехал в Полтаву следователем районной прокуратуры.

Мирная жизнь, семья, работа... Все это оборвала война. И он, похоронив жену и годовалого сына, погибших при бомбежке Полтавы, ушел добровольцем на фронт...

С неумолимой ясностью возникли перед Трофимовым картины прошлого. Да, в те дни лишь одно чувство владело им и влекло, неудержимо влекло в самые опасные места, вон из окопа, в атаку, врукопашную.

— Смерти ищешь? — глядя на него с сожалением, как глядят на слабых и малодушных, спросил как-то лейтенанта Трофимова командир дивизии.— Нет, солдат, так за родину не воюют...

То, что говорил ему тогда командир, не сразу тронуло сердце Трофимова, но все же после этого разговора он задумался и, постепенно, перемогая в себе личное свое горе, стал настоящим солдатом — смелым и хладнокровным, упорным и самоотверженным тружеником войны.

После победы он мог остаться в армии или пойти опять на следовательскую работу. Трофимов выбрал другой путь: он снова сел за учебники. Теперь это уже была не школа, а юридический институт, и трудно пришлось ему после самостоятельной работы и четырех лет войны снова привыкать к студенческой жизни.

Но Трофимов твердо решил стать прокурором.

Почему возникло у него это намерение? Не потому ли, что за годы войны ожесточилось его сердце ко всем тем, кто, нарушая советские законы, становится пособником наших врагов, мечтающих задержать нас в движении к коммунизму? Да, потому, что ожесточилось его сердце против врагов, но еще и потому, что рядом с чувством ненависти к врагам росло и крепло в нем чувство любви к соотечественникам — простым и честным строителям новой жизни. И вот, задумавшись над собственной судьбой, он избрал для себя профессию суровую и благородную — профессию прокурора.

Вскоре после окончания института Трофимов случайно встретил своего бывшего командира дивизии. Тот узнал Трофимова и предложил ехать к нему на

Северный Урал, где полковник работал теперь одним из секретарей обкома партии.

Трофимов в это время как раз завершал полугодовую стажировку в одной из районных прокуратур Москвы и готовился к самостоятельной работе.

— Добьюсь для тебя назначения в большой и трудный район,— сказал ему секретарь обкома.— Согласен?

В этой короткой фразе, сказанной мимоходом, на людной московской улице, Трофимов услышал главное: его бывший командир попрежнему верил в него и, веря, испытывал. Вот почему он так просто предложил Трофимову трудную работу в старинном уральском городке и, не добавив ни слова, прямо спросил о согласии.

А ведь секретарь обкома мог бы рассказать, что этот бывший уездный городок превращался в большой город, в столицу района, где вырос огромный комбинат, где сплавляли лес, изготовляли бумагу, добывали золото. Он мог бы рассказать Трофимову, что в этом районе несколько колхозов-миллионеров, что в городе свой театр, свой педагогический институт, два техникума. Но вместо всего этого он сказал только «большой и трудный район».

Слова звучали по-фронтовому: большое и трудное задание. Именно так и понял их Трофимов — офицер запаса, а ныне младший советник юстиции. И хотя звание и опыт прежней работы давали ему право выбирать, он, точно шагнув из строя на вызов командира, коротко ответил:

— Есть!..

...Дорога в этом месте круто взбегала на бугор. Телегу встряхнуло, и Трофимов, очнувшись от своих дум, поднял голову.

Перед ним, как на ладони, лежал город. Белые стены старинной кладки каменных лабазов вплотную подходили к реке, извилистой и узкой, с быстрым, глубинным течением. Поверхность воды казалась озерно-тихой, только бурлящие заверти да пенные гребешки у берегов нарушали обманчивую гладь реки и говорили о бьющих со дна сильных ключах.

— Ключевка! — сказал Чуклинов.— От нее и город наш Ключевым называется. От нее и народ здесь норовистый да крутой.

Трофимов, восхищенный красотой города, ничего ему не ответил. Привстав на колени, он с интересом смотрел на открывавшуюся перед ним панораму.

Ослепительно сверкали на весеннем солнце алебастровые стены воздвигнутых на холмах древних церквей. От них сбегали к реке улицы, то узкие и извилистые, то широкие и прямые.

Просторные одноэтажные дома с высоко поднятыми над землей окнами были рублены из черной уральской сосны, и, как бы вкривь и вкось ни стояли они на крутых, неровных склонах, не было, казалось, такой силы, которая могла бы пошатнуть или сдвинуть их с места.

Дома эти не теснились друг к другу. Окаймленные молодой листвой деревьев, они стояли свободно посреди больших участков возделанной под огороды земли с непременной, присевшей на бочок банькой в углу, у забора, в зарослях малинника и смородины.

Многочисленные новые здания, по преимуществу в два и три этажа, не нарушали самобытного облика города, а стояли так же свободно, образуя широкие улицы. Такие улицы, из новых домов, выходили к асфальтированному шоссе, которое сразу же за городом врубалось в дремучий сосновый бор. По изрезавшим лесную чащу просекам можно было угадать, что дорога эта извилистой лентой тянется к видневшемуся вдали, за полосой леса, Ключевскому комбинату. Отсюда, с берега реки, Трофимов лишь смутно различал высокие башни шахтных копров, массивные очертания газгольдеров и повисшие над розоватыми конусами отвалов крохотные вагонетки канатной дороги.

— Красиво! — с восхищением сказал он и подивился тому, как громко прозвучал его голос в прозрачном весеннем воздухе.

Телега въехала на мост, и седоки сошли с нее, чтобы лошади было легче одолеть крутой подъем на том берегу реки.

— Да, красота,— подталкивая рукой телегу, согласился Чуклинов.— Только вот уберечь ее мудрено. Не смотрите, что он большой, город-то. Он, все равно как деревцо,— чуть недосмотрел, не уберег — и зачахнет... Вам куда? В гостиницу?

— Да, пожалуй, лучше всего в гостиницу.

— Она отсюда недалеко,— промолвил Чуклинов и зашагал вровень с лошадью, ободряя ее на крутом подъеме невнятным ласковым бормотанием.— Тяни, тяни, старая, вон-от дом-то наш, вон-от!

— А что,— спросил, размышляя над словами старика, Трофимов,— разве в городе нет порядка?

— Отчего нет порядка? — неожиданно сердито и громко отозвался Чуклинов.— Наш город еще при Иване Грозном в городах значился!

— Выходит, про красоту, что́ уберечь не легко, вы так, между прочим, сказали? — усмехнулся Трофимов.

— Иначе говоря, зря сказал, так, что ли? — хмуро глянул на него Чуклинов.

По напряженности, с которой прозвучали его слова, Трофимов понял, что случайным своим вопросом задел собеседника.

— Либо зря, либо к слову пришлось. Бывает и такое,— примирительно улыбнулся он.

— Эх, мил человек, Сергей Прохорович, зря да для красного словца в мои годы не говорят. Так-то.— И старик вдруг улыбнулся Трофимову лукавой, понимающей улыбкой.— А тебе я вот что скажу: молод ты еще старика пытать. Поживи у нас, поосмотрись, на то у тебя и глаза есть.

Чуклинов отвернулся и зацокал языком на лошадь.

— Вот и гостиница ваша,— сказал он, когда телега свернула на другую улицу, и указал на старый, купеческой стройки двухэтажный дом.— А вон там, вон за церковушкой той, крыша зеленая виднеется — там я и живу. Пооглядитесь, прошу ко мне на весенний мед да на прямой разговор. Чуклинова дом вам всякий укажет.

Старик остановил лошадь у ворот гостиницы и помог Трофимову снять с телеги чемодан.

— Обязательно приду, Егор Романович,— сказал Трофимов и замялся, не зная, как спросить о плате за проезд.

— Нет, нет! — поняв его замешательство, нахмурился Чуклинов.— Я — не извозчик.

Он взмахнул вожжами, и телега легко покатилась под гору.

— В гости, в гости не забудьте! Буду ждать! — донесся до Трофимова его звучный, сильный голос.

2

Дежурная в гостинице встретила Трофимова торопливой, заученной фразой:

— Номеров нет, могу предоставить койку, предъявите паспорт и командировку.

— Что ж, койку так койку,— согласился Трофимов, выкладывая на стол удостоверение.

Дежурная развернула его и с интересом глянула на Трофимова.

— Для вас, товарищ прокурор, могу предоставить «люкс», или «депутатский».

— Значит, номера все же есть? Ну, давайте какой получше.

— Номер-то один, — смутилась дежурная. — Это только названия два.

— Что ж, давайте оба — начну жить на широкую ногу,— пошутил Трофимов.

Но дежурная даже не улыбнулась.

— Пойдемте, я вас провожу, — заторопилась она.

«Смотри ты, как мое прокурорское звание на нее подействовало»,— с досадой подумал Трофимов, поднимаясь следом за дежурной по лестнице.

— Скажите,— обратился он к ней,— неужто я такой уж страшный, что вы даже разговаривать со мной не хотите?

Дежурная, по-своему поняв вопрос, кокетливо повела плечом:

— Нет, почему? Вы мужчина видный...

— Да я не о том вовсе спрашиваю,— рассмеялся Трофимов. — Мне непонятно, почему вы так меня испугались? Что я — серый волк, что ли?

— Какой же вы серый волк? — ободренная его смехом и тоже смеясь, сказала дежурная уже смело, с откровенным любопытством взглянув на Трофимова. Она отперла дверь и посторонилась, пропуская его вперед.

Номер, носящий сразу два громких названия — «люкс» и «депутатский»,— оказался маленькой, светлой комнатой, заставленной старинной мебелью: зеленым плюшевым диванчиком и множеством кривоногих круглых кресел.

— Что же вас все-таки во мне испугало? — снова спросил Трофимов у дежурной.

— А ничего! — независимо и не без озорства сказала девушка.— Просто строго очень на меня посмотрели... Вот и все!

— Ах, вон оно что! Тогда прошу прощения.

Дежурная отошла к дверям и вдруг ласково, как, наверно, говорила ее мать, встречая приехавших к ним в деревню дорогих гостей, сказала:

— Живите у нас подольше.

Сказала и, смутившись, выбежала из комнаты.

Улыбаясь, прислушивался Трофимов к ее удаляющимся легким шагам. Вот где-то внизу прозвучал ее голос: «Дуняша! Дуняша! Беги к директору, скажи...»

Что должна была сказать Дуняша, Трофимов не расслышал. Он прошелся по комнате и остановился у открытого окна.

Сразу же по другую сторону улицы начиналась базарная площадь. Там царило то шумное оживление, какое бывает на весенних базарах, когда после долгой и суровой зимы приходит наконец желанное тепло и в город съезжаются колхозники из самых отдаленных уголков района.

И Трофимова потянуло на улицу, на солнце, захотелось поскорее познакомиться с городом, где предстояло ему жить и работать.

3

Зал заседаний Ключевского народного суда был переполнен.

Прокурор Михайлов, немолодой грузный человек, оторвал взгляд от разложенных перед ним бумаг и посмотрел в глубину зала. Оттуда на него были устремлены сотни внимательных, ожидающих глаз.

«Почему сегодня так много народу? — подумал прокурор.— Дело как дело — ничего особенного...»

— Подсудимый Лукин, встаньте,— сказал судья.

Высокий молодой парень, сутулясь и стараясь ни на кого не смотреть, поднялся со своего места за барьером.

Вглядываясь в его виноватое, застывшее от нестерпимого стыда лицо, Михайлов вспомнил, как несколько дней назад к нему пришла целая молодежная делегация с требованием устроить над Лукиным что-то вроде показательного процесса.

Какой там показательный процесс! Достаточно и того, что он, Михайлов, согласился лично участвовать в рассмотрении этого, на его взгляд, несложного дела.

«Но почему же все-таки оно вызвало в городе такой интерес?» — задал себе вопрос Михайлов.

Он перелистал лежащие на столе бумаги.

«Подсудимый — Лукин Константин Иванович, 1926 года рождения, шофер комбината. Потерпевшая — Лукина Татьяна Павловна, 1928 года рождения, лаборантка на обогатительной фабрике. Так... Другой потерпевший — ее отец, Павел Андреевич Зотов...»

«Зотов?.. Зотов?.. Ах, вот оно что! Ведь этот Зотов — старейший мастер комбината, известный в городе человек. Да и Лукины — кто же в городе не знает старого Лукина, мастера по лесному сплаву, охотника, уральского краеведа? Нашла коса на камень! Впрочем, дело-то само по себе ясное: хватил парень лишнего, повздорил с женой, ударил ее, оскорбил вступившегося за дочь старика, а теперь и стыд и раскаяние... Но вот прямо и честно признать свою вину не желает. Мальчишка! Да как он смел про гордость здесь говорить?»

Прокурор всем своим грузным телом повернулся к подсудимому.

— Так что же, признаете вы себя виновным в предъявленном вам обвинении?

В это время в зал вошел Трофимов. Никто не обратил на него внимания. Молодая женщина, возле которой он остановился, отыскивая свободное место, подвинулась, и Трофимов сел рядом с ней.

— Я был пьян,— тихо, но с упорством, видно уже не в первый раз произнося одну и ту же затверженную фразу, сказал подсудимый.— Я ничего не помню.

— А почему же свидетели отрицают это? — ожесточаясь, возвысил голос прокурор.

— Свидетели сговорились показывать против меня,— еще тише и еще ниже опустив голову, произнес Лукин.

— Константин! Говори правду! Правду говори! — послышался из глубины зала глухой мужской голос.— Не унижайся до лжи.

Подсудимый испуганно глянул в сумрак зала и вдруг, точно переломив что-то в себе, выпрямился и дерзко, с вызовом, крикнул:

— Говорю, как было!

— Костя! Костя! Как же тебе не стыдно? Как же ты можешь?.. — услышал Трофимов рядом с собой горестный шепот.

Он заглянул в заплаканные глаза соседки и, хотя ничего не знал о сути разбиравшегося дела, сердцем почувствовал, что правда на стороне этой женщины.

Она была очень молода, и даже страдальческая морщинка на лбу не лишала ее лица той юной непосредственности, которая сквозила во всем: в уголках глаз, пусть заплаканных, но не померкших, в удивленном изломе бровей, в плотно сжатых губах, которые, казалось, еще миг — и раскроются в улыбке.

Что же случилось, какое горе вторглось в жизнь этой молодой женщины? Трофимову вдруг очень захотелось увидеть ее такой, какой она была, может быть, еще неделю назад. Он понял, что судьба этой женщины тронула его, что и по-человечески и в силу своего долга он сделает все, чтобы помочь ей, хотя и не знал еще, в чем будет заключаться эта помощь.

— Муж? — спросил он у женщины, воспользовавшись минутной паузой, когда судья советовался о чем-то с народными заседателями. Спрашивая, Трофимов показал глазами на подсудимого.

Женщина утвердительно кивнула головой.

— Что же у вас с ним произошло?

Этот вопрос Трофимов задал так участливо и так просто, что она, почувствовав его дружелюбие, наклонилась к нему и ответила откровенно и доверительно, как могла бы ответить только хорошему, верному другу:

— Мы всего два года женаты, а знаем друг друга с самого детства...— Слезинки быстро-быстро, одна за другой, закапали у нее из глаз, но она даже не заметила этого...— И вот точно кто подменил его... В тот вечер пришли ко мне товарищи по работе, отец... Сидели мы на скамейке перед домом, вечер был весенний, теплый — не хотелось уходить в комнаты...

Она смолкла. На мгновение воспоминания вернули ее в прошлое. Казалось, весенний ветер, проникнув в зал суда, коснулся ее лица, и вот уже дрогнула, разгладилась горестная морщинка на лбу. Она вскинула голову, наверно, так же, как в тот вечер, там, на скамейке перед своим домом, прислушиваясь к дыханию весеннего ветра, но увидела не темную полосу леса на горизонте, не синеватый бугристый лед Ключевки, не набухшие почки нависших над забором ветвей, а притихший зал суда, своего понуро стоящего за барьером мужа, услышала строгий голос судьи.

— Что это я? — снова опуская голову, сказала она и чужим, невидящим взглядом посмотрела на Трофимова.

Суд тем временем продолжался.

Неторопливо задавал свои вопросы председательствующий. Трофимову понравилась спокойная, доброжелательная манера, с какой он обращался к подсудимому, предоставлял слово прокурору или защитнику. Чувствовалось, что он знает свое дело и умеет настойчиво и твердо вести судебное разбирательство. Аккуратная гимнастерка и затянутая в черную перчатку неподвижная левая рука красноречивее всяких слов

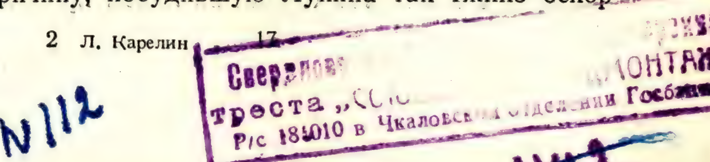
говорили о прошлом этого человека. Его твердое смуглое молодое лицо внушало симпатию, и Трофимов с удовлетворением подумал: «Судья здесь как будто на месте».

Прислушиваясь к спокойным вопросам председательствующего и нервным, сбивчивым ответам подсудимого, Трофимов без труда понял суть разбирающегося дела. Виновность Лукина была очевидна. Трофимов мысленно восполнил неоконченный рассказ своей соседки. Итак, в тот вечер, возвратившись домой в нетрезвом виде, Лукин безо всякого к тому повода обругал и ударил свою жену, а когда за нее вступился отец, то нагрубил и ему.

Теперь Лукин пытался оправдать себя тем, что был тогда очень пьян, говорил, что ничего не помнит. Свидетели же утверждали, что Лукин был не столько пьян, сколько раздражен и не мог не отдавать себе отчета в том, что делал. Неясной оставалась причина, побудившая Лукина совершить этот позорный поступок. Если не докопаться до причины, если ограничиться только доказательством самого факта виновности Лукина, установить для него статью и вынести приговор, то суд, советский суд, не сделает самого главного, самого важного: не заставит Лукина понять и признать свою вину.

Трофимов понимал, что только очень внимательное, очень чуткое отношение к подсудимому поможет суду найти правильное решение в этом, казалось бы, простом деле. Он понимал, что ложная гордость и стыд, а возможно, и страх перед наказанием мешают Лукину говорить правду. Правда же эта была необходима не столько для суда, сколько для самого Лукина, для его жены, для их близких.

Понимали ли это прокурор и судья? Со все растущим беспокойством прислушивался Трофимов к вопросам, с которыми они обращались к подсудимому. Да, не было сомнения: судья добивался от Лукина именно той правды, о которой думал Трофимов, он пытался установить не только виновность подсудимого — она была очевидна,— но хотел, и это было главное, выяснить причину, побудившую Лукина так тяжко оскор-

бить жену. Прокурор же действовал чересчур прямолинейно. Рассерженный упорством, с которым Лукин пытался умалить свою вину, прокурор, видимо, принял твердое решение просить у суда о самом строгом наказании для подсудимого.

«Сто сорок шестая и сто пятьдесят девятая: шесть месяцев исправительно-трудовых работ! — решил про себя Михайлов.— Чтобы неповадно было! Мальчишка!.. Ее жалко — любит мужа...— Невольно Михайлов подумал о своей дочери, кончавшей в этом году десятилетку.— Вот и моя Катюша, того гляди, приведет в дом доброго молодца. Какой-то он будет? Может, тоже драться пожелает? Ну, нет!..» — и разгневанный этими мыслями, прокурор раздраженно пробормотал:

— Сто сорок шестая и сто пятьдесят девятая по совокупности!

— У вас есть вопросы к подсудимому? — спросил его судья.

— Нет, мне все ясно.

«Все ясно! — повторил про себя Михайлов.— И что это судья с ним разговоры разговаривает? Молодой еще, маловато опыта,— вот и тянет. А мне за двадцать лет судебной практики... — Тут Михайлов мысленно вернулся к тому, о чем мучительно думал последние дни, с тех пор как из области пришло уведомление об откомандировании его на учебу и о том, что на смену ему направляется новый прокурор.— Да и мне, видно, двадцатилетнего опыта маловато...— Он с горечью покачал головой.— Когда я еще молодым человеком сложнейшие дела расследовал, матерых вредителей за ушко да на солнышко выводил, тогда мне опыта и знаний доставало, а теперь вот, чтобы этакого, например, петуха призвать к порядку, надо, оказывается, специальный институт кончать.— Михайлов горько усмехнулся.— Что ж, я солдат: приказано учиться — буду учиться».

Тут, почувствовав на себе чей-то пристальный взгляд, он повернул голову и увидел Трофимова.

«Кто таков?» — насторожился Михайлов, уловив в обращенном к нему лице незнакомца напряженное внимание, с каким тот следил за ходом процесса.

«Наверно, дружок подсудимого», — предположил прокурор, но тут же подумал, что на приятеля Лукина человек этот никак не похож. Михайлов снова глянул на него и заметил осуждение в его ответном взгляде.

Да, Трофимов осуждал Михайлова. С недоумением смотрел он на прокурора, который так прямолинейно, так торопливо вел дело. С недоумением и осуждением отнесся Трофимов и к заявлению прокурора о том, что ему все ясно.

«Что же тебе ясно? — с досадой думал Трофимов.— Под какую статью можно подвести вину Лукина? Для этого не стоило и суд начинать. Дело ведь далеко не такое простое! Посмотри, посмотри на мою соседку, на ее горестное лицо. Нет, товарищ прокурор, ничего-то тебе не ясно».

— Если ни у прокурора, ни у защитника нет больше вопросов, — сказал председательствующий, — то суд продолжит допрос свидетелей.

— У меня имеется заявление! — вскочил со своего места седенький старичок.

— Предоставляю слово защитнику, товарищу Струнникову,— объявил судья.

Прежде чем заговорить, Струнников вскинул брови, и будто на одной с ними веревочке вскинулись вверх его плечи. Всем своим видом защитник выказывал крайнее изумление. Лицо его с вскинутыми бровями дышало таким негодованием, что по залу суда пронесся настороженный шепот.

— Товарищи судьи! В интересах истины я ходатайствую, больше того, я настаиваю на вызове в суд еще одного свидетеля и на привлечении к делу дополнительных материалов, которые могли бы должным образом раскрыть перед нами прошлое моего подзащитного! — Адвокат произнес эти слова горячо, и видно было, что он волнуется, точно впервые, а не в какой-нибудь двухтысячный раз приходится ему выступать защитником в суде.— Товарищ председательствующий! Мой подзащитный — еще молодой человек, я бы сказал, юноша, но, тем не менее, его краткий жизненный путь отмечен пусть скромными, но...

— Товарищ председательствующий, — прервал Струнникова Михайлов,— я протестую против того, что защитник, вместо заявления по существу дела, цитирует нам избранные места из своей защитительной речи. Всему свое время и место.

— Товарищ председательствующий! — запальчиво возразил защитник.— А я протестую против того, что представитель государственного обвинения прерывает меня на полуслове.

— Хорошо, хорошо, продолжайте, — улыбнулся судья.

— Итак, я повторяю, краткий жизненный путь моего подзащитного отмечен пусть скромными, но достойными нашего внимания трудовыми заслугами. Лукин — отличный водитель, прекрасный механик. Но это не все. Лукин известен как страстный исследователь нашего богатейшего края. В этом он наследует своему отцу — старейшему уральскому краеведу. Почему же, решая судьбу молодого человека, мы не желаем считаться именно с этой стороной его жизни — с его трудовой и общественной деятельностью? Кадровый советский рабочий — и вдруг подсудимый? Любитель природы, исследователь родного края — и вдруг преступник? Не противоречит ли это одно другому? Безусловно, противоречит. Вот почему, чтобы найти истинную причину, побудившую Лукина совершить то, что он совершил, мы должны, я полагаю, особенно пристально изучить бытовую и трудовую обстановку, в которой он жил последние месяцы.

Струнников выдержал длинную паузу и уже спокойным голосом, как человек, убежденный, что его поняли и согласны с ним, продолжал:

— В целях более глубокого выявления бытовой и трудовой обстановки, в которой находился мой подзащитный, и для более полной, всесторонней характеристики его, я ходатайствую перед судом о вызове еще одного свидетеля: начальника жилищного строительства комбината и непосредственного начальника моего подзащитного — товарища Глушаева Григория Маркеловича. Убежден, что товарищ Глушаев даст объективную и хорошую характеристику Константину Луки-

ну. Кроме того, я ходатайствую перед судом об обязательном приобщении к делу дополнительных документов: служебных характеристик и отзывов общественных организаций города о моем подзащитном.

Струнников сел и почти скрылся за пухлым портфелем, лежавшим перед ним на столе.

Что-то во всем облике старого адвоката, и даже не столько в облике, сколько в той страстности, с которой он только что говорил, решительно расположило к нему Трофимова.

«По форме старомодно, по существу верно»,— оценил он мысленно выступление защитника.

Председательствующий посоветовался с народными заседателями и объявил решение суда:

— Посовещавшись на месте, суд выносит определение: ходатайство защитника, товарища Струнникова, удовлетворить — вызвать в качестве свидетеля по делу гражданина Глушаева Григория Маркеловича, а также затребовать характеристики о подсудимом Лукине с места его работы и от общественных организаций города. Дело откладывается до пятнадцатого июня.

Трофимов поднялся со своего места и отошел к окну. Отсюда ему было удобно наблюдать за тем, что происходило в зале. Почти все посетители суда, прежде чем уйти, подходили к Лукиной и, кто — словом, кто — жестом, выражали ей свое сочувствие. Коренастый седоусый старик, вероятно отец Лукиной, взял ее под руку и бережно повел к выходу. Все предупредительно расступились, давая им дорогу.

Лукин, который не был под стражей и свободно мог уйти из зала суда, стоял в полном одиночестве и не трогался с места. Люди проходили мимо него, пряча глаза и отворачиваясь.

— Механик по кулачной расправе! — презрительно сказала какая-то девушка.

— Молчи, Катюша, а то он и тебя ударит! — подхватила другая.

— Пусть попробует! — угрожающе сказал их спутник, молодой плечистый парень, и неожиданно напустился на девчат: — А вы это бросьте, насмешки свои! Не до смеха тут! Пошли!

Мимо Лукина прошел высокий сухощавый старик.

— Отец! — робко окликнул его Лукин.

— После! Дома поговорим! — не оборачиваясь, буркнул старик.— И без того стыда натерпелся!..

Он подошел к Зотовым.

— Здравствуй, Танюша! Здравствуй, сват! Не думал я, что придется нам в суде родство наше топтать,— сказал он хмуро, и протянутая рука его повисла в воздухе.

— Папа! — просительно прошептала Татьяна, прижимаясь к отцу.

Невысокий Зотов глянул снизу вверх на Лукина и, угловато передернув плечом, протянул ему руку.

— Выходит, непрочным родство оказалось. Ошиблись мы...— сказал он и, насупившись, опустил голову.

Так стояли они друг перед другом, и ни один не решался прервать рукопожатие, понимая, что в нем заключалась последняя надежда на примирение, на возврат к былой, зародившейся еще в детстве дружбе. Томительная тишина стояла вокруг, и казалось, не будет ей конца, как не будет конца и тому, что происходило сейчас между Зотовым и старым Лукиным. И вдруг рядом с ними возникла маленькая фигурка Струнникова. Куда девалась его воинственность? Тихим, даже задумчивым показался он в этот миг Трофимову. Задушевно и мягко прозвучали его слова:

— Друзья, друзья мои, не растопчите дружбу... Нельзя... Нельзя.

Его рука легла на руки стариков, их хмурые лица просветлели, и они с благодарностью взглянули на душевно понявшего их сейчас человека.

Татьяна бросилась к Струнникову, обняла его и, улыбаясь сквозь слезы, что-то зашептала ему на ухо, а он, слушая ее и ласково ей кивая, легко подталкивал ее к выходу, к двери, через которую проникали сюда лучи весеннего солнца.

Зал быстро пустел. Наконец ушел и подсудимый, и в большой комнате остались лишь почему-то медливший уходить Михайлов и Трофимов.

— Вы ко мне? — обращаясь к Трофимову, спросил прокурор.

Трофимов подошел к Михайлову.

— К вам.

— Не мне ли на смену приехали?

— Так точно, прислан сюда на работу. Младший советник юстиции Трофимов,— отрекомендовался он.

— Ну вот, я так и понял, как увидел вас, так сразу и догадался,— растерянно улыбаясь, сказал Михайлов.— Что это, думаю, за гражданин такой суровый сидит? А это вон кто... Сразу, значит, решили с суда начать? Можно и так, можно и так. Прошу ко мне,— пригласил он. И, досадуя на себя за внезапно охватившее его волнение, Михайлов, не оглядываясь, пошел к выходу.

4

Прокуратура помещалась в этом же доме.

Михайлов ввел Трофимова в кабинет и вызвал секретаршу.

— Попросите ко мне помощников,— сказал он.

Молоденькая секретарша понимающе кивнула и неслышно, одними губами, спросила:

— Он?

— Идите, идите! — Михайлов тяжело спустился в кресло.— Вот и в отставку меня,— произнес он упавшим голосом, уже не пытаясь больше скрывать от Трофимова своего огорчения.— Верно, устал... Всякое пустяковое дело выматывает. Сегодняшнее, например. Ну что в нем особенного? А я из-за упрямства этого мальчишки разволновался больше, чем на серьезном процессе.

Трофимов, медленно прохаживаясь по кабинету, внимательно слушал Михайлова. Недавнее раздражение против него улеглось, и Трофимов с сочувствием смотрел сейчас на этого пожилого, грузного человека, видно не легко переживавшего перемену в своей судьбе.

Трофимов видел, что Михайлов ждет от него каких-то объяснений, которые помогли бы ему разобраться в случившемся, и не столько разобраться, сколько узнать, что думают об этом другие.

Но что мог сказать ему Трофимов? Пожалеть его? Утешить? Нет, слова сочувствия прозвучали бы сейчас ложно. Больше того, они оскорбили бы Михайлова.

Почти не зная этого человека, наблюдая лишь за тем, как он вел себя на суде, Трофимов все же не мог не почувствовать, что старому прокурору присуща уверенность в собственной непогрешимости.

Прокурорская непогрешимость! Как часто предостерегали Трофимова его старшие товарищи не поддаваться этому чувству. Да и собственный следовательский опыт говорил о том же. Стоило только прокурору уверовать в свою непогрешимость, как мгновенно притуплялось его зрение большевика и защитника государственных интересов.

— Все-то вы не то говорите, дорогой коллега,— сказал Трофимов.

Михайлов встрепенулся и с надеждой посмотрел на собеседника. Он был рад, что ему возражают, что он в чем-то ошибается, и сейчас этот молодой человек со строгими, внимательными глазами скажет ему желанные, обнадеживающие слова: «О какой отставке вы говорите? Вас посылают на учебу, чтобы подготовить для более высокого назначения. В области о вас отзывались самым лестным образом...»

Трофимов хорошо понимал, как трудно сейчас Михайлову. Даже самый строгий ревнитель истины вряд ли упрекнул бы Трофимова за то, что он, знакомясь с Михайловым, немного покривил бы душой. И таким милым и приятным был бы этот мирный разговор двух только что познакомившихся людей, одному из которых предстояло занять место другого.

Но именно потому, что предстоящий разговор мог бы стать таким милым и приятным, таким, честно говоря, ненужным, Трофимов, припоминая поведение Михайлова на суде, решил говорить с ним напрямик.

— Об отставке говорить рано,— сказал он.— Ну, а учиться всем нам, товарищ Михайлов, необходимо.— С досадой на себя Трофимов подумал, что начал разговор с человеком и старше и опытнее себя слишком уж назидательно и сухо, но отступать было поздно.— Вот вы утверждаете, что дело Лукина — пустячное,

простое дело. А я думаю, что это не так. Еще двадцать лет назад проступок Лукина не показался бы нам таким диким и невероятным. Тогда еще были свежи в памяти традиции старой, дореволюционной семьи и нет-нет да и напоминали о себе прежние домостроевские порядки. Сегодня же этот случай — чрезвычайное происшествие.

«Ну, вот! Ну, вот! — слушая Трофимова со все растущим раздражением, думал Михайлов.— Меня уже поучают, мне уже читают лекции! Да откуда он взялся, этот без году неделя прокурор?»

— Прописи, прописи излагаете, молодой человек! — сказал он.

— Младший советник юстиции,— протягивая служебное предписание, поправил его Трофимов.

Михайлов взял предписание и долго, точно сомневаясь в том, что там написано, держал его перед глазами.

— Юрист первого класса Михайлов,— в тон собеседнику представился он и опять с раздражением подумал: «Знает, что званием меня повыше, оттого и смел так».— Прописи, прописи! — упрямо повторил Михайлов вслух.— И что учиться надо — знаю. И что драться не надо — знаю. И то еще знаю, что все дело Лукина вмещается в сто сорок шестую статью уголовного кодекса РСФСР. А статья эта, товарищ младший советник юстиции, не так уж строга.

— По наказанию?

— Вот именно!

— А по смыслу содеянного? И потом, товарищ Михайлов, давайте условимся, что мы, коли зашел между нами откровенный разговор, не станем заниматься юридической пикировкой, а попробуем серьезно разобраться в том, что вы называете «пустяковым делом», а я — «чрезвычайным происшествием».

Михайлов резко наклонил голову.

— Ну что ж, давайте!

Трофимов опять медленно прошелся по кабинету, остановился перед висевшим на стене в рамке печатным текстом, прочел его и только после этого, как бы мимоходом, заметил:

— Рано говорить о наказании, когда не знаешь, за что наказывать.

— Как так не знаешь? — изумился Михайлов.— Ударил жену — вот за что.

— Почему ударил?

— Ну, минутное раздражение, возможно, обида,— замявшись, сказал Михайлов.— Похоже, что Лукин и сам толком не знает, из-за чего ударил.

— Ну, а прокурор должен знать?

— Я знаю главное: подсудимый совершил преступление против личности и по советским законам должен понести соответствующее наказание.

— Согласен. Но не странно ли? Советский молодой человек, хороший работник и вдруг бьет свою жену. Возможно ли это? А если возможно, то почему? От этого «почему?» вам никуда не уйти. Прокурор обязан добиться ясного ответа на этот вопрос.

Трофимов посмотрел на Михайлова. Тот сидел хмурый, все так же упрямо склонив голову, и молчал.

— Ответ этот необходим вам, чтобы потребовать для подсудимого заслуженного им наказания,— продолжал Трофимов.— Он необходим суду, чтобы вынести виновному справедливый приговор. И прежде всего необходим самому Лукину, его жене, их близким. Нужно, чтобы суд помог Лукину разобраться в случившемся и, если это возможно, сберег молодую семью.

Трофимов снова вопросительно взглянул на Михайлова, и ему вдруг стало жаль его и показалось, что весь их разговор сложился как-то неудачно. Он был прав, когда обвинил Михайлова в неверном, поверхностном подходе к делу Лукина, был прав, когда предположил в своем предшественнике пагубную для прокурора убежденность в собственной непогрешимости. Все это так. Но нужных слов, которые помогли бы Михайлову взглянуть на себя со стороны, Трофимов все же не нашел. А в этом-то и заключался весь смысл их разговора.

И вот, сняв со стены заключенный в рамку печатный текст, перед которым он только что останавливался, Трофимов негромко и раздельно, словно стараясь уяснить самому себе каждое слово, начал читать:

— «От прокурора зависит направление каждого дела. Мы требуем и вправе требовать от прокурора, чтобы ни один невинный не был привлечен к суду. Мы требуем от него такой постановки и такого обоснования обвинения, которые действительно помогли бы судье разобраться в деле; мы требуем от прокурора такой постановки работы, такой организации борьбы за социалистическую законность, при которой каждый рабочий, каждый колхозник, каждое советское учреждение было бы гарантировано от бюрократических извращений, когда каждый был бы уверен в том, что его законные права и интересы охраняются и что на охране этих интересов стоит специально поставленный советской властью прокурор». — Трофимов кончил читать и взглянул на Михайлова.— Нам ли не помнить этих слов Михаила Ивановича Калинина! — мягко добавил он.

— Но это совсем о другом, совсем о другом! — воскликнул Михайлов.— Никто не может упрекнуть меня, что я не защищаю интересов граждан, что я бюрократ!

— Нет, это о том же самом, товарищ Михайлов,— так же мягко сказал Трофимов.— Да, суд встал на защиту Лукиной. Но ведь в ее интересах — и это не менее важно,— чтобы суд, кроме того, помог ей разобраться в случившемся, помог ей вынести свой собственный справедливый приговор по делу, от которого зависит вся ее будущая жизнь...

Михайлов поднял голову, собираясь, видимо, что-то возразить, но в это время в кабинет вошли помощники прокурора.

— Вот, товарищи, ваш новый начальник — младший советник юстиции Трофимов,— сказал им Михайлов.

— Здравствуйте, товарищи, — Трофимов шагнул навстречу стоявшим в дверях сотрудникам прокуратуры.

Немолодая женщина с тремя звездочками юриста второго класса на погонах приветливо глядела на Трофимова. Видно, не опытом даже, а каким-то материнским чутьем догадалась она о перенесенной им труд-

ной жизни, о тяжких испытаниях, выпавших на его долю.

Он же, вглядываясь в ее доброе, в крупных, но не резких морщинах лицо, узнал в ней одну из тех, которые еще в первые годы советской власти вступили на путь равноправной с мужчинами государственной деятельности, не утеряв при этом добродушия и мягкости простой русской женщины.

Трофимов назвал себя и крепко пожал ей руку, ощущая в ее ответном пожатии то дружеское расположение, которое так всегда дорого при первом знакомстве.

— Ольга Петровна Власова, помощник прокурора по общему надзору,— отрекомендовалась она.

— А вы, значит, по уголовным? — обратился Трофимов к невысокому, подтянутому, в отлично сшитом кителе молодому человеку.

— Точно,— улыбнулся тот.— Юрист второго класса Находин Борис Алексеевич.

Находину было лет тридцать, но лицо его — вздернутые брови, короткий задорный нос и смешливые складочки возле рта — таило в себе такое мальчишеское озорство, что Трофимов с некоторым сомнением снова взглянул на его погоны. Однако не звездочки на погонах, а пристальный, изучающий взгляд Находина разом убедил Трофимова в том, что его помощник по уголовным делам куда взрослее и серьезнее, чем это могло показаться с первого взгляда.

— Присаживайтесь, товарищи, — сказал Михайлов.— Да, у меня к вам просьба...— обращаясь к Трофимову, замялся он,— личная...

— Слушаю вас.

— Я-то, вероятно, за неделю передам вам все дела и уеду на курсы, а вот семья... Дочка, понимаете, заканчивает десятилетку. Так нельзя ли им пока, ну месяц-полтора, пожить на прежней квартире? Ольга Петровна вам уж и комнату нашла. Чудесные люди, тихо, чисто...

— Я так и предполагал,— ответил Трофимов.— Куда мне одному целая квартира? — Он обернулся к Власовой: — Большое спасибо вам за заботу.

— Какая там забота! — смутилась Власова.— Даже и не встретили вас. Но уж в этом вы сами виноваты — надо было предупредить, что едете.

— Да как бы вы меня на станции узнали, кого же встречать-то? — рассмеялся Трофимов.— Впрочем, не думайте, что меня не встретили.— Трофимов вспомнил старика Чуклинова и подумал: «Вот, Егор Романович, я уж и осматриваться начинаю. Жди скоро в гости — на весенний мед да на прямой разговор».

— Когда начнете знакомиться с делами? — спросил Михайлов.

— Я думаю, порядок установим такой: сначала дела, не терпящие отлагательства, затем письма граждан. Я предполагаю ознакомиться со всеми жалобами, поступившими в прокуратуру в течение ну хотя бы последнего года. Это поможет мне возможно скорее войти в жизнь района.

— Не много ли будет? — пожал плечами Михайлов.— Тут ведь одного чтения на неделю хватит.

— Как-нибудь осилю, — улыбнулся Трофимов.— А кроме того, думаю, придется не столько читать, сколько ездить и разговаривать.

— Это так, это так,— согласился Михайлов и с сомнением покачал головой.— А управитесь?

— Будем работать все вместе,— и Трофимов указал на Власову и Находина.— Должны управиться.

5

У выхода Таню Лукину поджидали подруги. Стараясь казаться веселыми, точно никакого суда вовсе не было, они окружили ее, затормошили, забросали ничего не значащими словами. И вышло так, что и Таня вдруг улыбнулась, что-то спросила, что-то ответила и посветлела лицом — то ли от теплого весеннего ветра, то ли оттого, что оказалась среди друзей.

А Зотов, Лукин и Струнников вместе дошли до угла. Здесь предстояло разойтись по домам, но, потоптавшись на месте, они все так же, втроем, двину-

лись к берегу реки, где им делать, в сущности, было нечего.

Впрочем, дело сразу нашлось. Лукин сказал, что давно собирается осмотреть свою лодку, чтобы выяснить, не надо ли ее просмолить.

Зотов огорчился, что эта простая мысль не пришла ему в голову первому, ведь и у него на берегу лежала лодка. Он пробормотал что-то про мостки для полоскания белья. Давно бы надо поглядеть, что с ними делать, а то жена говорит, что вот-вот обвалятся.

Струнников ничего не придумал, чтобы оправдать свое решение итти на реку. Всем своим озабоченным видом он как бы показывал, что ему нет никакого дела до лодки или мостков, что все это пустое и он просто обязан сопровождать Зотова и Лукина, которых нельзя сейчас оставить одних.

Молча пересекли они городскую площадь, по одну сторону которой в тиши деревьев стоял собор, а по другую тянулись торговые ряды и шумел весенний базар.

Молча прошли они по удивительно тихой после базарного гомона приречной улице, стороной обогнули пихтарниковый овражек, который неведомо как петлял между домами, и вышли к реке.

Здесь было пустынно. Тянуло свежим, пахнущим сырой землей ветерком. Видно, в лесу, по оврагам, земля только-только освободилась от снега.

Лукин поискал глазами свою лодку.

На солнцепеке килем вверх лежала свежепросмоленная, сочащаяся варовой слезой двухвеселка.

Старики подошли к ней, и Лукин, пачкая руки варом, стал прощупывать проконопаченные пазы.

— Чего же ее осматривать? — усмехнулся Зотов.— Лодочка обихожена — спускай на воду и плыви.

— Видать, Константин просмолил. Берется не за свое дело.— И Лукин с досадой обтер ладони о ветошь, лежавшую под кормовым сиденьем.

Лодка, с виду грязная и неказистая, свободным размахом бортов, узким, щучьим изгибом днища и прочными гнездами для уключин порадовала его рыбацкое сердце.

— А что, Дмитрий Иванович,— весело глянул он на Струнникова,— для рыбацкого дела лодочка в самый раз?

— Лучше и не сыскать! — самоотверженно марая руки в варе, обгладил борта лодки Струнников.

Двинулись дальше. Зотов спустился к самому берегу, где прилажены были мостки для полоскания белья.

«Экая неловкость! — подумал он, разглядывая новые без единого изъяна доски мостков.— Когда же успели их починить?»

Зотов ткнул сапогом в край мостков, но они даже и не дрогнули.

— Чего же ты ногами-то орудуешь? — смеясь, спросил его Лукин.— Жена, чай, не ломать их тебя просила.

— Кто-то уж починил,— смущенно пробормотал Зотов и, захватив в горсть несколько камешков, швырнул их в воду.

Голыши не долетели и до середины узкой реки.

— Эх, старость — не радость! — Лукин нашел на берегу плоский камешек, прикинул его на руке и метнул с таким удальством, с такой неожиданной ловкостью и силой, что голыш гоголем проскакал по воде и ткнулся в противоположный берег.

— А ну-ка, Павел!

Зотов неодобрительно покачал головой, но рука его уже потянулась за камнем. Он сбросил картуз, разбежался — даром что шестьдесят лет за плечами — и взмахнул рукой:

— Эх!

Чуть не долетев до противоположного берега, голыш шлепнулся в воду.

— Вот тебе и эх! — торжествующе глянул на него Лукин.

— Практики нет,— серьезно огорченный неудачей, сказал Зотов.

— Что практика? Ты и мальчишкой хуже меня кидал.

— Ну, уж и хуже!

— Смотри-ка! — Лукин кивнул на Струнникова.

Отойдя в сторону, Струнников сбросил с себя пиджак и, петушком подскакивая на месте, бросал в воду

камни. Они падали совсем близко от берега, но Струнников только кряхтел и не унимался.

— Как дитя малое,— растроганно сказал Лукин. Голос его дрогнул.— А что, Паша...— Тяжело шагнув к другу, он положил руку ему на плечо.— Надо бы нам самим все дело решить, без суда, без позора... Выпороть бы его, как нас с тобой в детстве пороли, и делу конец.

— Выпороть? — Зотов задумался, не сразу нашлись у него ответные нужные слова.

Со стороны Струнникову показалось, что старики обнялись. Ему вдруг стало зябко без пиджака и одиноко оттого, что ни Зотов, ни Лукин совсем не нуждались в нем, занятые своей дружбой и своим разговором.

— Поротый муж, битая жена,— тяжело выговаривая слова, сказал Зотов.— Нет, Иван, не о такой жизни мечтали мы для наших детей.

Подруги проводили Таню до самого дома. Попрощались, взяв с нее слово, что она придет вечером на открытие городского сада, и ушли.

— Я за тобой зайду! — крикнула, уже сворачивая за угол, одна из девушек.

Улица опустела. Но Тане казалось, что она все еще слышит голоса подруг, видит их оживленные лица. Она стояла у калитки и смотрела на длинные закатные тени от деревьев, медленно подползавшие к ее ногам. Очень не хотелось итти домой, снова остаться наедине со своими мыслями, снова войти в привычный мир прежних вещей, которые стали ненужными ей и даже — она вдруг отчетливо ощутила — враждебными.

И она представила себе свой дом таким, каким он прежде возникал перед ее глазами. Но это была не внешность комнат, хотя она могла бы припомнить там каждую мелочь, каждый гвоздь, каждую половицу. То, что промелькнуло перед ее внутренним взором, рождало слитное ощущение радости, счастья, и трудно было выделить из этой светлой картины главное или второстепенное. Все было главным: и то, как, радуясь холодному утреннему ветру, распахивал Костя окна в их

комнате, и то, как, подражая отцу, важно усаживался за обеденный стол, и то, как задорно встряхивал головой, когда говорил об их будущем, делился с ней своими мечтами. Все было главным. И ничего этого больше не было... Константин с того дня жил у своих стариков, а здесь остались одни лишь стены, и столы, и стулья, и полки с книгами — мертвые свидетели их былой жизни.

— Нет, нет, не хочу, не надо! — прошептала Таня и побежала прочь от своего дома.

Она шла, не разбирая дороги, и остановилась только тогда, когда чьи-то сильные руки обняли ее за плечи. Таня подняла голову: перед ней стоял отец, а чуть поодаль — старик Лукин и Струнников.

— Что с тобой, дочурка моя? — спросил Зотов.— Обидел кто?

Выражение его лица, растерянное и гневное, говорило о такой боли за дочь, что мысли о себе, о своем горе оставили Таню и сменились тревогой за отца.

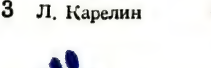
— Я искала вас, папа,— сказала она, и это было правдой.— Я хочу домой, к вам...

— Вот и хорошо, вот и хорошо,— поспешно сдергивая с себя пиджак и накидывая его на плечи дочери, прошептал Зотов.— А где ж тебе жить теперь, как не у себя — в родном доме?..

6

Уже стемнело, когда Трофимов, распрощавшись со своими новыми сослуживцами, вышел из прокуратуры.

Центральная улица, проходившая через весь город, была освещена редкими, но яркими фонарями. И, возможно, оттого, что фонари эти светились поодаль один от другого, улица представлялась Трофимову совсем иной, чем днем. Что-то знакомое было и в широкой, мерцающей огнями, дали, и в негромких голосах прохожих, и в тишине садов за высокими оградами, откуда тянуло горьковатым запахом зацветающей черемухи.

Но что это? Отчего вдруг он остановился, отчего задрожали его руки, когда, закуривая папиросу, он долго чиркал гаснущими на ветру спичками?

«Полтава?» — остро ощутив колющую боль в сердце, подумал Трофимов.

Да, эта вечерняя улица незнакомого города напомнила ему Полтаву, прошлое, юность. И, как это часто бывает, вместе с мыслями о прошлом пришли думы о настоящем, точно на незримых весах сравнивалось и взвешивалось то, что было, с тем, что есть.

Юноша-следователь в Полтаве и прокурор района здесь, в Ключевом, шли по жизни одинаково решительно. Разница была только в возрасте, но разница огромная, и все, прежде казавшееся таким простым и доступным, теперь стало сложнее и интереснее. Вот хотя бы этот первый день на новой работе... Нет, годы не сделали Трофимова уступчивей, не притупили в нем юношеской нетерпимости ко всему, что шло в разлад с его убеждениями. Они углубили его опыт, вооружили знаниями и, что очень важно,— терпением.

Трофимов вспомнил Лукиных, Михайлова, Струнникова, старика Чуклинова, вспомнил даже дежурную из гостиницы — сколько новых людей встало на его жизненном пути за один только день! И сколько бы их ни было, каждый, буквально каждый стоил того, чтобы о нем думали, заботились, чтобы его берегли.

«Не слишком ли много я на себя беру? Не ошибаюсь ли? — подумал Трофимов и тут же сам себе возразил: — Но разве я надеюсь только на свои силы? Или на силы Власовой и Находина? Нет, у меня куда больше помощников. Вот они, эти еще не знакомые мне люди, что идут сейчас навстречу, и сотни людей за стенами этих домов, люди, мысли и стремления которых сходятся на одном слове: «Коммунизм!»

Только теперь Трофимов заметил, что не идет, а почти бежит по улице.

«Куда это я?» — улыбнулся он и, вспомнив об адресе, который дала ему Власова, решил сейчас же разыскать этот дом...

Дверь Трофимову открыла высокая пожилая женщина. Несмотря на возраст, она держалась прямо, и движения ее были плавны и легки. Она слушала объяснения Трофимова о том, кто и зачем его к ней прислал, и смотрела на него так, будто хорошо понимала, почему он, не дождавшись утра, бросился отыскивать ее дом.

— Пойдемте.

Женщина взяла Трофимова за руку и повела в комнату.

— Марина, а ведь вышло по-моему! — громко обратилась она к кому-то, и в голосе ее прозвучали молодые нотки.

Яркий свет после полутемной прихожей ударил Трофимову в глаза, и он остановился на пороге.

В глубине комнаты, перед большим стенным зеркалом, стояла девушка.

— Ты о чем, мама? — спросила она.

Слова, произнесенные ею, прозвучали звонко и протяжно, словно обронила она их невзначай, думая совсем о другом. Трофимов увидел, как медленным, округлым движением она вскинула руки к голове, оправляя тяжелые русые волосы, и, глядя в зеркало, лишь чуть-чуть повела в его сторону глазами.

— Да о том,— сказала мать,— что Ольга Петровна ошиблась, даром что прокурор — знаток человеческих душ.— Она обернулась к Трофимову: — Власова-то ваша только что звонила мне, предупреждала, что вы придете завтра, а я усомнилась: «Нет, говорю, сегодня заявится, обязательно сегодня». И то сказать, в домах свет, люди, жизнь, а ты один во всем городе — ни родных, ни знакомых.

— А мы, по-твоему, знакомые? — улыбнулась дочь.

И опять слова эти прозвучали как бы невзначай, а ее улыбка — открытая, ясная — обращена была вовсе не к Трофимову, и не к матери, а куда-то мимо них, к тому, что жило сейчас в глазах этой девушки.

— Конечно, знакомые,— рассмеялась мать.— Ведь вас Сергеем Прохоровичем зовут?

— Верно,— улыбнулся Трофимов.— А вас — Евгенией Степановной?

— Тоже верно. Знакомьтесь, моя дочь Марина, санитарный врач города и весьма строгий товарищ, но вы ее не бойтесь: она в отца — накричит, разнесет и тут же помилует.

— Надеюсь, мы будем друзьями,— сказал Трофимов.

— Может быть, если вы не очень похожи на Михайлова...— Марина протянула Трофимову руку: — Белова.

— Вот как? Что же он такое натворил?

— В том-то и дело, что он ничего не натворил, а надо бы.

— Ну-ну, не ко времени разговор,— становясь между дочерью и Трофимовым, с улыбкой сказала Евгения Степановна.— Пойдемте, Сергей Прохорович, я вам покажу вашу комнату, а потом будем чай пить.

Она снова дружески взяла Трофимова за руку и, как маленького, повела его за собой.

— Вот... Это кабинет моего покойного мужа.

Комната, куда ввела Трофимова Евгения Степановна, была вся заставлена книжными шкафами и полками. Широкий письменный стол был почти пуст — стопка чистой, пожелтевшей от времени бумаги, большая необтесанная глыба кварца, в которой было выдолблено гнездо для чернильницы, настольная лампа и рядом с ней маленькая фотография Владимира Ильича, читающего «Правду».

Трофимов подошел к столу, взглянул на эту с детских лет знакомую фотографию Ленина, на полки с книгами, на образцы горных пород, аккуратно разложенные на подоконниках, и сразу почувствовал себя здесь дома, среди родных и близких людей.

— Разрешите? — он вопросительно посмотрел на Евгению Степановну, а руки его уже потянулись к книгам.

— Смотрите, смотрите,— печально сказала Евгения Степановна.— Тут найдутся полезные книги и для вас. Муж собирал их с толком, умеючи. Ах, как он любил книги! И вы, видно, любите?

— Люблю! Очень! — сказал Трофимов, покосив-

шись на Марину, которая в это время показалась в дверях.

И пока женщины, легко двигаясь по комнате, прибирали ее, Трофимов переходил от одной книжной полки к другой, снимая книги и не спеша прочитывая их заглавия.

Чего только тут не было! Книги по садоводству и архитектуре, множество книг о месторождениях золота, нефти и руд на Урале, целая библиотека по лесному сплаву, старинные исследования края, сборники народных песен.

Урал — Урал, с его суровой красотой, с его неисчерпаемыми богатствами, легендами и песнями, смотрел на Трофимова со страниц этих книг.

— Да тут у вас целая сокровищница! —воскликнул он, когда глаза его случайно встретились со взглядом Евгении Степановны.

— Ну что ж, я буду рада, если эти книги вам пригодятся,— сказала она.— Больно смотреть, как стоят они без дела на полках, точно вместе с хозяином...— Она не договорила, не смогла произнести страшного для себя слова. Слезы навернулись у нее на глазах, и дочь, заметив это, тихонько обняла мать и прижала ее к себе.

На минуту в комнате стало тихо и сумрачно. Трофимов, не смея потревожить этой тишины, не знал, что сказать. С книгами в руках он неподвижно стоял посреди комнаты и казался сейчас самому себе нелепо большим, неловким и совсем чужим для этих тяжко переживающих недавнюю утрату женщин.

— Вы уж меня простите за слабость,— сказала Евгения Степановна.— Как увидела вас с книгами, так и вспомнился муж. Он бывало тоже после какой-нибудь поездки вбежит к себе в кабинет и вот, как вы теперь, схватится за книги и начнет их перебирать, листать, восхищаться. Все у него в руках кипело, радовалось. Любил он жизнь!

— Кем же он был? — тихо спросил Трофимов.

— Кем только он не был!.. Мальчишкой на пароходе, грузчиком, приисковым рабочим, сталеваром, солдатом. Был первым строителем нашего комбината, по-

том его директором... Вот я вам и отвечу, Сергей Прохорович: был наш отец большевиком. Громкое это слово, а скромнее сказать не могу...

— Пойдемте, пойдемте пить чай,— нарушая наступившее молчание, сказала Марина.— Да положите вы книги, еще начитаетесь.

— И верно: что это мы? — встрепенулась мать.— Чай, чай пить! Милости прошу! — Она распахнула дверь и первая прошла в столовую.

— А после чая,— сказала Марина,— если хотите, пойдем в городской сад: там сегодня открытие.

За стол садились молча.

Марина налила Трофимову чаю и пододвинула чашку так просто, таким привычным движением, что он понял: место, на котором он сидел, раньше занимал за столом ее отец. Эта догадка смутила его. Несуразным представилось ему вдруг его вторжение в этот дом, в чужую жизнь, в чужое горе.

Он поднялся и пересел на другой стул.

Ни мать, ни дочь не сказали ни слова. Казалось, они ничего не заметили. Только Марина, когда она снова пододвигала Трофимову чашку, пожалуй, в первый раз за весь вечер внимательно на него посмотрела.

7

Городской парк был отделен от центра города рекой в том месте, где она делала широкую петлю, так что парк как бы лежал на самой реке, протянув к городу круто изогнувшийся над водой деревянный мост.

Мост этот по вечерам был местом встреч влюбленных.

Здесь, возле резных перил, в матовом свете фонарей, парни невольно говорили шепотом, а девушки, потупившись под взглядами случайных прохожих, прикрывали лица трепетавшими на ветру шелковыми косынками.

Сюда доносились приглушенные расстоянием звуки духового оркестра, неясные шумы вечернего города. Приносил сюда ветер и протяжные гудки буксиров с

Камы, до которой было не меньше пяти километров.

От этой шири вокруг да от простых, хороших слов, что говорили своим подругам ключевские парни, тревожно бились девичьи сердца и верилось в любовь, большую и верную.

Хранители местных традиций могли бы рассказать много романтических историй, в которых немаловажную роль играл мост над Ключевкой. Часто случалось, что дочь назначала здесь свидание у того же фонарного столба, что и ее мать каких-нибудь двадцать, тридцать лет назад.

Ключевцы любили этот мост и столетний парк за рекой с тем глубоким чувством привязанности к родным местам, которое неизменно живет в русском человеке. Даже самые отчаянные городские озорники стихали на мосту и чинно пересекали его, не позволяя себе подшучивать над влюбленными.

Парк был излюбленным местом отдыха жителей города и комбинатского поселка. Сегодня же, в день открытия летнего сезона, здесь было особенно людно и весело.

Еще не доходя до моста, Таня, окруженная подругами, заметила у фонарного столба сутуловатую фигуру мужа. Она ждала этой встречи и твердо решила не избегать ее, не укрываться больше за спинами подруг, как делала все эти дни, когда встречала Константина. А встречала она его часто. Ясно было, что он преследовал ее, подкарауливал на дороге к дому, у автобусной остановки, у проходной.

«Что ему нужно? — спрашивала себя Таня.— Разве он не понимает, что все кончено между нами? Ведь все кончено!»

И вот он снова перед ней. Прячется за фонарь, сутулится, нервно курит. Она знала эту его манеру курить, почти не отрывая папиросу от губ. И этот его отчаянный, мальчишеский наклон головы — вот-вот ринется парень в бой — горячий, смелый, быстрый.

«Весь в отца»,— говорили о нем пожилые женщины.

Но сейчас во всем облике Константина было что-то

жалкое, что-то униженное. Нелепо горбатая, старческая тень легла от него поперек моста, и тень эта, колеблемая покачиваниями фонаря, точно приседала и кланялась перед Таней.

Пройти мимо, не повернув головы, наступить на эту жалкую тень с огромной, скрюченной у лица рукой?

А подруги уже замолчали, остановились и тесным кольцом обступили Таню.

— Нет, девушки, идите, идите,— тихо, но твердо сказала она.— Я должна с ним поговорить...

Никто не возразил ни слова. Таня стояла, не поднимая головы, прислушиваясь к удаляющимся шагам девушек. Тень у столба дрогнула, двинулась к ней. Таня подняла голову. Константин стоял рядом. За спиной его изгибался край моста, сверкали в воде отражения огней, темнели кроны деревьев.

Так стояли они здесь и в тот памятный, счастливый вечер...

— Таня,— сказал он хрипло.

А она, стараясь не слышать этот ставший чужим ей голос, вспоминала то, что говорил он тогда.

— Таня, как же теперь? Как же? — трудно выговаривая слова, спросил Константин.

Она снова взглянула на его измученное, исхудавшее лицо.

— Что, Костя?

— Не думал я, что так все у нас кончится...

— И я не думала.

— Как же теперь, Таня?

— Не знаю.

— Не суди меня строже людей... Послушай, что люди говорят,— Константин замялся.— В семье всякое бывает... Ну, погорячился, должна же ты понимать...

— О чем ты? — удивилась Таня.— Про каких-то людей?.. Зачем? Я этих людей не знаю. Мои друзья так не говорят. Нет, нет, с чужих слов жизнь не прожить!

— А я и не живу! — нахмурился Константин.

Знакомая упрямая складка легла у него возле губ, прищуренные глаза сверкнули злыми огоньками. Но

странно, эта перемена в Константине обрадовала Таню. Таким он был больше похож на прежнего, такого не надо было жалеть. Жалость! Жалость! Вот что владело ею, вот что ее угнетало все эти дни! И чтобы совсем отделаться от этого унизительного, гнетущего чувства, она с вызовом бросила ему в лицо:

— А про жалость тебе твои друзья ничего не говорили? Не они ли посоветовали тебе ходить за мной по пятам, ловить на каждом углу и ждать, не пожалею ли я тебя? Бабы ведь жалостливые!..— Сказала и испугалась своих слов.

Константин отпрянул от нее и с такой яростью потряс руками фонарный столб, что матовый колпак качнулся и тоненько зазвенел.

— Уходи! — крикнул он.— Мне твоей жалости не нужно!

И Таня пошла, сперва медленно, а потом все быстрей и быстрей. Она ждала, что он позовет, окликнет ее, но он не окликнул.

Тогда она побежала. Ветер ударил ей в лицо, и она услышала звуки оркестра, далекие, неясные голоса.

— Вот и поговорили...— с горечью произнес вслух Константин, когда Таня исчезла за мостом.— Вот и поговорили...

Нет, не так представлял он себе эту встречу, которую искал, чтобы объяснить Тане, как могло случиться, что он ударил ее.

Константин и сам толком не знал, что станет он говорить, когда встретится с женой. Ему ясно было лишь одно: он не хотел ее ударить! Не хотел! И если это произошло, то, наверно, благодаря какой-нибудь нелепой случайности.

Все последние дни Константин мучительно искал ее — эту случайную причину своего дикого поступка. То он цеплялся за мысль, что был пьян, то вспоминал, как Таня оттолкнула его, когда он подошел к ней со словами: «Ну, выпил, что ж тут такого?» — и этим тяжко обидела перед товарищами; то, наконец, представлялось ему, что он вовсе и не ударил Таню, а попросту отмахнулся от нее и случайно, именно случайно, задел рукой по лицу.

Да, Константин готов был теперь ухватиться за любой довод, который мог бы хоть как-то смягчить его вину в глазах жены, смягчить, умалить его вину перед самим собой.

До встречи с Таней эти доводы казались Константину убедительными, серьезными. Но вот они встретились, и Константин сумел сказать жене лишь невразумительные, жалкие слова оправдания, которые, он чувствовал это, только сильнее оскорбили ее.

8

— Этот мост прозвали у нас «сердечным»,— сказала Марина Трофимову, когда они подходили к парку.

— Вот как? — улыбнулся Трофимов.

— Говорят, что все счастливые объяснения в нашем городе обязательно происходят здесь.

В это время Трофимов и Марина заметили стоявшего на мосту Лукина.

— Счастливые? — нарочно громко переспросил Трофимов.— Не верю, да и кто это придумал, что в любви все должно быть только счастливым? Простите,— обратился он к Лукину,— разрешите прикурить?

— Прошу,— Лукин, не глядя, протянул Трофимову тлеющую папиросу.— Сердечный мост!.. Любовь!..— зло, не разжимая губ, пробормотал он.— Брехня, брехня все это!

— Вы о чем? — прикуривая, спросил Трофимов.

— Так, между прочим...

— Странное совпадение,— сказала Марина, когда они отошли от Лукина.— Ведь парень, у которого вы прикуривали...

— Да, я знаю. Я был сегодня в суде.

— Ах, вот оно что! Меня очень огорчила вся эта история. Чудесная была пара.

— Почему была?

— Разве вы считаете, что у них все еще может наладиться?

— Думаю, что да.

— Нет, если бы меня так оскорбили,— с возмуще-

нием проговорила девушка,— как бы я ни любила, я бы не могла простить! Никогда!

— Если бы вы любили, то сказали бы другое.

— Не знаю... Не уверена...— с внезапно прозвучавшей в голосе печалью сказала Марина.

— Тогда, случись это с вами, вы бы думали не о том, прощать или нет, а о том, что за человека вы полюбили и что с ним произошло. И обязательно по сто раз на дню спрашивали бы себя: «Кто в этом виноват? Может быть, я? Или я ошиблась в нем, придумала его себе? А может быть, виноват кто-нибудь другой?» Нет, Марина Николаевна, от любимого человека так просто не отмахнешься.

— Кто виноват? — усмехнулась Марина.— Это в вас прокурор говорит, Сергей Прохорович. А в любви с прокурорской меркой делать нечего.

— Да ведь моя-то мерка куда шире вашей!

— Не спорю. Здесь, на мосту или в парке, и прокуроры и начальники всякие — такие же люди, как Костя Лукин, со своими слабостями, со своими ошибками. Но вот вы пришли в суд, и тогда ваше «кто виноват?» облекается в статью уголовного кодекса, в обвинение.

— Не правда ли, какая горькая истина? — останавливаясь перед Мариной, насмешливо спросил Трофимов.

— Да, если любовь становится предметом судебного разбирательства, если к отношениям любящих применим вопрос «кто виноват?» — то, простите меня, Сергей Прохорович, роль прокурора в таком процессе совсем незавидна.

— А все-таки, все-таки — кто виноват? А? — Трофимов коснулся локтя девушки.— Ведь как хорошо будет, Марина Николаевна, если прокурор, именно прокурор, ответит Татьяне Лукиной на этот мучающий ее вопрос.

— Но вы скажете ей только то, что она и сама отлично знает: «Виноват муж».

— Ну, а если нет? Если вина ее мужа не так уж бесспорна и, выяснив это, мы подскажем Лукиным, как им жить дальше?..

— Суд, прокурор — в роли примирителей и советчиков?

— Если вас пугают такие слова, как «суд» и «прокурор», то замените их простым словом — «друзья». Да, такие друзья, как мы, могут прийти им на помощь.

— Друг...— протяжно сказала Марина и украдкой чуть насмешливо глянула на Трофимова.— Вот вы мне все и объяснили, Сергей Прохорович. Спасибо вам.— Она рассмеялась.— Надо только заменить слово «прокурор» на слово «друг» — и все будет хорошо. Верно?

— Не совсем так,— усмехнулся Трофимов.— А вот то, что я не убедил вас,— это верно.

Они замолчали.

«Обиделся,— подумала Марина.— Ну и пусть его! Слишком уж он прямолинеен и уверен в себе».

9

Они пошли в парк и сразу очутились в толпе гуляющих. Их появление заметили. Трофимов почувствовал на себе любопытные взгляды.

— Ну, что же мы станем делать? — спросил он Марину.

— Просто походим по дорожкам,— ответила девушка.

Трофимов взял ее под руку, и они двинулись вдоль по аллее.

— Как давно не бывал я в подобных местах! — сказал Трофимов.— И очень жаль, что не бывал.

— Да, здесь хорошо,— думая о чем-то своем, отозвалась Марина.

— Очень! Так и подмывает тряхнуть стариной — потанцевать, побалагурить! А что, Марина Николаевна, не потанцевать ли нам в самом деле?

— Разве прокуроры танцуют? — улыбнулась девушка.

— Еще как! — рассмеялся Трофимов.— Хотите убедиться?

Марина не ответила. Что-то отвлекло ее. Отвернувшись от Трофимова, она устремила взгляд в дальний конец аллеи.

— Пойдемте туда! — сказала она.— Я покажу вам наш летний театр. Там сегодня концерт кружка самодеятельности комбината.

Она говорила, а сама все ускоряла шаги.

Они подошли к зданию летнего театра, и Марина подвела Трофимова к группе мужчин, куривших у входа. Еще не доходя до них, Трофимов услышал громкий, с насмешливо-добродушными интонациями голос, который покрывал все прочие голоса. Его обладатель, высокий человек лет сорока, был, очевидно, центром всего кружка.

Трофимов заметил, что пока они пересекали аллею, Марина внимательно смотрела на этого человека. Наконец и тот увидел ее.

— Марина Николаевна! — пробасил он, с юношеской проворностью идя ей навстречу.— Я уж не надеялся вас сегодня встретить.

«А ведь этот человек вам не безразличен, Марина Николаевна»,— подумал Трофимов. Будто угадав его мысли, девушка смущенно оглянулась на него и, стараясь скрыть свое замешательство, преувеличенно громко сказала:

— Знакомьтесь, товарищи! Это мой сосед и наш новый прокурор Сергей Прохорович Трофимов... Леонид Петрович Швецов — директор комбината.

— Да я бы и сам как-нибудь представился,— улыбнулся Швецов, широким, радушным движением протягивая Трофимову руку.— Рад вас приветствовать на земле уральской! Не москвич ли?

— Да, из Москвы.

— Выходит, земляки! А что, Андрей Ильич,— обернулся он к невысокому коренастому человеку,— не перевелись еще в Москве богатыри! Экий молодец! А?

— Да, такой и с вами потягаться может,— отозвался Андрей Ильич, и добродушные морщинки собрались возле его глаз.

Он подошел к Трофимову.

— Рощин, секретарь райкома. Говорят, вы ко мне заходили?

— Сразу же как приехал: хотел познакомиться.

— Вот и чудесно,— рассмеялся Рощин.— Не довелось в райкоме, так познакомимся в парке.

После громогласного Швецова голос Рощина показался Трофимову совсем тихим. Да и всем своим обликом — ростом, неторопливыми движениями — он разительно отличался от высокого, стремительного в движениях Швецова.

Невольно для себя Трофимов сравнил их. Сравнил и подумал, что эти два столь несхожие между собой человека, наверно, и работают и живут совершенно по-разному. И если Швецов первой же сказанной фразой, первым же широким своим движением как бы спешил заявить о себе, то сдержанный Рощин, напротив, приглядывался и прислушивался сам.

Секретарь райкома партии и директор крупнейшего в районе комбината были теми людьми, с которыми предстояло Трофимову и, может быть, уже с завтрашнего дня встретиться в рабочей обстановке. Вот почему с таким интересом приглядывался к ним Трофимов. Он отлично понимал, что первое впечатление бывает обманчивым, что жизнь нередко опровергает поспешные выводы, и все же был рад тому невольному чувству симпатии, которое пробудилось в нем к этим, столь различным людям.

Больше того, он вдруг поймал себя на мысли, что громогласный и веселый Швецов сразу накрепко овладел его вниманием, что он с удовольствием смотрит на него и рад его умному, необидно насмешливому взгляду серых, точно забранных в паутинку морщинок, глубоко посаженных глаз. Люди, подобные Швецову, всегда очень нравились Трофимову. Сам несколько скованный и застенчивый, он любил и ценил в других и ловкость движений, и ко времени сказанное острое словцо. Ну, а Рощин? Вглядываясь в его спокойное, с резкими складками у рта и с чуть приметной пулевой отметиной на подбородке лицо, Трофимов сразу же угадал в Рощине бывшего кадрового офицера, хотя во всей его небольшой фигуре, в тихом голосе и в штат-

ской привычке держать руки на ремне гимнастерки не было больше ничего, что прямо бы говорило о его военном прошлом.

— Ну что ж, Сергей Прохорович, с приездом,— негромко и приветливо сказал Рощин.— Как устроились? Может, нужно что-нибудь?

— Благодарю. Все в порядке.

— А то вот и председатель горисполкома Чуклинов.

Рощин указал на молодого человека, который в это время любезно раскланивался с проходившими мимо девушками.

— Степан Егорович! — позвал его Рощин.— Знакомьтесь. Наш новый прокурор.

Чуклинов подошел — сияющий, легкий, быстрый. Крепко стиснул руку Трофимову, сверкнул озорной улыбкой и, лукаво косясь на окружающих, сказал:

— Чует, чует мое сердце — трудный прокурор у нас теперь будет! И ведь заметьте, товарищи, с первых же шагов подкапывается под меня.

— Как так? — улыбнулся Трофимов, заражаясь шутливостью Чуклинова.

— Да так, что и дня не прошло, как вы в городе, а уже с санитарным врачом познакомились. Это же мой первый враг и ненавистник!

— Обещаю вас помирить,— смеясь сказал Трофимов.

— Невозможно!

— Помирю, помирю! Сам с вами поссорюсь, а с Мариной Николаевной помирю.

— Вот видите, вот видите — уже и ссориться хочет! — притворился испуганным Чуклинов.— Марина Николаевна, не губите!

— Обязательно погублю!

— Погубит, по глазам вижу — погубит! — хохотал Чуклинов.

Все невольно посмотрели на Марину.

— Леонид Петрович,— решительно сказала она,— а ведь у меня к вам дело.

— Дело? Какое же, Марина Николаевна?

— А вы не догадываетесь?

— Нет.

— Помните, я говорила вам о непорядках в молодежном общежитии и о пустыре перед детским садом? Так до сих пор ничего и не сделано.

— Но я же дал указание все сделать, — нахмурился Швецов.

— Да, дали...— Марина замялась.— Мне не хочется начинать об этом разговор здесь, в парке... Вы бы не могли меня завтра принять, Леонид Петрович? Ну хотя бы на несколько минут?

— Но завтра на рассвете я лечу в Москву.

— Вы уезжаете? — спросила Марина.

— Да, на месяц.

— Месяц? Большой срок! — огорченно сказала девушка.— А мне очень нужно с вами поговорить, просто очень нужно.

Швецов взглянул в ее огорченное лицо и, видно, почувствовал в словах Марины что-то недосказанное, без тени улыбки, с подчеркнутой серьезностью предложил:

— Тогда, Марина Николаевна, если любая из этих скамеек может заменить вам мой служебный кабинет, я готов вас слушать.

— Сергей Прохорович,— обернулась Марина к Трофимову,— вы меня извините, если я вас ненадолго покину?

— Конечно, Марина Николаевна,— с готовностью отозвался Трофимов.— Я как раз собирался поговорить с товарищем Рощиным.

— Ну, вот и чудесно! — Швецов подошел к Рощину.— До свидания, Андрей Ильич. До свидания, товарищи.— Швецов на секунду задержал свой пытливый взгляд на Трофимове.— Жаль, что наша первая встреча оказалась такой короткой. Впрочем, мы еще успеем надоесть друг другу.

— Не думаю,— отвечая на швецовское рукопожатие, сказал Трофимов.— Вернее, не хотел бы так думать.

— Это почему же? — не понял Швецов.

— Да хотя бы потому, что надеюсь с вами подружиться,— просто ответил Трофимов.

— Вот это ответ! — с интересом взглянув на Тро-

фимова, улыбнулся Швецов.— А ведь так, наверно, и случится.— Он обернулся к Рощину и Чуклинову.— Ваши пожелания, товарищи, помню. Действительно, пора, пора нам подумать о едином плане жилищного строительства и для города и для комбината. Правда, может быть, и не в этом году...

— Отчего же не в этом, Леонид Петрович? — возразил Рощин.— Откладывать, думаю, незачем.

— Каждый день жалко,— сказал Чуклинов.— Нам объединиться — мы бы горы своротили!

— Или хотя бы городские холмы,— рассмеялся Швецов.— Хорошо, я доложу в Москве о ваших предложениях. Ну, а пока могу я надеяться на вашу помощь в осушке болот?

— Вопрос решен, Леонид Петрович,— сказал Рощин.— Будем помогать.

— И городской совет тоже? — взглянул Швецов на Чуклинова.

— Всем, всем районом будем помогать! — решительно отозвался Чуклинов.— Ведь эти болота — и на нашей совести пятно.

— Пятно на совести! — рассмеялся Швецов.— Образно сказано. Подумать только, что из-за этого пятна на совести комбинат не может расширять свой поселок! До скорой встречи, товарищи!

Он попрощался с Рощиным и Чуклиновым и, еще раз кивнув на прощание Трофимову, подошел к Марине.

— Пойдемте, Марина Николаевна.

Швецов взял девушку под руку, и они пошли к стоявшей неподалеку скамье.

— Пойдем и мы,— так же беря Трофимова под руку, сказал Рощин.

10

Несколько минут они шли молча. Центральная аллея осталась далеко позади. Здесь, на тихих садовых дорожках, было безлюдно, пахло молодой листвой.

— Город наш старинный, с традициями,— заговорил Рощин.— Я говорю — «наш» город, думая и о себе и о вас. Да, Сергей Прохорович, Ключевой — наш

и для меня, а я здесь родился и вырос, и для вас, хотя вы прожили в нем всего несколько часов.

— Так и я это понимаю,— отозвался Трофимов.

— Понимаете? — недоверчиво глянул на него Рощин.— Все ли, Сергей Прохорович? — И, не ожидая ответа, Рощин отрицательно покачал головой.— Нет, далеко не все. Конечно, мысль-то сама по себе понятна: приехал человек в этот район не на день, не на месяц, а, может быть, на много лет, приехал на серьезную работу, и все здесь для него, если не сразу, то со временем, станет своим и близким. Так. Но именно со временем, Сергей Прохорович... В этом-то все дело. Возьму хотя бы пример из своей жизни...

Рощин остановился и прислушался к далекой, звучавшей где-то на реке песне.

Прислушался и Трофимов.

Два голоса — высокий, напряженный, вот-вот готовый прерваться голос юноши и негромкий, безмятежный девичий, вторя друг другу, уплывали все дальше и дальше по реке. О чем говорилось в песне, расслышать было нельзя, но то, как по-разному пели ее парень и девушка, и без слов рассказывало печальную и вечную повесть о неразделенной любви.

— Вот так и подмывает сбежать к реке и спросить у этой девушки: «Ну, чего, чего тебе еще надо? Слышишь? Ведь он же любит тебя!..» — Рощин посмотрел на Трофимова и смущенно рассмеялся.— А она мне ответит: «Уходи, секретарь, чужая любовь — не твоя забота». А чья же? Может быть, ваша, Сергей Прохорович? Ведь кто-то же должен помогать людям разбираться в их сердечных делах...

Рощин говорил, а Трофимов, с изумлением глядя на него, так и не мог понять, шутит секретарь или говорит серьезно. Кажется, шутит и даже улыбается, а глаза серьезные, да и мысль серьезная: «Ведь кто-то же должен помогать людям разбираться в их сердечных делах...»

Что мог ему ответить Трофимов? Всего какой-нибудь час назад об этом же самом говорил он с Мариной. Мог ли он, не зная Рощина, не разобрав, шутит тот или нет, взять да и выложить перед ним свои

сокровенные мысли? А если Рощин не поймет его, если сказанные им сейчас слова были просто шуткой?..

Трофимов молчал, и Рощин заговорил сам и, казалось, уже совсем о другом:

— Да, так вот вам пример из моей жизни... Секретарем райкома я всего три месяца. До этого много лет работал на сплаве. Работа такая, что, кажется, нет во всем нашем районе кустика или ручейка, которых бы я не помнил. Весь район перед глазами... Ну, а как стал секретарем, вдруг обнаружил, что района-то я и не знаю.

— Ведь вы же здесь родились! — удивился Трофимов.

— Да, родился и вырос, а вот поди ж ты — приходится узнавать родные места заново. И догадываетесь, почему?

— Нет.

— Неправда, догадываетесь! — усмехнулся Рощин.— Ведь загадка-то не трудна.

— Ну, догадываюсь,— признался Трофимов.— Люди?

— Да, люди. Пока работал на сплаве, я больше деревья да реки изучал. Где какое течение, где какой паводок бывает — все это я знал куда как хорошо. А вот с людьми был знаком неважно, поверхностно. Иного и по имени-отчеству знаешь и в гости к нему ходишь, а что он за человек, какой пробы, тебе и невдомек.

Рощин подошел к могучему тополю и осторожно провел ладонью по его шероховатой коре.

— Скажите, Сергей Прохорович, ведь вы, когда сюда ехали, наверно, много думали о своей будущей работе?

— Немало.

— А о первом своем разговоре с секретарем райкома тоже думали?

— Думал и об этом.

— И как же вы этот разговор себе представляли?

«Да, как же я представлял свой первый разговор с секретарем райкома?» — мысленно спросил себя

Трофимов и, чувствуя испытующий взгляд Рощина, чистосердечно признался:

— Откровенно говоря, такого разговора я не ждал.

— Не ждали? — усмехнулся Рощин.— Вот и хорошо, что разговор у нас нежданным получается, очень хорошо.

Рощин все еще стоял у дерева, словно собираясь обхватить ствол руками. Он и в самом деле попробовал это сделать, но руки его достали лишь до середины ствола.

— А ну-ка вместе! — крикнул он Трофимову.

Трофимов прижался грудью к замшелому стволу и, протянув руки, посмотрел вверх. Звездное небо опрокинулось на него. Гонимые ветром тучи то открывали, то закрывали прозоры в ветвях, и от этого казалось, что не туча, а самое дерево, подхваченное ветром, летит над землей. Ощущение полета передалось и Трофимову. Как чудесно было стоять вот так, запрокинув голову, обхватив руками ствол дерева, и смотреть и слушать этот широкий поток жизни!

— Вышло! — торжествующе крикнул Рощин, когда их руки сошлись на стволе. Он отошел от дерева, поглядывая на Трофимова чуть прищуренными в улыбке глазами. Потом, дружески притянув его к себе за плечи и широким движением руки указывая на город, сказал: — Знаете, что? Любить, любить все это надо. Любить беззаветно, бескорыстно.

Минуту назад Трофимов не понял бы этой внезапной взволнованности Рощина, мог бы не ощутить глубокого смысла его слов. Но теперь он понял: Рощин, говоря с ним о своем и его долге помогать людям во всем, даже в душевных делах, говорил серьезно. Он думал о том же, о чем думал и сам Трофимов.

Они вышли к реке. Отсюда был виден мерцавший тысячами огней крутой противоположный берег, а за городом, за черной полосой леса — светящийся полукруг комбината.

— Когда меня посылали сюда на работу,— сказал Трофимов,— то предупреждали, что я получаю трудный район.

— Вот как? — улыбнулся Рощин. — Такое же предупреждение получил и я.

— В чем же заключается эта трудность? — спросил Трофимов.

— На ваш вопрос не так-то легко ответить, Сергей Прохорович. Не легко даже мне, человеку здешнему.— Рощин замолчал и, должно быть, по давнишней привычке, задумавшись, потер ладонью лоб. — Скажу только одно: ошибкой будет считать, что район наш отсталый, что у хозяйственников здесь дело не клеится. Это не так. Возьмем Швецова. Хороший, инициативный работник.

— Да, если говорить о первом впечатлении, то он мне очень понравился,— сказал Трофимов.

— И неудивительно. За плечами у этого человека десяток огромных строек, большой опыт, глубокие знания. Выходит, трудность нашего района не в плохих руководителях и, тем более, не в отсталости, а совсем в другом. И думается мне, что трудность эта в том, что при всем богатстве и разносторонности районного хозяйства мы не всегда еще правильно используем наши возможности, не всегда и не все понимаем, какая у нас в руках сила. Не все! А сила эта, Сергей Прохорович, поистине огромная! Вот почему, когда вы будете искать то главное, что должно лечь в основу вашей работы, не ищите трудностей там, где их нет. Старайтесь заглянуть в жизнь нашего района поглубже и не спешите с выводами... Пооглядитесь, поработайте, Сергей Прохорович; главный наш разговор еще впереди.

— Я очень рассчитываю на вашу помощь, Андрей Ильич.

— А я на вашу. У нас ведь одни задачи, одна цель. Правда, области работы разные. Я это понимаю. Понимаю и помню, что прокурор не подчиняется местным органам власти. Все это так, но...— Рощин строго посмотрел на Трофимова, и слова, которые он сказал ему, прозвучали подчеркнуто твердо: — Михайлов с годами потерял вкус к работе, потерял остроту зрения. Это недопустимо!

— Да, недопустимо! — повторил Трофимов.

— Любить наш район, любить этот город не значит только оберегать то, что есть здесь хорошего,— говорил, энергично рубя воздух рукой, Рощин, как бы подводя итог всему их разговору. — Это значит еще, что мы должны растить здесь новое, а главное — прививать коммунистические навыки жителям нашего района, чтобы ключевцы, как и все советские люди, вошли в коммунизм по праву свободных от пережитков прошлого граждан своей страны...

— Очень хорошо, что вы говорите это мне, прокурору.

— Именно вам, прокурору...

11

— Итак, я вас слушаю! — сказал Швецов Марине, едва лишь они сели на скамью.

«Итак, я вас слушаю!» — повторила про себя Марина и вдруг почувствовала, что робеет перед этим большим и, конечно же, очень занятым человеком, и ее дела к нему, которые за минуту до этого казались ей чрезвычайно важными, сразу как-то поуменьшились и показались незначительными.

Не зная, с чего начать разговор, Марина в замешательстве смотрела на Швецова, а он, точно понимая растерянность девушки, молчал, давая ей время собраться с мыслями.

Они сидели очень близко друг от друга, так близко, что она явственно слышала его неровное дыхание и даже машинально, по-докторски, отметила: «Сердце. Пошаливает сердце». И это докторское наблюдение неожиданно помогло ей пересилить свое замешательство и начать разговор.

— Знаете, Леонид Петрович,— сказала Марина,— когда будете в Москве, обязательно покажитесь хорошему специалисту-сердечнику.

— Да, кажется, этот мой мотор начинает плохо тянуть.— Швецов неожиданно взял Марину за руку и сказал мягко, непривычно тихим для него голосом: — Спасибо вам, милая вы моя девушка. Я вообще-то не

очень слушаю врачей — некогда, но вас послушаю. Ну, а теперь о деле. Что вас тревожит, Марина Николаевна?

— Я хотела вам напомнить о пустыре перед детским садом и о душевых в молодежном общежитии. О том, что пустырь следует озеленить, а душевые — отремонтировать.

— Но я же давно приказал все это сделать.

— А вот и не сделано.— Марина быстро поднялась и, выпрямившись перед Швецовым, решительно сказала: — И я прошу еще, Леонид Петрович, избавить меня от всяких шуточек и усмешечек, которыми меня встречают, вместо того чтобы выполнять мои требования как санитарного врача города.— Марина в волнении сжала руки в кулаки.— Учтите, Леонид Петрович, что за санитарное состояние в поселке отвечаете в первую очередь вы — директор комбината.

— Так же, как и за все остальное,— миролюбиво заметил Швецов.— И я не отказываюсь от этой ответственности, Марина Николаевна, но у меня ведь очень много дел — вы знаете. Вот почему далеко не все дела решаю я лично. На комбинате вместе со мной работает немало людей, и каждый из них обязан отвечать за свой участок работы.

— Да, а на поверку что выходит? — с возмущением спросила Марина.

— Не беспокойтесь, больше это не повторится! — жестко сказал Швецов.

Он встал со скамьи, и они, медленно подвигаясь вперед, снова вышли на площадку перед летним театром.

Площадка эта, еще недавно заполненная гуляющими, теперь была пуста, а из раскрытых дверей театра доносились звуки рояля.

— Начался концерт,— сказала Марина.— Вы не хотите послушать?

— Нет, Марина Николаевна, мне пора собираться в дорогу. А вы идите.

— Нет, нет, мне совсем не хочется! — поспешно сказала Марина и нерешительно посмотрела на Швецова. — Я...

— Говорите, говорите, Марина Николаевна,— ободрил ее Швецов.— Я же вижу, что настоящий разговор у нас только начинается.

— Да, у меня к вам было очень серьезное дело, — кивнула Марина,— но теперь, раз вы уезжаете...

— Не навеки же. Нет, коли начали, то и говорите. Я недомолвок не люблю.

— И я тоже, — смело взглянула на Швецова Марина. — Но речь идет не обо мне, Леонид Петрович. Вот поэтому-то я и раздумываю — говорить или нет.

— Не доверяете?

— Нет, тут совсем другое... Хорошо, я скажу...

Марина внимательно, даже как показалось Швецову, испытующе посмотрела на него.

— Речь идет о проекте моего отца.

— О проекте Николая Николаевича Белова? Каком проекте?

— О проекте будущего Ключевого, каким он представлял его лет через пятнадцать. В этом проекте очень много говорится и о комбинатском поселке. Поэтому-то мы с мамой и решили, что вам будет интересно...

— Так, так! — сердито сказал Швецов.— Вы с мамой решили!.. Проект Белова, проект человека, который так много сделал для комбината, вы с мамой держите дома под замком, и я узнаю о нем только через полгода после приезда в Ключевой. Отлично, Марина Николаевна! Да если бы я был вашим отцом, я бы...

Не досказав того, что бы он мог сделать с Мариной, если бы был ее отцом, Швецов так неодобрительно посмотрел на девушку, что она вдруг отчетливо вспомнила, как однажды, когда ей было лет десять, отец сурово прикрикнул на нее за то, что она в чем-то солгала ему. Это был единственный случай, когда отец так строго обошелся с ней.

Сейчас, глядя на рассерженного Швецова и припоминая свое детское горе из-за размолвки с отцом, Марина не только не обиделась на Швецова, а даже обрадовалась.

— Значит, вас серьезно интересует этот проект?— с облегчением воскликнула она.— А мы-то с мамой боялись, что вы и разговаривать со мной о нем не станете. Ведь проект этот далеко еще не закончен. Отец не успел...

Марина смолкла.

— Вот что, Марина Николаевна,— сказал Швецов. — Запомните: в первый же день после возвращения из Москвы я приду к вам домой за проектом Николая Николаевича. Жаль, конечно, что он не закончен, но и то, что уже сделано, уверен, всем нам очень пригодится.

— Спасибо, Леонид Петрович,— тихо сказала Марина.— Я так рада...

— А вам не спасибо, — отозвался неожиданно грустным голосом Швецов. — Вот так проживешь большую жизнь, настроишь комбинаты, железные дороги, города, а все-таки жизни-то и не хватит. И, глядишь, лежит у тебя в ящике письменного стола неоконченная работа, и твоя дочь или жена, боясь, что люди могут оскорбить твою память, не понять, не оценить неоконченного труда, прячут этот труд в ящике рядом с фамильными альбомами и открытками с курортов. Да... Ну, пойдемте, Марина Николаевна, я помогу вам разыскать Трофимова.

— Нет, не нужно,— отрицательно покачала головой девушка.— Мне надо итти домой. До свидания, желаю вам счастливого пути...

Марина повернулась и быстро пошла к светящемуся вдали выходу из парка.

12

Оглянулась Марина уже за мостом. Парк остался далеко позади. И где-то там, на одной из дорожек, наверно, все еще стоял Швецов.

Марина медленно шла по пустынной в этот час приречной улице, думая о своем разговоре с Швецовым и о том, что ее так взволновало и обрадовало в этом разговоре.

— Марина Николаевна!—услышала она за спиной.

Она вздрогнула и обернулась.

Следом за Мариной торопливой, семенящей походкой шел адвокат Струнников.

— Вы одни! Вам грустно! — не спрашивая, а утверждая, сказал он. — Разрешите, я провожу вас.

— Спасибо, Дмитрий Иванович, но...

— Не беспокойтесь, я буду молчать. Самый говорливый человек в городе — ваш покорный слуга — знает, когда надо молчать.

— Хорошо, тогда будем молчать,— сказала Марина.

Струнников кивнул и засеменил рядом с ней.

Друг ее отца, Дмитрий Иванович был одним из тех людей, которые являлись для Марины как бы неотъемлемой принадлежностью родного города.

Однажды, когда Марина еще училась в Свердловске, она случайно встретилась с приехавшим туда Струнниковым. Марина подбежала к старому адвокату и прямо на улице горячо обняла и расцеловала его.

— Это вы не меня, старика, а город родной приветствуете,— сказал ей тогда Струнников.

Родной город... Ради него, по совету отца, Марина пошла учиться в медицинский институт. Николай Николаевич Белов хотел, чтобы его дочь стала врачом. Когда же пришло время решать, какую специальность выбрать Марине, отец посоветовал ей остановиться на санитарии. До сих пор помнила Марина это письмо.

Отец писал, что, выбирая профессию, Марина должна жить не только сегодняшним днем, но и заглядывать вперед. А в будущем самая скромная из врачебных профессий — санитария — станет одной из главных. В том, что делает санитарный врач, мало эффектного и очень много трудной повседневной работы. Он борется за чистоту в домах и на городских улицах, за яркую зелень садов, за то, чтобы легче дышалось людям. Он не лечит, а предупреждает болезни. Отец писал, что у них в городе много хороших хирургов и терапевтов, но почти нет санитарных врачей.

Влюбленный в свой край, в свой город, Белов не сомневался, что и дочь разделяет его чувства. Он не ошибся. Вернувшись домой по окончании института, Марина с первых же дней настойчиво принялась за дело. Отец помогал ей. Работа Марины совпадала с его широкими планами реконструкции и благоустройства города, который уже в самые ближайшие годы должен был стать подлинной столицей большого промышленного района.

Планы отца... Родной город...

Когда Швецов полгода назад приехал в Ключевой и пришел навестить семью Беловых, мать и дочь приняли его настороженно. Еще свежа была боль утраты, и Швецов — новый директор комбината — не мог не понимать этого. Марина отчетливо, до малейших подробностей вспомнила эту свою первую встречу со Швецовым. Нет, он не стал утешать их, не стал говорить таких ненужных и даже оскорбительных, когда их произносит чужой человек, слов о покойном.

И Марина была бесконечно благодарна ему за это. Все ей тогда в нем было симпатично: его громкий голос в их доме, где за время болезни отца все привыкли говорить шепотом, свободные и вместе с тем точные движения Швецова, его увлекательные рассказы о Москве. Марине тогда показалось, что место отца занял настоящий, большой человек.

«Но почему — настоящий, почему — большой? — не раз спрашивала себя Марина, инстинктивно подвергая сомнению свое слишком уж быстрое признание Швецова.— Да ведь я же совсем не знаю его!»

Но, думая об этом, она часто ловила себя на мысли, что Швецов вовсе не такой уж незнакомый ей человек.

Казалось, будто встречались они и прежде. Казалось, что давным-давно слышала она этот громкий, уверенный голос, видела это открытое, умное лицо и они вели друг с другом неторопливые, полные глубокого смысла и значения беседы...

Впрочем, бесед-то вовсе и не было, как не было и старой дружбы да и самих встреч. Просто, Марина узнала в Швецове «своего героя», свою «придумку»—

тот светлый, романтический и слишком уж прекрасный и безупречный образ человека, который так часто слагает в своем воображении девушка, когда приходит пора девичьих раздумий, девичьей тоски о друге.

Давно уже минуло для Марины это время девичьих мечтаний, а поди ж ты — появился Швецов, и, точно перечитанная страничка из старой и любимой книжки, возник перед ней ее забытый герой, ее «придумка», и даже не Швецов — реальный, живой Леонид Петрович Швецов, про которого Марина знала, что ему уже далеко за сорок и что в Москве у него есть жена и взрослый сын, нет, вовсе не Швецов, а такой вот — чем-то похожий на него — большой, настоящий человек чудился теперь девушке всякий раз, когда думала она о своем будущем.

«Да только встречу ли я когда-нибудь такого — похожего? — нередко загадывала Марина, сердясь на себя за эту, как ей казалось, глупую бабью тоску. — Встречу ли?» — подумала она и сейчас. И, чтобы не оставаться наедине со своими мыслями, поспешно обернулась к Струнникову.

— Дмитрий Иванович, скажите, нравится ли вам Швецов?

Струнников, словно ожидая этого вопроса, нисколько не удивился ему, но ответил не сразу, подумавши.

— Знаете, Марина Николаевна, — тихо сказал он,— ведь я — одинок... Так сложилась жизнь... И вот иногда я по-стариковски мечтаю о несбыточном... О сыне! О большом, умном человеке! И знаете, Марина Николаевна...— Тут голос Струнникова дрогнул.— Швецовскому отцу, а он, кажется, жив, я признаюсь, завидую...

В молчании подошли они к дому Марины, молча распрощались и разошлись.

13

Рощин и Трофимов вышли на аллею перед театром, когда ни Марины, ни Швецова там уже не было.

— А где же Белова? — оглядываясь по сторонам,

спросил Рощин у встретившегося им в дверях театра Чуклинова.— На концерте?

— Нет, ушла домой,— шепотом отозвался Чуклинов, не отрывая глаз от сцены, где в это время какая-то девушка прозрачно-чистым голоском выводила замысловатые трели алябьевского «Соловья».

— Да и нам пора,— сказал Рощин.— Только не домой, а в райком. Надо побеседовать с приехавшими из района товарищами.

Чуклинов с сожалением отвел глаза от сцены.

— Эх, до чего же хорошо поет наша Варя!.. Что ж, Андрей Ильич, пойдемте. И верно, надо поговорить.

Трофимов, не зная, что ему теперь делать, вопросительно посмотрел на Рощина, и тот, угадав его невысказанное желание, предложил:

— Пойдемте-ка с нами, товарищ Трофимов. Думаю, что наш разговор будет интересен и для вас...

В здании районного комитета партии, несмотря на поздний час, царило деловое оживление, такое обычное, но всегда особенное для нового человека. И Трофимов, вслушиваясь в дробный перестук машинок, в обрывки фраз, вглядываясь в лица попадающихся навстречу людей, вдруг с внезапной ясностью представил себе весь свой первый день в Ключевом. Он еще и не кончился, этот день, а сколько уже вошло в него событий, встреч, разговоров!

В приемной секретаря райкома сидело несколько человек. Видно, все они хорошо знали Рощина, и каждый, здороваясь с ним, то обращением по имени-отчеству, то напоминанием о недавней встрече невольно и не без удовольствия подчеркивал это свое знакомство с новым секретарем.

В глубине приемной, у окна, одиноко стоял высокий, сутуловатый человек. Приглядевшись, Трофимов узнал в нем старика Лукина, которого видел сегодня в зале суда.

«Зачем он здесь?» — спросил себя Трофимов и решил, что старик пришел к секретарю поговорить о сыне.

Рощин между тем, поздоровавшись со всеми, кто был в приемной, сам подошел к Лукину.

— Наконец-то! Я, признаюсь, заждался тебя, Иваныч.

— Замешкался, Андрей Ильич,— морща в скупой улыбке губы, глухо отозвался Лукин.— Сам знаешь, дела какие...

— Знаю. — Рощин оглянулся на вошедшего в это время в приемную невысокого, но статного, с седой головой человека и, дружески кивнув ему, пригласил его и Лукина к себе в кабинет. — Пойдемте потолкуем, товарищи. Степан Егорович, Сергей Прохорович, прошу вас.

Первое, что увидел Трофимов, войдя в кабинет Рощина, была большая, во всю стену, карта района. Но не размерами своими привлекала она к себе внимание. Трофимова удивил и заинтересовал ее необычный вид. Выполненная от руки и ярко раскрашенная акварельными красками, карта сочетала в себе и физические, и топографические, и промышленные данные о районе. Это была как бы и не карта вовсе, а многократно уменьшенная цветная фотография со всего района — его поверхности, его недр.

Даже беглого взгляда на нее было достаточно, чтобы почувствовать и мысленно представить всю огромность этих без конца и края хвойных лесов, многоводную силу рек и речушек, что разными путями стекались к широкой, бурливой Вишере, неизбытное богатство недр — то черневших нефтью и торфом, то желтевших драгоценной россыпью золотоносных жил, то белевших калийными солями.

Трофимов как подошел к карте, так обо всем и забыл, захваченный чудесной картиной, вдруг открывшейся его глазам.

— Надеюсь, вы не обижаетесь на меня? — подходя к Трофимову и усаживая его в кресло, лишь чуть-чуть смеясь глазами, спросил Рощин.

— За что же, Андрей Ильич?

— Да вот, не успели познакомиться, а уже затащил вас в райком.

— Нет, не обижаюсь, — серьезно сказал Трофи-

мов. — Если бы оставили меня сейчас в парке, пожалуй, обиделся бы, а так — только поблагодарить могу.

— И то сказать! — усмехнулся Чуклинов. — Девушку увели, знакомых никого. Ну куда податься приезжему человеку? — Он наклонился к Трофимову и, сверкая озорными, цыганскими глазами, с заговорщицким видом зашептал: — Посидим здесь часок на приеме, а потом ко мне — тоже на прием, а там — какое-нибудь совещание подвернется. Вот, глядишь, свой первый вечер в Ключевом вы и скоротали.

Чуклинов откинулся на спинку кресла и громко расхохотался, очень довольный своей шуткой.

— Вижу, с вами скучать мне не придется, — рассмеялся и Трофимов, снова невольно потянувшись глазами к карте.

— Нравится? — перехватил его взгляд Рощин.

— Еще бы! И подумать только, что это всего лишь один район.

— Да, наш Ключевский район, Сергей Прохорович. Жаль, художник из меня неважный, а то бы я еще и не такое здесь изобразил.

— По-моему, Андрей Ильич, — искренне сказал Трофимов, — эта карта лучше иной хорошей картины.

— Ну, уж и лучше, — довольный впечатлением, которое произвела на Трофимова его карта, возразил Рощин.— Да тут, если хотите знать, и сотой доли богатств наших не показано. Где там! Вот хотя бы взять Ивана Ивановича Лукина или Семена Гавриловича Зырянова — они такое вам порасскажут, что и впрямь дух захватит. Кстати, познакомьтесь, товарищи, Трофимов — наш новый прокурор.

— Зырянов, директор строящегося в тайге бумажного комбината,— быстро и твердо пожал руку Трофимову седоволосый человек и неожиданно строго глянул на него яркоголубыми глазами.

— Вот как — новый прокурор? — Лукин не сразу и как-то нерешительно поднял на Трофимова глаза. — Прокурор... — медленно и трудно разжимая губы, повторил он. — Да... хоть старый, хоть новый, а мне без вас теперь не обойтись. — Лукин печально развел руками. — Дожил!

Он отошел от Трофимова и внезапно, быстро шагнув к карте, громко, точно желая стряхнуть с себя невеселые свои думы, сказал:

— Э, да что там говорить о худом да о своем! Вот о чем надо говорить! — и старик осторожным, ласковым движением повел ладонью по карте. — О земле нашей, о лесах наших — вот о чем!

— Итак, каково же твое мнение о возможности прокладки новой дороги? — видно, хорошо понимая, как худо сейчас на душе у старика, нарочито деловым тоном спросил Рощин.

— Мое мнение? — Лукин поискал глазами нужное ему на карте место.— Прошу, товарищи, взглянуть.

Все придвинулись к карте.

— По поручению товарища Рощина я прошел по тем самым местам, по которым решено проложить новую шоссейную дорогу: от строящегося бумажного комбината до Ключевого. Три раза прошел весь путь — все сорок километров.

— И через болота? — спросил Чуклинов.

— Да, и через болота. Шел по прямой — так, как дорога должна лечь. И вот что я вам скажу, Андрей Ильич: дорогу строить вполне возможно. Верно задумали, верно.

— Ну вот! — воскликнул Рощин. — Выходит, Иваныч, Марьины болота не так страшны, как их малюют?

— С прежними годами ни в какое сравнение итти не могут, Андрей Ильич. Я так думаю, что и вырубки пятого и шестого лесоучастка и торфоразработки — все это их сильно подсушило.

— Добавьте к тому же три кряду жарких лета, — заметил Зырянов.

— Нет, нет, главное, конечно, торфоразработки, — сказал Чуклинов. — Солнышком такие болота не осушишь.

— Не скажи, Егорыч, — возразил Лукин. — Я-то знаю, какие солнце чудеса в лесу делает. Иной раз поутру с кочки на кочку прыгаешь, а к вечеру тем же местом — посуху идешь.

— Только не на Марьиных болотах, — заспорил Чуклинов.

— Так ведь не одно же солнце! И порубки и торфоразработки — все вместе болота и подсушило.

— На много ли? — спросил Рощин.

— Участок от деревни Чашкиной до Займищ — пять километров, который раньше и пройти было невозможно, стал проходимым и для пешего и для конного. А от Займищ,— Лукин указал на карте желтовато-зеленый разлив болотных трав, — до Черного ручья — два километра и сейчас пройти не просто. В них-то, полагаю, вся трудность и будет.

— Короче говоря, — сказал Зырянов, — на все сорок километров трассы надо класть пять трудных и два очень трудных — всего семь километров болотистых почв. Семь километров! Пройдя их, мы уже не встречаем больше препятствий. Итак, — Зырянов взял указку и решительным движением провел короткую прямую черту от корпусов бумажного комбината, обозначенных на карте в глубине широкого лесного массива, до Ключевого. — Итак, сорокакилометровая прямая дорога соединит строящийся бумажный комбинат с центром района, с железной дорогой. Сорок километров вместо теперешних ста шестидесяти пяти! Прямой путь вместо кружного и к тому же без всяких там паромных переправ через Вишеру. — Зырянов повел указкой по плутавшей в лесах узенькой ленте кружной дороги, которая, начинаясь от бумкомбината, шла в сторону от Ключевого и, лишь дважды перекинувшись через Вишеру, сворачивала к городу. — Помоему, Андрей Ильич, надо строить. Строить не откладывая. Правда, большая часть нашей бумаги пойдет, как и планировалось, по Вишере, на баржах, но новая дорога даст нам возможность пересылать наиболее ценные сорта бумаги и на автомашинах. Сейчас просто трудно учесть, какую огромную экономию времени, а следовательно и средств, получим мы, как только начнет действовать новая дорога.

— Вот, Сергей Прохорович, — обратился Рощин к внимательно следившему за разговором Трофимову,— каких-нибудь сорок километров лесной дороги,

а посмотрите, что они нам дадут. Смотрите! — Рощин указал Трофимову на карту. — В местах, через которые проложим мы наше шоссе, расположены земли трех колхозов. Здесь находятся пятый, шестой и седьмой лесоучастки. Здесь же работают две геологоразведочные партии. И вот колхозников, лесорубов, геологов, я уже не говорю о рабочих бумкомбината, новая дорога на сто двадцать пять километров приблизит к своему районному центру. Останется всего сорок километров. Расстояние, по которому вполне можно будет пустить автобус. — Рощин взял Чуклинова за локоть. — Понимаешь, Степан, автобус до Чашкиной, до лесных порубок? Какой-нибудь час пути, и ты в городе — в театре, в кино, в магазинах, в библиотеке.

— Здорово! — загораясь, сказал Чуклинов. — Ну просто здорово! Вы только подумайте, Андрей Ильич, какая это для колхозников радость будет!

— А для лесорубов? — улыбнулся своей скупой улыбкой Лукин.

— А для нас, бумкомбинатовцев? — заметил Зырянов.

— Да и для геологов, и для нефтяников, и для торфяников, — начал перечислять Рощин. — Словом, для всего района. А значит, и строить будем мы эту дорогу всем районом. Мы уже связались с областью, и там наше начинание поддерживают.

— Еще бы! — горячо сказал Чуклинов. — Ведь это такое дело! За город, Андрей Ильич, я ручаюсь — дадим и людей и транспорт, а вот за Ключевский комбинат...

— Поможет, поможет и наш комбинат, — усмехнулся Рощин.— Это уж моя забота. Впрочем, как же им не принять участие в прокладке дороги, когда работа эта совпадает с работами по осушке болот возле комбинатского поселка? Должны помочь.

— Не станет дело и за нами, — сказал Зырянов.— Есть уже решение выделить нам специальные средства, материалы, машины.

— Смотри ты! — удивленно покачал головой Лукин. — А тут еще колхозники да лесорубы помо-

гут. Видать, и впрямь конец пришел Марьиным болотам.

— И не сомневайся,— убежденно сказал Рощин. — Года не пройдет, как не останется на нашей земле этой комариной гнили.

— Да, похоже, что так и будет. Гниль комариная... Верно, из года в год переводится она у нас на земле. — Старик вдруг нахмурился, тяжело опустил голову. — Ведь вот забота-то какая досталась мне на старости лет, Андрей Ильич! Думал ли? Сын!.. Растил! Гордился! И на тебе — с гнильцой вышел парень-то.

— Не спеши, Иваныч, — сказал Рощин. — Обвинить да осудить человека не трудно. А вот помочь ему в его беде куда труднее.

— Какая уж теперь помощь, когда до суда дошло, — уныло махнул рукой старик и, не в силах более сдержать себя, хрипло выдохнул: — Судят ведь, судят моего Константина!

— Знаю, что судят, Иваныч, — обнял старика за плечи Рощин. — Ну, а кто судит-то, — думал ли об этом?

— Кто? Кто? — Лукин осторожно глянул на Трофимова. — Вот хотя бы и этот товарищ, может!

— Нет, — спокойно встретив его взгляд, возразил Трофимов. — Я — не судья.

— И верно, — горько усмехнулся Лукин. — Вы ведь прокурор, обвинитель. Значит, обвинять будете, так?

— Возможно, Иван Иванович, что и буду, — тихо сказал Трофимов.

— А я вот — отец! — крикнул Лукин. — Я даже и заступиться за него не смогу! — голос его сорвался и стих. — Что скажешь? Как оборонишь? Виноват — дело ясное.

— Да так ли уж все ясно, Иван Иванович? — спросил Трофимов. — Я познакомился сегодня с этим делом и как раз ясности-то в нем и не увидел.

— А что же там еще? — насторожился Лукин. — Винить — вините, да много-то не накручивайте. Ну, да будет об этом! Будет!

Лукин выпрямился и, совладав с волнением, уже внешне спокойно заговорил, прощаясь, с Рощиным:

— Так что надейся, Андрей Ильич, лесорубы в стройке дороги подсобят.

— Надеюсь, Иваныч, надеюсь. Да и ты надейся.

— На что это? — не понял старик.

— Да вот хотя бы на него — на обвинителя, — кивнул Рощин в сторону Трофимова. — Не «накрутит», не бойся. Как, Сергей Прохорович?

— Разберемся по-настоящему, — серьезно сказал Трофимов.

— Ну, спасибо! Пойду я. — И Лукин, коротко кивнув всем на прощание, заспешил к выходу.

— Пойду и я, — сказал Зырянов. — Нам еще у дорожников надо побывать. Гордый старик, — оглянулся он уже в дверях. — Тяжело ему...

— Ведь вот как бывает, — после долгого молчания печально произнес, ни к кому не обращаясь, Рощин: — отец, старик, прокладывает новые дороги, новые пути в жизни, а сын, которому вперед бы итти, норовит с этих дорог свернуть в болото, в комариную топь. Да... — Рощин внезапно обернулся к Трофимову и громко, убежденно докончил: — А мы не дадим ему, Сергей Прохорович, не дадим ему свернуть — и все тут!

— Нельзя, что и говорить! — сказал Чуклинов.

Рощин подошел к столу и, позвонив, вызвал секретаршу.

— А что, — спросил он у нее, — парторг колхоза имени Сталина не приезжал?

— Приехал, Андрей Ильич. Здесь он сейчас. Рвется к вам — прямо сил никаких нет.

— Антонов да чтоб не рвался! — рассмеялся Чуклинов. — Сидеть да ждать — не в его характере.

— Попросите Антонова, пусть зайдет, — усаживаясь за стол, сказал Рощин секретарше.

Секретарша вышла и едва лишь успела сказать: «Товарищ Антонов, пройдите к первому секретарю», — как в кабинет, шурша брезентовым плащом, стремительно вошел огромный рыжеусый человек.

— Приехал, товарищ Рощин! Час назад! — еще на ходу пробасил он и, остановившись возле стола, повоенному застыл перед Рощиным.

В его размашистых движениях, в громком голосе и отрывистых фразах Трофимову почудилась такая озабоченность, что он, невольно подавшись вперед, приготовился услышать известие необычайной важности. Но Рощин, казалось, умышленно медлил с расспросами.

— Знаю, знаю, зачем пожаловал,— посмеиваясь, сказал он парторгу.

— А вот и не знаете! — топорща в улыбке свои кавалерийские усы, живо отозвался Антонов.

— Знаю, знаю... — Рощин обернулся к Трофимову и Чуклинову: — Приехал... час назад... Это означает, что товарищ Антонов вот уже целый час штурмует самые различные районные учреждения такими, к примеру, выразительными фразами: «Нам нужно! Мы требуем! Колхозники ждут!..»

— Если же эти возгласы попробовать расшифровать,— подхватил Чуклинов,— то получится, что нам нужно провести в колхозе лекцию о международном положении; что мы требуем сменить в клубе проекционную киноаппаратуру; что колхозники ждут, когда у них в больнице откроют хирургическое отделение с профессором во главе.

— А что? — с вызовом глянул на Чуклинова Антонов. — И требуем! Киноаппаратуру, положим, мы уже сменили, но вот передвижка для выездов на полевые станы действительно необходима! Теперь о хирурге... Спасибо, Степан Егорович, за совет: верно, нужен нам хирург, ну просто необходим! Или вот лекция... Допустим, мы и сами знаем, что в мире происходит, но послушать лекцию на эту тему хотим. Обязательно! Не вы ли, Степан Егорович, обещали мне направить в колхоз лектора? Вы! А где он?

— Сдаюсь, сдаюсь! — замахал руками Чуклинов.— Будет вам лектор, завтра же будет!

— Слово, Степан Егорович? — деловито спросил Антонов.

— Слово, Яков Осипович.

— Ну вот, с одним вопросом и порешили, — победно подкрутил усы Антонов и, обернувшись к Рощину, бросился в атаку на него. — До вас, Андрей Ильич, у меня вот какая просьба...

— Погоди, погоди, Яков Осипович, — прервал его Рощин. — Во-первых, здравствуй. Ты так увлекся своими делами, что и поздороваться позабыл. Невежливо.

— Виноват, виноват! — Антонов смущенно переступил с ноги на ногу. — Здравствуйте, Андрей Ильич! Здравствуйте, Степан Егорович! — Антонов вопросительно взглянул на Трофимова. — А с вами, кажется, мы не встречались...

Трофимов поднялся и назвал себя.

Антонов крепко тряхнул ему руку.

— Ого, есть силенка, есть! — одобрительно усмехнулся он. — Вы не агроном ли новый? Я слышал: есть решение послать к нам, в село Искру, нового агронома. Так не вас ли?

— Угадал, угадал! — рассмеялся Чуклинов.

— Прокурор района, — сказал Трофимов. — Разочарованы?

— Прокурор? А как же Михайлов?

— Направляется на учебу.

— Да... дела... — не пытаясь скрыть своего огорчения, протянул Антонов. — А я-то как раз собирался к нему за советами итти... Ведь какой опыт у человека! По любому вопросу посоветует. — Антонов внимательно, словно вновь знакомясь, посмотрел на Трофимова: — Значит, на учебу его? Так...

В этом «так» и в настороженном взгляде парторга колхоза Трофимов почувствовал такое откровенное недоверие, что невольно смутился, и, досадуя на себя за это смущение, прямо спросил:

— Ну, а ко мне вы за советом не придете?

— К вам? Отчего же... Понадобится, и к вам приду... Кстати, есть у меня до прокуратуры очень серьезный разговор.

— А у меня до тебя, Яков Осипович, — снова прервал его Рощин. — Давай уж по порядку. Сначала мы к тебе с вопросами, а потом — ты к нам.

— Давайте, Андрей Ильич, — с готовностью согласился Антонов. — За этим к вам и приехал.

— Зачем ты приехал, это я тебе в конце нашего разговора скажу, — улыбнулся Рощин. — А пока поделись с нами, что в Искре.

— Объединились, Андрей Ильич. — Антонов широко раскинул руки и, взглянув на Трофимова, пояснил: — Все три колхоза нашего села слились теперь в один — имени Сталина. И такое у нас теперь хозяйство, что ни в сказке сказать, ни пером описать!

— А языком партийного работника придется и на бюро рассказать и в газете описать, — пошутил Рощин.

Но Антонов не заметил этой шутки и, храня прежнюю серьезность, даже торжественность, продолжал:

— От прежнего колхоза имени Сталина у нас богатейшее зерновое хозяйство. Агротехнику мы, сталинцы, ввели у себя, почитай, с тридцатого года. Своя агролаборатория, своя элита, свой режим минеральных удобрений. — Антонов снова сел, точно спохватился, что заговорил слишком громко. — И чего я тут рассказываю, — вам ли не знать!

— Нет, говори, говори, — сказал Рощин. — И нам лишний раз послушать полезно, а товарищу, — Рощин кивнул в сторону Трофимова, — тем более.

— Да... — Антонов тоже поглядел на Трофимова, и снова во взгляде его промелькнуло сомнение, и, видно, вспомнился ему Михайлов, которого почему-то решили заменить этим молодым и новым здесь человеком. — Ну, для товарища Трофимова всего и не перескажешь, — покачал он головой. — Надо ему все собственными глазами увидеть. Пусть поездит да с народом поговорит. Так-то верней...

— Правильно, — сказал Рощин, — совет хороший.

— Хотя в данном случае излишний! — заметил Трофимов, чувствуя, что говорит слишком резко. Но если можно было понять настороженность, с которой отнесся к нему Лукин, то предубеждение Антонова казалось несправедливым и вызывало невольное чувство досады. — Как же товарищ Антонов представляет себе мою работу? Конечно, буду ездить по району и разговаривать с людьми. Это первая моя забота.

Сдерживая себя Трофимов выговаривал слова медленно и четко. Говорить так в минуты волнения он научился, еще работая следователем. Бывало стиснет пальцы в кулак, посмотрит в упор на собеседника и негромко, разве что слегка глуховатым голосом, начнет говорить, смиряя себя каждым слогом медленно текущих слов.

— Ну-ну, горяч! — сказал Рощин, и по его голосу нельзя было понять, осуждает или одобряет он Трофимова. — Что ж тут обидного, что на тебя поначалу смотрят с недоверием? Народ у нас, Сергей Прохорович, приглядистый, строгий. Зато уж если поверит, то поверит до конца, если полюбит, то полюбит крепко. Так, ведь, Яков Осипович?

— Твердой повадки человек, хорошо! — точно разглядев в Трофимове что-то приметное лишь ему, кивнул Антонов.

Он долго смотрел на Трофимова и внезапно, перегнувшись к нему через стол, задушевно и просто сказал:

— Так вот я и говорю: от колхоза имени Сталина в укрупненный перешло богатейшее зерновое хозяйство. Вместе с землями прежнего колхоза «Уралец» — это, доложу я вам, сила! Не говоря уж о молочных фермах, о птицефермах, о пасеках. Все это соединилось друг другу в подкрепление.

Антонов говорил, обращаясь уже не только к одному Трофимову, но тот не замечал этого. Тревожные мысли владели сейчас его сознанием. Лишь теперь, оценивая уважение, с которым Антонов отозвался о Михайлове, Трофимов начинал понимать, что, заступив место старого прокурора, он взялся за дело очень и очень трудное. И не легок был его путь к сердцам таких вот прямых и простых людей, как Лукин и Антонов, доверие которых не так-то просто будет завоевать.

— А вы ведь меня не слушаете, — обернулся к Трофимову Антонов. — Смотрите куда-то мимо и не слушаете.

— Мало ли о чем может задуматься прокурор... — понимающе взглянул на Трофимова Рощин. — Впро-

чем, ты не прав: Сергей Прохорович тебя слушает, и даже внимательно слушает... Продолжай...

— Разговор-то как раз к главному подходит, Андрей Ильич... — Антонов озабоченно посмотрел на Рощина и с досадой хлопнул широкими ладонями по столу. — Колхоз «Огородный» — третий из тех, что слились у нас в один, очень, ну просто резко отличается и от колхоза имени Сталина и от колхоза «Уралец».

— Чем же?

— Да хотя бы с названия начать: «Огородный». Вот он и есть огородный, подсобный, так сказать, для города и поселка. Ничего, кроме овощей да меда, он отродясь не производил. Председатель «Огородного» Стрыгин, сами знаете, — человек тихий, неприметный, ну и дела там не очень-то приметные...

— А результаты как будто бы не плохие, — сказал Чуклинов. — За прошлый год, как я слышал, в этом колхозе на трудодень вышло что-то около двадцати рублей. Такой трудодень у плохих хозяев не бывает.

— Так-то оно так... Только вот как эти хозяева теперь отчитаются в своей работе, не знаю. На объединительном собрании колхозники из «Огородного» очень резко критиковали своего председателя и правленцев.

— Я ждал этого, — сказал Рощин. — Колхоз давно тревожил меня узостью своих огородных интересов. Правда, с объединением однобокость исчезнет, но есть опасность, что старые ошибки еще скажутся...

— Понимаю, Андрей Ильич. И вот боюсь, очень боюсь, что проглядели в «Огородном» вопиющие нарушения Устава сельхозартели.

— У тебя есть факты?

— Фактов пока нет, но предполагаю... Сейчас как раз Стрыгин сдает дела, вот тут-то факты и объявятся...

Рощин с тревогой смотрел на Антонова.

— Нужно, товарищ Антонов, по-новому организовать партийную работу. Колхозы объединили свои хозяйства — отлично. Но главное у нас всегда и во всем — люди. Подумайте: три партийные организации слились у вас в одну! Вот это сила! И ваша задача —

так повести свою работу, так организовать коммунистов и колхозный актив, чтобы в новое хозяйство не проникли старые грехи.

— В этом-то все дело, Андрей Ильич, — сказал Антонов.

— Так почему же ты здесь? — строго спросил его Рощин. — Тебе надо быть сейчас у себя в Искре и помогать Анне Петровне Осокиной налаживать работу.

— Я собираюсь завтра же вернуться назад. Хотел только...

— Да знаю я, знаю, зачем пожаловал... — усмехнулся Рощин. — Хотел к себе на объединенное партийное собрание зазвать, верно?

— Верно, — признался Антонов.

— Ну, а я и без приглашения приеду.

— Значит, до скорой встречи! — поднимаясь, радостно сказал Антонов. Он попрощался с Рощиным и Чуклиновым и подошел к Трофимову. — О наших колхозных делах я и хотел посоветоваться с Михайловым. Он ведь там у нас всех знает...

— У меня к вам просьба, товарищ Антонов,— сказал Трофимов.

— Слушаю.

— Как только приедете в Искру и разберетесь в делах с «Огородным», сообщите в прокуратуру свои выводы.

— Обязательно обо всем вам напишу, товарищ Трофимов. Как разберемся, так и напишу.

— Хитрый мужик! — сказал Чуклинов, когда дверь за Антоновым затворилась. — Вот посмотрите, он весь районный актив на свое собрание созовет. За тем и приехал. Кстати, Андрей Ильич, когда поедете в Искру, захватите и меня. Надо мне с Осокиной потолковать. Думаю, что сталинцы помогут городу и поселку в осушке болот. Да и в строительстве дороги помогут, хотя она к ним и не подходит. Сталинцы — народ артельный.

— Надо полагать, что помогут, — согласился Рощин. — А Антонов — мужик действительно напористый — это хорошо.

Рощин подошел к окну, открыл его и жестом подозвал к себе Трофимова и Чуклинова.

— Рассвет! — сказал он, указывая на узенькую серовато-голубую полоску над черным массивом бескрайних лесов. — Как рано летом светает...

Они долго стояли у распахнутого окна. Стояли молча, вглядываясь в ночную даль, и думали каждый о своем.

14

Остаток ночи Трофимов провел в гостинице. А рано утром, побрившись и переодевшись в форменный китель, перенес свой чемодан на новую квартиру.

Евгения Степановна напоила его чаем, ничего не говоря о вчерашнем вечере, не спросив даже, почему он не вернулся вчера с Мариной. Дочери дома не было. На вопрос Трофимова, где Марина, Евгения Степановна улыбнулась и махнула рукой:

— Давно на работе. Наверное, опять с кем-нибудь воюет!

На этом разговор оборвался. Только в дверях, когда Трофимов уже уходил, Евгения Степановна, взглянув на его погоны, спросила:

— Как же вас величать теперь прикажете? Военный — не военный. Майором?

— Младший советник юстиции! — шутливо вытягиваясь перед нею, отрапортовал Трофимов.

— Советник? — покачала головой Евгения Степановна. — Звание обязывающее. Жду вас, товарищ советник к обеду!

«Звание обязывающее! — думал Трофимов по дороге в прокуратуру. — Вот как об этом говорят люди... И ведь они правы».

После вчерашнего разговора с Рощиным Трофимову захотелось сразу же взяться за дело, побывать на комбинате, в районе. Впрочем, первоначальный план работы оставался неизменным: он решил начать с чтения писем, поступивших в прокуратуру за последние месяцы, и со знакомства с текущими делами.

Потом уж само собой станет ясным, что́ дальше делать и на что́ обратить внимание.

В прокуратуре его ждали. Михайлов представил Трофимову двух следователей. Первый был — немолодой, тучный, с морщинистым добродушным лицом, Василий Васильевич Громов, про которого Михайлов сказал:

— Среди уголовников когда-то был известен под кличкой «Гром с ясного неба».

Толстый Василий Васильевич самодовольно улыбнулся, отчего задвигались все его морщины, а лицо стало еще добродушнее.

— Из бывших беспризорников я, — сказал он. — С уголовниками действительно знаком.

— Еще как знаком! — вмешался в разговор помощник прокурора Находин. — В городе ни одного вора не осталось.

— А тебе скучно? Тебе бы лучше, чтобы воры были, драки, стрельба? — неодобрительно глянул на него Громов.

Другой следователь, голубоглазый, русоволосый паренек, сразу расположил к себе Трофимова. Ведь и он сам когда-то начинал вот таким же юнцом.

— Младший юрист Петр Иванович Бражников, — солидно представился паренек.

— Что ж, и у вас есть уже какая-нибудь кличка? — ласково глядя на вытянувшегося перед ним Бражникова, спросил Трофимов.

— Нет, свои меня просто Петей зовут, — смутился Бражников и, поняв по веселым лицам товарищей, что ответил не совсем удачно, смутился еще больше. — Я ведь всего три месяца как следователь. Прямо с курсов.

— Уралец. Отлично знает район, — охарактеризовала его Власова. — Уже провел три следствия, и доложу вам, острота зрения отличная.

— Вот как? Отличная острота зрения? — переспросил Трофимов. — Это в нашей работе — одно из самых важных качеств. — Трофимов посмотрел на Михайлова. — Так же думает и наш секретарь райкома.

— Уже были у него? — спросил Михайлов.

— Разговаривал.

— Человек он у нас не новый, — сказала Власова, — но на партийную работу пришел недавно.

— А я вас видел вчера в парке, — сказал неожиданно Петя. — Смотрю: незнакомое лицо. А вы, оказывается, наш начальник.

Все рассмеялись.

— От Петиных глаз ничто не укроется, — ласково погладила юношу по плечу Власова.

— От глаз младшего юриста Бражникова,— поправил ее Трофимов. — Ну, товарищи, приступим к работе. Как у вас, товарищ Власова, с временем? Могли бы взять на себя еще одно дело?

— Да.

— Тогда займитесь делом Лукиных. Правда, по делам подобного рода предварительное следствие не ведется, но я и не прошу вас об этом. Хотелось бы, Ольга Петровна, чтобы вы просто побеседовали с родными и друзьями Лукиных, поговорили бы по душам и с самой потерпевшей. Вы женщина, с вами она будет говорить более откровенно. Очень важно, чтобы ко дню суда у нас было точное представление обо всем, что предшествовало поступку Лукина. Он ведь, как мне показалось, любит жену.

— И она его любит! — волнуясь, сказал Бражников. — Я их давно знаю. Все ребята в городе и на комбинате не могут понять, что у них случилось. Костя хороший парень был, а Таня...

— Вот вы и поможете Ольге Петровне, — сказал Трофимов. — Потом я сам займусь этим делом...

— Когда приступим к передаче дел? — спросил Михайлов, после того как помощники и следователи вышли из кабинета.

— Думаю, прямо сейчас.

— Сейчас у меня приемные часы.

— Вот и отлично. С этого и начнем.

— С приема посетителей? — не понял Михайлов.

— Да, с приема посетителей, — сказал Трофимов. — Посетители для прокурора — это голос райо-

на. Вот и попробуем вместе прислушаться к этому голосу.

Михайлов позвонил секретарше.

— Просите, — сказал он и отошел от стола, освобождая Трофимову место.

— Нет, нет, я посижу где-нибудь в сторонке, — остановил его тот. — Вы принимайте, а я послушаю.

Михайлов снова сел за свой стол, а Трофимов устроился за маленьким столиком в стороне у окна.

Секретарша ввела в кабинет первого посетителя. Рослый парень решительными шагами подошел к столу Михайлова и положил перед прокурором толстую пачку бумаг.

— Вот! — сказал он отрывисто. — Целая книга про то, как я строил свой дом.

— Что это? — пододвинул к себе бумаги Михайлов. — Садитесь, товарищ.

— Спасибо, постою, — громким от волнения голосом сказал парень.

— Где работаете? — спросил Михайлов.

— Машинистом электровоза в шахте. Кузнецов моя фамилия.

— Кузнецов? — переспросил, внимательно посмотрев на посетителя, Михайлов. — Это о вас писали недавно в нашей газете?

— Да обо мне.

— Припоминаю, припоминаю... — Михайлов обернулся к Трофимову. — Вот, товарищ Трофимов, рекомендую. Важное дело человек на шахте начал: скоростное вождение электропоездов.

— Ничего особенного, — сказал Кузнецов. — У нас в шахте есть такие перегоны, что можно большие скорости развивать. А скорость составов под землей невелика. Вот я с ребятами и разработал новый режим движения.

— А польза от этого, наверное, не малая? — спросил Трофимов.

— Конечно! — оживился Кузнецов. — Я теперь, например, до десяти лишних составов за смену набираю!

— Большое дело — так и в газете писали,— сказал Михайлов. — Вам, кажется, и премию за это дали?

— Дали, — снова помрачнел Кузнецов. — Лучше бы не давали...

— Это почему же? — удивился Трофимов.

— Да потому, что из-за этой премии я сна лишился...

— Вы расскажите нам все по порядку,— дружески взглянув на Кузнецова, сказал Трофимов. — Садитесь и рассказывайте.

— Что тут рассказывать? — пожал плечами Кузнецов. — Ну, получил я премию... Думал, думал, куда деньги деть, и надумал строить себе новый дом. Старый — отцовский, даже дедовский — от времени на ветру качается. Только начал строить, а мне на комбинате говорят: «Погоди, не строй, мы тебе как стахановцу скоро сами дом построим, коттедж». Ладно, стал ждать. Месяц или два прошло, получаю бумажку: выбирайте, мол, участок для строительства. Какой такой участок? У меня участок имеется, я там от рождения живу. У нас огород, садик... Пошел в дирекцию, объясняю. Нет, говорят, мы тебе дом в городе строить не станем. У нас, говорят, свой план строительства, свой поселок. — Кузнецов удивленно развел руками. — Зачем же мне переезжать в поселок, когда мне и в городе хорошо? Так и не договорились.

— И отказались от дома? — спросил Михайлов.

— Отказался! Решил строить на премию. Да... Ну и хлебнул горя... Нужна, скажем, мне машина, чтобы лес привезти. Хорошо, иду в дирекцию, думаю, дадут, помогут. «Нет, — говорят, — не будет тебе машины, раз ты такой гордый, что не пожелал жить в поселке». Ладно, иду за машиной в горсовет. «Нет, — говорят, — не будет тебе машины, работаешь ты на комбинате — пусть комбинат помогает». И так во всем. Вот!

Кузнецов прихлопнул ладонью толстую пачку бумаг и продолжал:

— Сколько я заявлений понаписал, просьб разных! И ничего! Председатель горисполкома — товарищ же мой — Степан Чуклинов, и тот отказал. Как же так, говорю, Степа, то есть Степан Егорович, давно ли вместе на шахте поезда гоняли? Молчит. Что же я,

спекулянт какой, спрашиваю, не на свои трудовые дом строю? Опять молчит. А ведь я за него всей душой голосовал. Да... — Кузнецов посмотрел на Михайлова, потом на Трофимова и спросил неуверенно: — А может, и вы так же думаете? Может, правильно, что никто не хочет мне помочь?

— Нет, товарищ Кузнецов, неправильно, — сказал Трофимов. — Помочь вам обязаны.

— Комбинат? — обрадовался Кузнецов.

— И комбинат и город.

— Прокуратура, правда, приказать им не может, — сказал Михайлов. — Впрочем, оставьте ваши документы, мы разберемся.

— Для того чтобы помочь стахановцу построить дом, вовсе не надо отдавать приказаний, — заметил Трофимов. — На этот счет есть совершенно ясные указания правительства. Странно, что товарищи на комбинате и в горисполкоме не знают этого.

— Так как же, надеяться? — спросил, поднимаясь, Кузнецов.

— Надеяться, — улыбнулся ему Трофимов. — Оставьте ваше заявление. Мы разберемся и поможем вам.

— Ну, спасибо! До свидания! — крепко пожал Трофимову руку Кузнецов. — И вас, товарищ Михайлов, прошу, похлопочите...

Кузнецов вышел.

— Можно ли? — послышалось за дверью, и в кабинет, медленно переставляя ноги, вошла старая женщина.

— Садитесь, — пододвигая женщине кресло, поднялся со своего места Михайлов.

Прежде чем сесть, женщина долго осматривалась, тихонько, точно отсчитывала что-то про себя, ударяя палкой в пол.

— Садитесь, садитесь, — сказал Михайлов.

Женщина села.

— Восемьдесят мне, — сказала она дрожащим голосом. — Забелина, Евдокия Семеновна.

— Вы не волнуйтесь, — ободрил ее Михайлов.

— Да ведь как же не волноваться? — прошептала

Забелина, и по ее дряблым, старческим щекам медленно поползли слезы. — Стыдно было мне итти за таким делом к прокурору, а, видно, итти больше некуда.

— Что же у вас произошло, Евдокия Семеновна? — мягко спросил Трофимов.

Забелина быстро оглянулась на него и всплеснула руками:

— Вот такой же, такой же и он у меня!

— Кто? — спросил Михайлов.

— Внук. Хороший был такой парень. А как женился да уехал, так с того дня ни письма, ни привета — забыл и забыл.

— Вы, что же, на его иждивении?

— Считается, — горько кивнула Забелина. — Так ведь и справедливо это: сколько я ему сил своих отдала!.. А выходит, что не он мне за это благодарен, а государство. Государство не забывает.

— И давно он перестал вам помогать?

— Второй год подходит... Я не виню, а только, если трудно тебе, напиши. Пойму. Мне и не деньги его нужны, а память, внимание... — Комкая платок, Забелина насухо отерла с лица слезы и, перемогая слабость, сказала сурово и печально: — Неблагодарность! Этому ли я его учила?

— Оставьте у секретаря адрес вашего внука, — сказал Михайлов. — Мы напомним ему об его обязанностях.

— Только вы помягче, помягче как-нибудь, — заволновалась Забелина. — Бог с ним!

Она поднялась и быстро взмахнула руками, точно наперед отказываясь от всякой помощи, только бы не задеть, не обидеть внука.

— Кто он у вас? — спросил Забелину Трофимов.

— Инженер. Способный. Когда учился, все на пять, все на пять, — с гордостью сказала Забелина. — Бог с ним! Вы уж лучше и не пишите ему ничего. Нуждается, видно... Да ведь правду сказать — молодые... А мне, старухе, много ли нужно? Пенсию получаю, и спасибо.

— Зачем же вы к нам обратились? — пожал плечами Михайлов.

— Зачем? — задумалась Забелина. — Так ведь на сердце же наболело! Все одна, все одна. Мне бы весточку, письмецо только...

Забелина была уже в дверях.

— Вы все же оставьте нам адрес внука, — подходя к ней, сказал Трофимов. — Мы напишем ему. Обязательно.

Он помог Забелиной переступить через порог.

— И не помягче, а так, чтобы у этого «способного инженера» в загривке зачесалось! — резко сказал Михайлов, когда за Забелиной закрылась дверь. — Надо послать официальное отношение и хорошенько его припугнуть.

— Припугнуть? — спросил Трофимов. — Нет, этим мы почти ничего не достигнем.

— Не беспокойтесь, как миленький станет высылать деньги.

— Забелиной нужны не столько деньги, сколько внимание, участие внука.

— Ну, тут уж мы ничем помочь не можем.

— А я все же попробую.

— Как же это?

— Просто к официальному письму приложу письмо от себя.

— Увещевательного характера? — насмешливо спросил Михайлов.

— Не знаю, право, какого характера будет мое письмо, — спокойно сказал Трофимов. — Важно, чтобы оно вызвало у внука Забелиной не только страх перед ответственностью, но и чувство стыда, желание исправить свою ошибку. Какой бы он ни был эгоист, но что-то советское в нем должно же быть! Вот это советское в нем и поможет нам вернуть Забелиной внука.

— Ох, посмотрю я на вас, Сергей Прохорович, — не прокурором вам быть, а защитником, — сказал Михайлов.

— Правильно, — рассмеялся Трофимов. — Защитником, именно защитником всего советского, нового, что живет в наших людях. И обвинителем всего, что

есть еще в нашем человеке от старого мира с его волчьими законами жизни. Впрочем, ведь и вы сами так же думаете...

— А как же мне еще думать, Сергей Прохорович... — негромко отозвался Михайлов.

И не столько смысл его слов, сколько его подавленный голос подсказал Трофимову, что, может быть, лишь теперь стала доходить до сознания Михайлова мысль о справедливости случившихся в его жизни перемен.

Трофимов внимательно всмотрелся в его за одну ночь постаревшее и осунувшееся лицо и понял, что не может расстаться с Михайловым, так и не окончив своего вчерашнего, явно неудачно начатого разговора.

Он подошел к двери, выглянул в приемную и, убедившись, что там пока нет больше посетителей, обернулся к Михайлову:

— А теперь, товарищ прокурор, прошу вас принять меня...

— Ну-ну, говорите, — без улыбки, даже не удивившись странному поведению Трофимова, отозвался Михайлов.

— Попробуем, Борис Михайлович, вернуться к нашему вчерашнему разговору...

— Что ж, извольте.

— Попробуем, хотя бы очень приблизительно, представить себе то, что случилось у Константина и Тани Лукиных в вечер их разрыва.

— Попробуем, — без всякого интереса, видимо думая о чем-то своем, согласился Михайлов.

— Мы с вами не поэты и не писатели, — заговорил Трофимов, с огорчением наблюдая, как равнодушно кивает в такт его словам Михайлов. — Мы — прокуроры.

— Вот именно. — Михайлов поднял голову и вопросительно посмотрел на Трофимова, словно только сейчас услышал его.

— Да, прокуроры, — повторил Трофимов. — И все же я попытаюсь рассказать вам, как представляется мне все, что случилось в тот вечер...

Он задумался, чувствуя на себе внимательный, ожидающий взгляд Михайлова.

— Я не знаю дома, где жили Лукины, — тихо и затрудненно, точно всматриваясь в картину, которая возникала в его воображении, заговорил Трофимов.— Наверно, это одноэтажный домик, каких много в этом городе. Наверно, стоит он на круто спускающейся к реке улице, и из его окон видны и река и близкий за нею лес... Дома этого больше нет, Борис Михайлович. Что толку, что он попрежнему стоит на своем месте? Он опустел, в нем нет жизни.

— Да, да, это так, — кивнул головой Михайлов. — Мне говорили, что и Лукин и его жена живут теперь у своих родителей.

— Я не знаю, как раньше жили Лукины, — продолжал Трофимов. — Но думается мне, что они любили друг друга.

— Так оно и есть—любили,—согласился Михайлов.

— В тот вечер, о котором я хочу вам рассказать, к Тане Лукиной пришли ее отец и друзья. Вечер был весенний, теплый, и в дом итти не хотелось. Потеснившись, все сели на скамью у калитки и, вглядываясь в вот-вот готовый тронуться бугристый лед Ключевки, подставляя лица тревожному ветру, должно быть, ни о чем друг с другом не говорили. В такие вечера хочется быть вместе, но не разговаривать, а молчать. Да, так, наверно, все и было...

— Может быть, может быть, — с любопытством глядя на Трофимова, согласился Михайлов. Что-то в словах молодого прокурора заинтересовало его, и ему захотелось дослушать этот странный рассказ до конца. — Ну, а дальше?.. — спросил он.

— А дальше... к дому подошел Лукин. Таня поднялась и пошла ему навстречу, счастливая, что он пришел сегодня против обыкновения рано, по-женски радуясь, что друзья и отец увидят ее с мужем и не догадаются о затаенной тревоге, которая давно уже жила в ней.

— А ведь верно! — сказал Михайлов.— На суде выяснилось, что он часто до этого не ночевал дома. Впрочем, простите, что прервал ваш рассказ.

— Мой рассказ,— усмехнулся Трофимов.— Рассказ прокурора да еще с печальным концом. Но слушайте... Таня подошла к мужу. Подошла — и вдруг увидела не мужа, не друга, а человека чужого, враждебного. В лицо ей пахнуло чужим табаком, в движениях его она почувствовала чужую повадку — и все это, почти неощутимое, лишенное для нас, прокуроров, каких-либо вещественных доказательств, сказало Тане больше иных откровенных слов. Не стану гадать, что тревожило ее все эти дни. Ревность? Вряд ли. Нет, она не знала, что происходит с ее мужем, как не знает этого и теперь. Но тогда, увидев его таким раздраженным и хмурым, она не могла не спросить его: «Где ты был? Откуда ты такой?» Не знаю, что он ответил ей. Да и ответил ли вообще? Знаю лишь, что он ударил ее. Ударил при отце, при друзьях...

— Да, худо, худо все это до чрезвычайности! — сказал Михайлов.

— Но это еще не конец, Борис Михайлович... Самое страшное могло бы случиться дальше. Самое страшное таилось в том, что первое, о чем подумал Зотов, когда увидел, как тяжело оскорблена его дочь, первое, что управляло тогда его поступками, было желание отомстить, жестоко отомстить обидчику...

— Тяжкая, тяжкая обида! — сокрушенно произнес Михайлов, представив себя в эту минуту на месте Зотова.

— Но Зотов не стал мстить Лукину... — совсем тихо докончил свой рассказ Трофимов. — Он и друзья Тани сумели сдержать себя, сумели сохранить свое человеческое достоинство. Они пришли к нам, к защитникам их прав, пришли в народный суд. И не из мести сделали они это. Им важно знать: что же случилось? Почему ударил свою жену Лукин? Им очень важно знать это, Борис Михайлович. По-человечески важно. И мы должны помочь им в этом.

— Знаете что? — порывисто поднявшись из-за стола и подходя к Трофимову, сказал Михайлов. — Вижу: вдумчивый вы человек. Пожалуй... пожалуй, вы и правы...

— Ну, спасибо, — протянул ему руку Трофимов. — Вот и поговорили...

— Да!..— Михайлов решительно тряхнул головой и сказал твердо и громко, так, как, должно быть, привык говорить, выступая обвинителем на суде: — Умел судить других, умей судить и себя! Признаюсь: повседневщина!.. Берегитесь ее, Сергей Прохорович. Опасная это штука — повседневщина да пулечка по вечерам. Глядишь — и отстал. И вот уже азбука нашей жизни кажется тебе непонятной.

— Правильно, Борис Михайлович! — чувствуя, как легко и просто ему теперь разговаривать с Михайловым, горячо подхватил Трофимов. — Главное, по-моему, — знать, что азбуку нашей жизни нельзя затвердить раз и навсегда. Затвердить и успокоиться. Ведь живем-то мы не по-затверженному.

Трофимов говорил, и так убежденно и молодо звучал его голос, что Михайлов, слушая его, приободрился, и тяготившая его мысль о том, что он должен покинуть насиженное место, вдруг исчезла, и он снова обрел утерянную было веру в свои силы.

Так бывает в хмурые осенние дни. Вдруг выглянет солнце, и ненастный день, разом преобразившись, обретает ясные и молодые цвета, наполняется запахами трав, звонкой разноголосицей птиц. Но, видно, и доброе слово и участие товарища можно иной раз уподобить солнечному лучу, от которого на душе становится ясно даже в трудные минуты жизни.

— Да, главное — понять, что мы не можем жить по-затверженному, — повторил Трофимов. — Не можем! Возьмем то, что нам с вами всего ближе: закон, писаный закон. Ну, например, закон о дисциплине труда. Уже сегодня закон этот так внедрился в сознание советского человека, что всякое его нарушение навлекает на нарушителя не только административное наказание, но прежде всего — общественное порицание. Это — сегодня. А лет через двадцать?.. Думаю, Борис Михайлович, что тогда общественное мнение будет влиять на наших людей сильнее, чем теперешний писаный закон.

— Общественное мнение сильнее писаного закона!— раздельно произнес Михайлов. — А ведь так оно и будет, Сергей Прохорович!

— А пока, Борис Михайлович, не будем забывать, что в наши дни сто сорок шестая статья — очень серьезная и нехорошая статья и для нас, прокуроров, и в глазах общественного мнения.

— По наказанию? — улыбкой напоминая Трофимову вчерашний спор, спросил Михайлов.

— Нет, не по наказанию, а по смыслу содеянного, — так же дружески улыбаясь старому прокурору, ответил Трофимов.

15

В этот день Трофимов долго сидел в своем кабинете. Уже разошлись все сотрудники, уже и секретарша, пересилив робость перед новым начальником, решилась напомнить ему о позднем часе, а он, отпустив ее домой, все сидел и читал письма, заявления, документы.

Вот жалоба колхозников села Искра на плохую работу сельпо. Хищения, порча товаров. И, вспомнив о рассказе Антонова в райкоме, Трофимов на этом письме сделал пометку: «Громову немедленно выехать в село Искра, связаться там с Антоновым».

Вот письмо, которое, собственно, не должно бы касаться прокурора: служащий комбината предлагает план застройки новых участков и указывает на ошибки, допущенные при строительстве индивидуальных домов рабочих. Но и на этом письме Трофимов пометил: «Проверить лично. Обсудить с Рощиным». Больше того, он отложил это письмо в сторону и в течение вечера несколько раз возвращался к нему. Дело было в том, что очень многие письма, адресованные прокурору, касались жилищного строительства.

«Да, тут, видно, что-то не ладится, — подумал Трофимов и вспомнил слова Рощина: «Любить, любить все это надо! Любить беззаветно, бескорыстно!» Странно, — размышлял он. — Деньги расходуются большие,

размах жилищного строительства огромный, а люди недовольны. Чем же?»

И Трофимов снова принялся перечитывать письма.

Медленно, очень медленно вел беседу район со своим прокурором. Но с каждым прочитанным письмом, с каждым новым делом все шире становилась осведомленность Трофимова, все яснее представлял он себе, на что́ следует в первую очередь обратить внимание.

А за окном кабинета уже показались звезды, зажглись матовые фонари на мосту, и в парке зазвучал оркестр.

—«В городском саду играет духовой оркестр... На скамейке, где сидишь ты, нет свободных мест...» — тихонько запел Трофимов. И опять стал просматривать письма, в которых говорилось о жилищном строительстве.

«Да, необходимо поговорить с Андреем Ильичом,— снова подумал Трофимов. — Но с чем я к нему приду? — тут же спросил он себя. — Нет, сначала надо съездить на комбинат, в район, проверить факты, изложенные во всех этих письмах, а уж потом — разговор».

Зазвонил телефон.

— Слушаю, — поднял трубку Трофимов.

— Прокурор Трофимов? — послышался чей-то незнакомый веселый голос.

— Да.

— Приветствую вас на новом боевом посту! Глушаев говорит — начальник жилищного строительства комбината. Здравствуйте!

— Здравствуйте.

— Не мог никак лично к вам заскочить познакомиться, так что давайте уж знакомиться по телефону.

— Давайте.

— Сергей Прохорович?

— Правильно.

— Вот видите, я уж и имя-отчество ваше знаю. Как же, прокурор — следует уважать.

— Похвально, похвально.

— Как с охотой, Сергей Прохорович?

— С чем? — не понял Трофимов.

— Я говорю, как с охотой? Любитель? У нас на Урале охота — первое удовольствие! А вы как, охотитесь?

— Приходилось.

— Плюс в вашу пользу! Рыбачите?

— И это случалось.

— Еще плюс в вашу пользу!

Самоуверенная болтовня телефонного собеседника начинала раздражать Трофимова.

— Послушайте, — сказал он, — я очень занят. У вас есть дело ко мне?

— Есть и дело. У меня к вам дело, а у вас на меня дела, — пошутил Глушаев. — Еще не встречались с моей фамилией на бумажках?

— Нет, не встречался.

— Ну так встретитесь. Такая уж у меня разнесчастная профессия.

— Я прошу вас объяснить, что́ вам все-таки от меня угодно, — сказал Трофимов.

— Приступаю! — все с той же бойкостью отозвался голос в трубке.

Трофимову на миг даже показалось, что он видит этого своего неведомого собеседника. Вот он сидит там за столом, у телефона, обязательно толстый, с глупым, самодовольным выражением лица, вот отвалился в кресло, вот чиркнул спичкой и не спеша поднес ее к папиросе...

— Итак? — сухо спросил Трофимов.

— Я, знаете ли, очень обрадовался, — снова зазвучал веселый голос, — когда услышал, что старика Михайлова посылают от нас на покой.

— На учебу.

— На учебу ли, на покой ли — суть дела от этого не меняется. Главное, что теперь у нас новый прокурор — молодой, культурный и так далее. Это, знаете ли, очень приятно.

— Нельзя ли ближе к делу?

— И скромный! — продолжал веселый голос. — Тем более приятно.

Трофимов, сдерживая растущее в нем возмуще-

ние, решил все же дослушать своего развязного собеседника до конца.

— Да, так вот... перехожу к делу... Тут у вас недавно судили моего шофера Лукина. Отличный, знаете ли, шофер, великолепный парень, и вот — совершил страшное преступление!

— Вы так думаете?

— Нет, это Михайлов так думает, вернее думал. А на самом деле — все сущие пустяки. Посудите сами: повздорил парень с женой, сказал ей резкое слово, а у нее не хватило ума смолчать. В результате небольшая затрещина семейного типа. И все.

— И все?

— Да. А Михайлов из этого целый процесс соорудил. Защита, обвинение, свидетели, заседатели! Чепуха какая-то! Пока же суд да дело — отличный шофер ходит сам не свой, смотрит чертом, каждый миг может кого-нибудь задавить и так далее.

— Чего же вы от меня хотите?

— Как чего? Полагаю, вам, человеку, знающему жизнь, культурному, ясно, что из-за таких пустяков суды не затевают.

— Но ведь Лукин ударил жену.

— Экая беда! Да жены от таких ударов только больше нас любить начинают!

— Я бы попросил вас говорить серьезно.

— Я и говорю серьезно. Одним словом, нельзя, товарищ прокурор, засудить за такую малость хорошего парня. Нельзя! Учтите: это вам не Москва, а Урал, тут еще старинкой попахивает. Надеюсь, вы понимаете?.. Уральский быт, то да се...

— Знаете что? — сказал Трофимов. — Вам бы это все не мне по телефону говорить, а на суде. Тем более, что уже есть решение вызвать вас в качестве свидетеля. Убежден, что ваша защита будет оценена правильно.

— Вы полагаете?

— Уверен.

— А как-нибудь без суда нельзя обойтись?

— Теперь уж поздно об этом говорить.

— Ах, этот мне Михайлов! Ну, что ж, Сергей

Прохорович, воспользуюсь вашим советом, выступлю на суде.

— Да, да, в качестве свидетеля защиты.

— Просто в качестве Глушаева Григория Маркеловича — меня ведь как-никак знают.

— Не сомневаюсь.

— А как насчет вашей поддержки?

— Я на стороне Лукиных.

— Рад слышать! Значит, поохотимся?

— Поохотимся.

— Приветствую! До скорой встречи! — и Глушаев повесил трубку.

— Ну и ну! — вслух сказал Трофимов.

Снова зазвонил телефон.

— Да, — взял трубку Трофимов.

— Сергей Прохорович, вы ли это? — услышал он оживленный голос Марины.

— Да, здравствуйте, Марина Николаевна.

— Как вам не стыдно, Сергей Прохорович? Ведь уж ночь на дворе! Мама сердится. Сейчас же идите домой завтракать, обедать и ужинать — все вместе!

— Иду, иду! — смеясь сказал Трофимов, испытав вдруг неожиданную радость оттого, что Марина позвонила ему и что в этом еще почти чужом городе кто-то помнит и заботится о нем, хотя в звонке Марины — дочери квартирной хозяйки — не было в общем-то ничего необычного.

Он задумался. И вдруг стало слышно, как где-то в коридоре прокуратуры тихонько пел репродуктор. Знакомая мелодия напомнила Трофимову что-то давно забытое. И вот, оттого ли, что мысли прокурора были сейчас очень далеки от занимавших его за минуту до этого дел, или от внезапно услышанной им в ночной тишине знакомой мелодии все вокруг представилось ему в каком-то ином, неведомом свете.

С удивлением огляделся он по сторонам. Кабинет прокурора района — стол, кресло, несколько стульев, шкаф. Что может быть обыкновеннее и прозаичнее? Но сейчас все это приобрело неожиданно торжественный облик. Здесь призван был он — прокурор — оставаться наедине со своей совестью. Здесь, как и в суде,

перед лицом избранных народом судьи и заседателей, должен был он всегда и неизменно быть достойным того огромного доверия, которым наделило его государство.

Внезапно в комнату ворвался ветер, переворошил бумаги на прокурорском столе, а самого прокурора мимоходом потрепал по волосам. Ветки молодой липы застучали о подоконник.

Трофимов вздрогнул и встал из-за стола.

16

Дом, в котором помещались народный суд и прокуратура, выходил своим фасадом на главную улицу города. Это была широкая, прямая улица, тянувшаяся через весь город — от бывшей кузнечной слободы, где и сейчас еще стояло несколько небольших артельных кузниц, до пристани и шоссе, соединявшего город с железнодорожной станцией.

В Ключевом не было, пожалуй, другой такой улицы, которая могла бы так наглядно и обстоятельно рассказать историю возникновения и роста старинного уральского городка.

У истоков ее, рядом с много раз горевшими кузнями, что еще во времена Емельяна Пугачева выковывали в своих полыхающих пламенем недрах молодецкое племя ключевских мастеровых, стояли странные высокие строения из трухлявых, помертвелых бревен. Сколько лет было этим огромным то ли башням, то ли амбарам — никто не знал. До революции в них варили соль. Варили так же, как и триста лет назад, когда купцы Строгановы, получив в дар от царя Ивана Грозного целое государство — край от Чердыни и вниз по Каме на девяносто верст, поставили здесь, у богатых солью источников, свои первые солеварни.

Пепельно-серые, из разъеденных солью кедровых бревен, соляные амбары, сохранившиеся и поныне на окраине Ключевого, были свидетелями жесточайших бедствий уральских крепостных рабочих. На Северном

Урале — на землях, пропитанных солью так, что иной раз снежной накипью проступала она на поверхности подсыхавших болот — Строгановы уравняли соль в цене с золотом и соляным голодом томили бесправный рабочий люд.

Далее, уже в черте города, как бы охраняя вход на его главную улицу, высились испятнанные бойницами широченные стены монастыря. При взгляде на эти полуразрушенные стены с кованными из железа воротами и сторожевыми башнями становилось ясно, что монастырь здесь служил крепостью и обитатели его помышляли не столько о молитвах и отпущении грехов, сколько об охране своего пушного и соляного торга.

Еще дальше, за монастырем, по обеим сторонам бывшей Губернаторской улицы, стояли тяжелые, приземистые, на купеческий лад строенные дома. То, что дома эти принадлежали когда-то ключевским богатым купцам, а не торговой мелкоте или строгановским приказчикам, можно было легко определить по той отчужденности, с какой и поныне стоял этакий, наглухо отгороженный и от улицы и от соседей, домвотчина.

Давно уже поселились в этих домах новые хозяева, которым незачем было таиться друг от друга, давно подгнили и покосились глухие заборы и дубовые ворота, перевелись громадные псы, что караулили бог ведает какими путями нажитое добро, а бывшие купеческие дома так все и не расстались с хмурью своих подслеповатых окошек, с придурью резных крылец и наличников. Но, видно, уже не долго оставалось им стоять на своих местах. Нежданно и широко вторгались в их хмурые ряды новые, большие и красивые дома. Их фасады были светлы, их линии — открытые и простые — радовали глаз. И хотя старому на этой главной улице старого уральского города было далеко за триста лет, а новое исчисляло свой возраст всего лишь тремя десятилетиями,— новое победило здесь во всем. Победило так, что даже зловещие стены крепости-монастыря и хмурые купеческие постройки переняли на себя часть радостного и светлого беспокой-

ства, каким жила ныне главная улица районного города Ключевого.

В свои первые дни работы в ключевской прокуратуре Трофимов часто, в свободные от занятий часы, бродил по холмистым городским улицам и переулкам. Он подолгу простаивал у стен монастыря, у строгановских солеварен, у новых домов, с интересом примечая, как новое и старое, живя бок о бок друг с другом, рождают своеобразный и увлекательный облик Ключевого.

Книги по истории края, которых было так много в библиотеке Белова, и довольно богатый краеведческий музей, разместившийся в бывшей монастырской церкви, помогли Трофимову, правда, пока еще в общих чертах, познакомиться с прошлым и настоящим города. Но даже и это первое знакомство принесло Трофимову большую радость и нежданно большую пользу.

Приняв от Михайлова дела и сразу же включившись в повседневную деятельность районной прокуратуры, Трофимов обнаружил, что и те небольшие познания о городе, какие приобрел он за эти дни, помогают ему лучше и глубже вникать в суть разбираемых им дел. Получалось так, что для верной оценки того или иного дела от Трофимова часто требовались не только какие-нибудь определенные знания, — ну, скажем, знакомство с производственными процессами на Ключевском комбинате или с бухгалтерской отчетностью местной кооперативной артели, — но и более широкие, выходящие за рамки так называемой прокурорской компетенции, знания, овладение которыми, он чувствовал, было для него обязательным. И сейчас, начиная свою работу в Ключевом, Трофимов столкнулся с тем, что к пониманию очень многих практических вопросов путь для него лежал через знакомство с самой жизнью города, его прошлым, его настоящим, что знать город и район он обязан так, как если бы сам был местным жителем, хотя вовсе не обязательно для этого было родиться в этих местах. Обязательным было другое: стать уральцем и полюбить этот край, словно он стал твоим, словно ты здесь родился и вырос.

И Трофимову было радостно сознавать, что, лишь недавно приняв дела на новой работе, он начинает решать их, руководствуясь не только статьей закона, не только своим долгом прокурора и советского человека, но и чувством патриотизма местного жителя, которое росло в нем с первого же дня его жизни в Ключевом.

«Охрана единых для всей Республики законов и патриотизм местного жителя — совместимы ли эти понятия одно с другим?» — спросил как-то себя Трофимов и пришел к выводу, что совместимы, что, больше того, без этого совмещения ему просто невозможно было бы работать с той полнотой ответственности за свои поступки, за свои решения, с какой он хотел и должен был работать.

Забот было много. Они не убавлялись по мере того, как Трофимов входил в работу, а, наоборот, их становилось все больше.

Одной из главных забот Трофимова было сейчас знакомство со своими сотрудниками, оценка их деловых качеств.

Трофимов понимал: как бы хорошо ни изучил он свой район и его нужды, как бы внимательно ни отнесся к разбору поступавших в прокуратуру дел и писем, один, без помощи и, что важнее всего, без товарищеской поддержки, он мало что сможет сделать.

С чего же начать? Тут не было и не могло быть каких-либо определенных рецептов: каждый, начиная работу с новыми людьми, решает, с чего начать деловое с ними общение, руководствуясь собственным опытом или советами товарищей, более знающих, чем он сам. Таким советчиком для Трофимова был его недавний начальник, старый и опытный работник Евгений Александрович Борисов.

— Приступишь к самостоятельной работе, Сергей, — сказал он на прощание Трофимову,— не забудь об основном: одному тебе во всех делах не управиться...

Трофимов не спешил с собственным выступлением в суде, хорошо понимая, как важно по-настоящему к нему подготовиться. Большое значение имело и то,

какое именно дело выберет он для этого. Может быть, что-нибудь посложнее, позапутаннее, чтобы было где проявить себя, показать свою прокурорскую хватку? Какое-нибудь «громкое» уголовное дело, с сенсационными разоблачениями, — из тех, что хоть и редко, но все же встречаются еще в практике народных судов? Нет, не подобные «громкие» дела привлекали сейчас внимание Трофимова. И он сделал свой выбор: он решил выступить по делу Константина Лукина, относящемуся к категории так называемых «дел частного обвинения», — на первый взгляд как будто бы незначительных, простых дел, чаще всего проходящих в суде и вовсе без участия прокурора. Но то, что дело Лукина не было ни незначительным, ни простым, что оно далеко не случайно взволновало общественность всего города, — это-то и требовалось еще доказать, это и должен был сделать Трофимов в своем первом публичном выступлении в Ключевском народном суде.

А пока он старался не пропустить ни одного сколько-нибудь важного судебного заседания, внимательно следя за ходом следствия, за тем, как поддерживают обвинение его помощники — Власова или Находин, как руководит следствием председательствующий и что занимает и волнует посетителей суда в том или ином процессе.

Власова и Находин — люди разного жизненного опыта, разного темперамента, по-разному и совершенно непохоже строившие свою работу, выступая представителями государственного обвинения в суде, — неизменно были едины в главном: всякое дело, которое они разбирали, волновало и заботило их.

Но если Трофимов мог, присутствуя на суде, не кривя душой, говорить своим помощникам: «Правильно потребовали наказание, согласен с вами», то это вовсе не означало, что все в их работе казалось ему безукоризненным. И часто случалось, что на вопрос товарищей: «Ну как?» — Трофимов не ограничивался одной лишь общей оценкой, а откровенно высказывал им свои замечания.

Вот и сегодня после судебного заседания, на котором с обвинением двух работников железной дороги

в использовании своего служебного положения в личных целях выступал Находин, прокурор и помощники сошлись в кабинете судьи.

С судьей — Алексеем Павловичем Новиковым — Трофимов был знаком еще очень мало. Он знал о нем лишь то, что рассказала ему Власова и что мог заключить сам, наблюдая его за работой в суде.

Новиков был молодым судьей и по возрасту и по опыту работы. До войны он работал на калийной шахте подрывником и учился в вечерней школе-десятилетке.

В первый же день войны он добровольцем уехал на фронт. Воевал Новиков хорошо, смело, был много раз ранен, но неизменно возвращался в строй. Только уже незадолго до победы, пройдя не легкий солдатский путь от Подмосковья до Одера, Новиков был тяжело ранен в руку и должен был вернуться домой. Ключевцы, помнившие Алешу Новикова молодым озорным пареньком, удивлявшим своей бесшабашной удалью даже бывалых шахтеров, с трудом узнали его в серьезном, возмужавшем, много перевидевшем фронтовике, с неподвижной на перевязи рукой.

Дальше жизнь Новикова сложилась хоть и вопреки его юношеским мечтам — мечтал он когда-то стать штурманом дальнего плавания, — но так, что он не мог пожаловаться на свою судьбу. По совету товарищей Новиков поступил учиться в юридическую школу, затем, окончив ее, два года работал секретарем суда и недавно был избран народным судьей.

— Лет десять назад,— рассказывала Власова Трофимову, — никто из нас, хорошо знавших Алексея, и представить бы не мог, что он — первый озорник на шахте — когда-нибудь станет народным судьей. А вот поди ж ты — каким человеком выковался!

«Выковался», — вспомнил сейчас Трофимов это очень точно найденное Власовой слово, глядя, как Новиков, присев к столу, медленным, усталым движением на минуту прикрыл рукой глаза.

— Устали, Алексей Павлович? — участливо спросила Власова.

— Да, есть немножко, — улыбнулся Новиков. —

Так ведь дело-то было не из приятных. Вот и Борис Алексеевич тоже, думаю, устал. Садитесь, товарищи прокуроры, да давайте-ка потолкуем.

«Давайте-ка потолкуем» — слова эти произносились теперь довольно часто то в кабинете Трофимова, то у Новикова, когда, собравшись вместе, работники прокуратуры и суда обсуждали какое-нибудь только что слушавшееся в суде дело, делились своими впечатлениями.

Как-то само собой получилось, что Трофимов и Новиков, не сговариваясь, сделали эти прежде случайные и редкие беседы почти обязательными всякий раз, когда в суде слушалось сколько-нибудь важное дело.

— Верно, давайте потолкуем. — И Находин, перейдя от стола Новикова к окну, возле которого стоял Трофимов, спросил: — Ну, как, Сергей Прохорович? Как ваш помощник по уголовным делам провел сегодня обвинение? Плохо? Напутал что-нибудь?

— Сами знаете, что не плохо и не напутали, Борис Алексеевич.

Трофимов пододвинулся, и Находин встал рядом с ним в пролет окна. Стесненные узким пролетом, они стояли, касаясь друг друга локтями, точно в строю, и Новиков, глядя на них, шутя заметил:

— Какая уж там критика! Ишь как стоят локоть к локтю — дружки фронтовые, да и только.

— А все же, Сергей Прохорович, — посмеиваясь, спросил Находин, — как я сегодня — не проштрафился?

— Да раз уж спрашиваешь — значит наперед знаешь, что будут хвалить, — с укоризной в голосе сказала Власова. — Любим, любим мы, Борис Алексеевич, чтобы нас похвалили?

— А как же без этого? — усмехнулся Находин. — Или у прокурора не должно быть своей профессиональной гордости, желания, — он замялся, подыскивая нужное слово, — ну, да хотя бы и так: желания блеснуть на суде своей обвинительной речью, железной логикой обличающих подсудимого вопросов? Ведь это же и есть профессиональная гордость, Ольга Петровна.

— Это желание-то блеснуть на процессе? — покачала головой Власова.— Не думаю. Ведь и у меня есть профессиональная гордость. Только я понимаю ее совсем по-другому.

— И в чем же она, по-вашему, заключается? — насмешливо спросил Находин.— Вероятно, в скромности, а заодно и в скучности поведения прокурора на суде? Прокурору, мол, надо быть застегнутым на все пуговки. Он, видите ли, не оратор, ему блистать в своих обвинительных речах не положено. Прокурору и не поспорить, и не пошутить, и не высмеять никого нельзя. Так, что ли?

— Нет, не так! Не так! — заговорила Власова, и Трофимова изумило, с какой горячностью стала она вдруг отвечать Находину. Видно, спор этот для них был не новым и серьезно волновал обоих.— Прокурор может и должен говорить хорошо, а главное — убедительно. Не знаю — ораторство это или нет, но именно так мы и должны выступать, Борис Алексеевич. Именно, так! Но прокурор должен всегда помнить, что он — представитель государственного обвинения, а звание это, мне думается, требует от нас не столько внешнего блеска, сколько серьезного отношения к делу, требовательности и скромности, Борис Алексеевич, обязательно личной нашей скромности!

— Скромности по долгу службы, по роду профессии? — вспыхнул Находин.— Нет, я не против скромности, и никто здесь, надеюсь, не упрекнет меня в позерстве или еще каких-нибудь смертных грехах, но установка на скромность во что бы то ни стало, требование от прокурора каких-то особых качеств — это, простите меня, Ольга Петровна, смешно! Разве мы с вами, товарищи, не люди, не человеки?

Находин поглядел на Трофимова и замолчал, ожидая, что он ему скажет.

— Согласен, Борис Алексеевич,— смеясь, сказал Трофимов.— Мы с вами человеки, и ничто человеческое нам не чуждо. Я полагаю, что тут двух мнений нет и не может быть. И гордость у нас профессиональная есть — верно. Но если есть у нас, как вы правильно говорите, профессиональная гордость, то отчего же не

быть у нас, о чем говорит Ольга Петровна, и профессиональной скромности?

— Ну, вот, ну, вот! — запротестовал Находин.— Прямо по-прокурорски: столкнул лбами два разные мнения — и делу конец.— Находин подошел к Власовой и примирительно протянул ей руку.— Не судите меня строго, Ольга Петровна, ведь я же так молод...

— Да уж ладно! — рассмеялась Власова.— Разве что по молодости лет!

— Хотя молодые годы для провинившегося прокурора не такая уж надежная защита,— как бы невзначай обронил Трофимов.— Сегодняшний процесс... Вернемся-ка к нему, товарищи.

Находин настороженно взглянул на Трофимова.

— Ведь я же говорил, что ошибся и напутал,— невесело усмехнулся он.— Слушаю вас, Сергей Прохорович.

— Нет, вы не напутали,— возразил Трофимов.— Больше того, как обвинитель вы провели процесс очень хорошо и, пусть будет по-вашему, с блеском. Но только как обвинитель.

— Вот-вот! — оживился Новиков, который все время с интересом прислушивался к разговору прокуроров.— Именно как обвинитель.

— Так я же и есть обвинитель! — искренне изумился Находин.— Или мне в роли защитника следовало выступать?

— Иногда и такая роль нам не чужда, Борис Алексеевич,— сказал Трофимов.— Впрочем, в этом процессе не могло быть двух мнений: виновны или нет. Да, виновны, и всем судебным следствием виновность подсудимых была доказана.

— А главная тяжесть доказательства вины подсудимого лежит на прокуроре,— заметил Находин.

— Верно, Борис Алексеевич.

— Следовательно, что же плохого в том, что я выступил на процессе только как обвинитель? Кем же я еще должен был быть?

— Тем же, кем и все мы должны быть на любом процессе. Воспитателями, Борис Алексеевич, и по мере сил наших пропагандистами советских законов, совет-

ской морали, советского образа жизни. Согласитесь, что ваша сегодняшняя обвинительная речь намного бы выиграла, если бы вы сочетали в ней доказательную часть с воспитательной. Это нужно было сделать не только для подсудимых, но и для посетителей суда. Почему? Да хотя бы потому, что воспитательная сторона дела в этом процессе представляется мне очень важной.

— Ясно,— сухо кивнул Находин.— Но мне казалось, что я и не упустил этого обстоятельства в своей обвинительной речи.

— Не упустили, но и не развили, коснулись лишь вскользь. Между тем поговорить об этом было просто необходимо. Помнится, как-то в Москве мне довелось присутствовать на подобном же процессе, и прокурор там построил свою обвинительную речь так, что для всех в зале суда стала очевидной не только вина подсудимых, но еще и то, что преступления подобного рода — позор для всего коллектива, в котором работали подсудимые, что использование служебного положения в личных, корыстных целях несовместимо с достоинством советского человека, глубоко чуждо и отвратительно нам. И не только уголовный кодекс РСФСР, но и моральный, неписаный кодекс поведения советских людей восстает против этого.

— Вы говорите так, словно вы и были тем самым московским прокурором,— после небольшой паузы сказал Находин.

— Нет, это был не я,— просто возразил Трофимов.— Человек, о котором я говорю,— один из лучших районных прокуроров Москвы. Я проходил под его руководством стажировку.

— Вот видите! — обрадовался Находин.— Один из лучших прокуроров Москвы! А я... я помощник прокурора в Ключевом.

— И что же из этого следует?

— Только то, что Ключевой — не Москва и требовать от меня речей на столичный лад, пожалуй, и не стоит,— обидчиво сказал Находин.

— Но разве суды у нас делятся на столичные и провинциальные? — удивленно глядя на Находина,

спросил Трофимов.— Впрочем, если уж вы так на этом настаиваете, то и мы с вами в столице.... в столице района.

— Вот-вот — название одно, да размеры разные.— Находин широко развел руки и быстро свел их ладонь к ладони.

— А ты, видно, как отмерил для себя в жизни потолок, так выше него прыгать и не собираешься? — неожиданно резко спросил Новиков.

— И ты, Брут? — попытался отшутиться Находин.— Атака по всему фронту! Да разве мой потолок, Алексей, ниже твоего?

— Не думаю, что ниже, Борис. Я ведь свой потолок в жизни не мерил, да и тебе не советую. Не такая у нас жизнь, чтобы вымеривать да высчитывать свое в ней место.— Придерживая искалеченной рукой коробку, Новиков торопливо достал папиросу и долго закуривал, чиркая и ломая спички.— Сам! Сам! — резко сказал он, когда Находин хотел ему помочь.— Да, не такая у нас жизнь, Боря.— Новиков вдруг улыбнулся Находину, и его ясная, чуть застенчивая улыбка оказалась сейчас особенно кстати и как-то разом сняла холодок, пробежавший было между ним и Находиным.— Вот ты тут говорил, что мы-де не в Москве, не в столице, что с нас и спрос меньше. Ведь говорил, так?

— Говорил, Алексей. А разве не так?

— Нет, не так. Согласен, смешно сравнивать наш маленький районный городок даже с каким-нибудь одним районом Москвы, смешно и не к чему. Верно и то, что во многом и очень во многом мы живем масштабами районного центра — не более. В этом ты прав. Но когда речь идет о суде, о прокуратуре, то никаких скидок на малость нашу, на провинциальность или еще на что-нибудь подобное быть не должно и не может. Подумай,— ведь законы-то у нас единые и для москвичей и для ключевцев. Или ты думаешь, что в Москве судьям и прокурорам положено быть умнее нас, сердечнее, проницательнее? Нельзя, преступно так думать. Да нет, ты так и не думаешь.— Новиков посмотрел на Трофимова, на Власову и, встретив в их

ответных взглядах молчаливое одобрение, продолжал: — Но если уж зашел у нас об этом разговор, так скажем, товарищи, прямо: нам очень много дано — нам дано судить людей, а коли так, то надо нам работать на полную силу сердца своего и разума, где бы мы ни жили, какую бы работу ни выполняли!

Новиков снова, ломая спички, долго раскуривал папиросу, а когда закурил, опять улыбнулся Находину своей ясной, чуть застенчивой улыбкой.

«Какая улыбка хорошая»,— со все растущим чувством симпатии к Новикову подумал Трофимов.

Он подошел к судье, присел подле него на краешек стола.

— Может, и не к месту я сейчас, но... давно хотел с вами и товарищами посоветоваться... Речь идет о моем первом выступлении в суде. Я выбрал для него дело Константина Лукина. Мне думается, что дело это очень серьезное.

— И я так думаю, Сергей Прохорович,— понимающе кивнул Новиков.— Ведь недаром же столько о нем в городе разговоров. Поначалу я было хотел примирить Лукиных, а потом, подумавши, пришел к выводу, что мирить, не зная, из-за чего произошел разрыв, нельзя. Ну, скажем, примирили бы мы их, стали бы они жить вместе и дальше. Но как жить? Так и не разобравшись в случившемся? Не дело это.

— Да они бы и не помирились,— убежденно сказала Власова.— И не я одна так думаю. По вашей просьбе, Сергей Прохорович, я уже разговаривала кое с кем из друзей Тани и Константина, со стариком Зотовым. И все в один голос: пусть суд поможет им и нам разобраться в случившемся.

— Так прямо и говорят — пусть суд поможет разобраться? — вспоминая свой недавний разговор с Михайловым, спросил Трофимов.

— Так прямо и говорят. Кстати, Сергей Прохорович, через несколько дней мы с Бражниковым собираемся поделиться с вами нашими соображениями по этому делу.

— Хорошо.— Трофимов взглянул на Новикова и

своих помощников.— Значит, решено — буду выступать.

— Да, Сергей Прохорович, думаю, что дело Лукина того стоит.— Новиков поднялся и, подойдя к Находину, дружески похлопал его здоровой рукой по плечу.— Чего задумался? Или недоволен чем?

— Да ну, что ты,— не очень-то весело ответил Находин.— Дай-ка закурить.

Коробка «Казбека» судьи, как трубка мира, пошла по рукам, и даже не курившая Власова взяла и неловко зажала в пальцах папиросу.

17

Юркий «вездеходик», в котором сидели Трофимов и Находин, выбрался из города и помчался по асфальтированному шоссе, ведущему к Ключевскому комбинату.

Скоро кончилась неширокая полоса огородов, справа от дороги промелькнули белые больничные здания, и машина въехала в густой сосновый лес.

— Защитная полоса,— сказал Находин, поводя рукой в сторону леса.— Два километра сосняка отделяют город от комбинатской копоти.

— Да, в городе совсем не чувствуется близости большого завода,— отозвался Трофимов.

— Что, тихо очень?

— Я говорю о том, что в городе нет ни гари, ни пыли.

— Ни шума заводского,— буркнул Находин.

— На комбинате, по-вашему, веселее?

— Я этого не говорю, но там отличный клуб. Даже не клуб, а Дворец культуры, большой стадион.

— А основная масса рабочих комбината где живет?

— В городе.

— И что же, ездят каждый вечер на комбинат — в клуб, на стадион?

— Ездят. Но больше комбинатские ездят к нам.

— Это почему же?

— У нас парк, зелень, река.
— А на комбинате разве нет зелени?
— Не густо. Вот приедем — посмотрите.

Замолчали. Да Трофимову и не хотелось говорить. За те несколько недель, что он прожил в Ключевом, ему так и не удалось как следует подумать о новом месте, поглядеть на свою работу со стороны, отвлекшись от повседневных дел, которые сразу завладели почти всеми его помыслами. И сейчас, воспользовавшись свободной минутой, он пытался разобраться в своих еще неясных впечатлениях.

Многое пришлось узнать Трофимову за годы войны. Где только не побывал он, каких только городов и стран не повидал! Но далеко не все, что он видел и пережил, оставило след в его памяти. Часто бывало так, что запоминался какой-нибудь крохотный хуторок, короткий разговор с солдатом у переправы и забывались большие города и долгие беседы. Дело, видно, было не в размерах, не в броскости впечатлений, а в том неуловимом ощущении значительности увиденного и пережитого, в чувстве, то грустном, то радостном, которое пробуждается в человеке, отвечая сокровенным его влечениям.

Старинный уральский городок сразу пришелся Трофимову по душе. Его пленила самобытная красота города, добротность его домов, ширина улиц, норовистый изгиб реки.

Вспоминая свои первые встречи в городе, свои первые разговоры, Трофимов с добрым чувством подумал о Рощине. Из бесед с ним он вынес твердое убеждение, что районом руководит умный и деловой человек.

Подумалось Трофимову и о частых, но всегда таких коротких встречах с Мариной, когда они едва успевали обменяться двумя-тремя фразами. Неожиданно большое значение приобрели для Трофимова эти встречи. Он нередко ловил себя на том, что думает о Марине, вспоминает ее голос, ее большие, то серьезные, то насмешливые глаза. Он был доволен, когда заставал ее дома. Ему необязательно было говорить с ней, но сознание, что Марина где-то здесь, совсем близко, радо-

вало его, хотя сам он до конца в этом себе и не признавался.

Вот и сейчас он с удовольствием подумал о вечере, когда вернется домой и, может быть, не Евгения Степановна, а Марина откроет ему дверь.

«Ну и ну, хорош! — рассмеялся своим мыслям Трофимов.— О чем это ты думаешь, товарищ прокурор?»

Статные, без единого изгиба стволы сосен возносились в прозрачно-голубой простор. Высоко над землей едва-едва покачивались их могучие ветви, а над ними зеленели молодые метелочки макушек. Солнце, только что поднявшееся над лесом, расцветило его золотыми полосами. Укрытая прошлогодней хвоей земля казалась подернутой искрящейся чешуей, а трава на просеках ослепительно зеленела.

Лес начал редеть. Все чаще стали попадаться кривые, чахлые деревья, потемнела трава на пригорках.

Шоссе в этом месте делало крутой поворот и выносилось, стремительное в своем широком течении, прямо к корпусам комбината. Он лежал в котловине, опоясанной со всех сторон хвойным лесом.

Трофимов и раньше догадывался о размерах комбината, но теперь, увидев его вблизи, был поражен его огромностью, красотой зданий, высотой копров, ажурной легкостью подвесной дороги. Производственные корпуса, надшахтные постройки, газгольдеры, трубы — все сверкало торжественной белизной. Многочисленные дымки, тянувшиеся из труб электростанции, казались прозрачными и бесследно растворялись в воздухе.

— Вот какую махину построили! — с гордостью сказал Находин.— А что тут под землей творится! Целый подземный город с площадями, с улицами, а по ним в два ряда мчатся электрические поезда. Вы никогда не бывали в шахтах?

— В угольных бывал.

— Ну, калийную шахту с угольной и сравнивать нельзя. У нас тут, как в метро, высоченные своды, чистота, свет.

— Есть такие шахты и в Донбассе.

— Наверно, все же не такие,— недоверчиво мотнул головой Находин.— Наши шахты оснащены по последнему слову техники. У нас шахтер обушка и в глаза не видел.

— А «у нас»? — улыбнулся Трофимов.— Вы уж, Борис Алексеевич, меня не к иностранцам ли причислили?

— Виноват, так получилось,— смутился Находин.— Но ведь существует же такое деление — на «у нас» и «у вас» — даже в пределах нашей страны?

— Безусловно, — рассмеялся Трофимов. — Например, у нас на Урале — замечательные калийные шахты, а у вас в Донбассе — угольные. Или еще так: если у вас в Донбассе есть плохие шахты,— значит, это у нас — плохие шахты.

— Выходит, нет такого деления? — спросил Находин.

— Есть, отчего же не быть! Вот вы мне по дороге все говорили — «у нас в городе» да «у них на комбинате». А как из лесу выехали, стали говорить — «у нас на комбинате». Попробуй разберись, где вы «у нас», а где «у вас».— Трофимов озорно подмигнул Находину, и они оба рассмеялись.

— Вы, я вижу, что угодно на свой лад перетолкуете,— сказал Находин.

— А тут и толковать нечего,— обернулся до сих пор молчавший шофер, пожилой и тихий на вид человек. Выцветшая его гимнастерка до сих пор хранила следы погон и дырочки от орденов. Голубые, с хитрецой, прищуренные глаза светились умом.— «У нас» означает в СССР,— пояснил он Находину.

Машина остановилась у главных ворот комбината.

— С чего начнем? — спросил Находин.

— С завкома — разберем жалобы рабочих.

Широкая асфальтированная дорога, по краям которой были посажены цветы, терялась между зданиями.

Трофимова, впервые попавшего на ключевский комбинат, удивила царившая кругом тишина. Лишь чуть-чуть где-то позвякивали стекла, да тонко пел над головой трос подвесной дороги, и время от времени мягко

ухали в глубине копров клети. Комбинат дышал мерно, приглушенно, уверенно. В окнах производственных цехов и лабораторий мелькали люди в белых халатах. Даже издали, мимоходом, Трофимов заметил, что работают здесь спокойно, без суеты — каждый занят своим делом.

Асфальтированный проспект, по которому шли теперь Трофимов и Находин, часто пересекался железнодорожными путями. В одном месте пришлось остановиться и подождать, пока пройдет длинный состав, груженный сверкающими в изломах глыбами красного сильвинита. В другом месте дорогу пересекла автотележка, которой лихо, как резвым конем, управляла девушка в комбинезоне и в сдвинутой на затылок косынке.

— Вот это порядок! Вот это работа! — восхищенно приговаривал Находин, и его обычно насмешливое лицо светилось открытой радостью.

Действительно, при взгляде на эти машины, сложнейшие сплетения труб, огромные здания и башни, при мысли о том, что где-то глубоко под трехсотметровой толщей земли тянутся на много километров штреки, камеры, проходы, при мысли о том, что вся эта громада, объединенная разумом и усилиями советских людей, дает колхозным полям миллионы тонн ценнейших удобрений,— при мысли об этом чувство гордости за свою могучую родину охватило Трофимова.

«А верный ли путь избрал я для себя в жизни? — тревожно подумалось ему.— Разве не лучше было бы стоять сейчас у какой-нибудь машины, работать в шахте или на заводе? Что произвожу я — прокурор? Какие полезные вещи выходят из моих рук? Вырастил ли я хоть одно деревцо за всю мою жизнь? Чем полезен я людям?»

Но эти мысли промелькнули и исчезли. Нет, он твердо знал, что идет по верному пути, что дело, избранное им, нужно и полезно людям. Вот и сейчас в его портфеле лежат письма рабочих, которые нуждаются в его помощи, ждут его совета. Его работа необходима и для того, чтобы все так же мерно дышал этот комбинат, и для того, чтобы еще богаче был

в этом году урожай на колхозных полях. Он, скромный районный прокурор, стоит на страже интересов государства, на страже интересов честных советских людей.

18

Председатель завкома встретил Трофимова и Находина в дверях своего кабинета.

— Что-нибудь случилось? — тревожно спросил он у них.— Входите, входите, товарищи.

— Знакомьтесь, товарищ Оськин,— сказал Находин.— Сергей Прохорович Трофимов, прокурор района.

Оськин, грузный человек, с шахтерской перевалочкой в походке, посмотрел на Трофимова внимательным, изучающим взглядом.

— Ничего страшного не случилось, товарищ Оськин,— сказал Трофимов.— Мы к вам пока только с жалобами.

— С жалобами? На кого же?

— На вас.

— Ну-у? — с интересом протянул Оськин.

— Рабочие жалуются, что комбинат отводит под строительство новых домов скверные участки и не помогает с ремонтом квартир. Вот! — и Трофимов выложил на стол пачку писем.

— Плохие участки? Не помогаем с ремонтом? — переспросил Оськин, и Трофимову показалось, что в голосе его зазвучала радость.— Так это же сущая правда! Вы мне эти письма не показывайте — я их наизусть знаю!

— Так почему же не принимаете мер? — спросил Трофимов.

— А кто вам сказал, что не принимаем? — выпрямился перед Трофимовым Оськин.— Вот прокуроры к нам пожаловали — это разве не меры? Вы, что же, думаете, что наши рабочие не зашли в свой завком, когда писали эти письма? Так на кой черт им нас тогда было выбирать? Зашли! А собрание с критикой, что хоть святых выноси? А Рощин почему к нам чуть не каждый день ездит? Вот какие меры! — Оськин

присел на краешек стола и сказал вдруг с неожиданной, едва сдерживаемой яростью: — Мы тут, товарищ прокурор, войну начинаем!

— С кем?

— А вот сейчас разберемся. Смотрите сюда.— Оськин наклонился над разостланным на столе большим листом бумаги.— Это план нашего поселка.— Он провел ладонью по листу.— Здесь все застроено. Здесь строить нельзя — слишком близко от комбината. Здесь строить нельзя — защитная полоса, а тут,— и Оськин с силой ткнул пальцем в заштрихованный квадрат,— строить можно, да не следует: низина, сыро! Ясно? — глянул он на Трофимова и Находина.— А комбинат растет. Сначала ведь только калийные шахты были, а теперь чего только нет!

Трофимов склонился над планом:

— Где же вы собираетесь строить новые дома для рабочих?

— Да где придется! К самому болоту подбираемся, а все строим! Ведь в двух километрах болото начинается...

— Кому же нужно такое строительство? — с возмущением спросил Трофимов.

— Дирекция предполагает болото осушить. За этим Швецов сейчас в Москву и улетел, но...

— Разве эти болота так скоро осушишь? — с сомнением произнес Находин.

— В том-то и штука! — кивнул Оськин.— Болота еще сушить и сушить, а строиться нам необходимо уже сейчас.

— Где же, по-вашему, выход? — спросил Трофимов.

— Выход? Да его и искать не надо. Вот он, наш выход, сам в глаза лезет,— и Оськин указал на линию шоссе между городом и комбинатом.— Вы, когда ехали сюда, заметили новые дома на окраине города?

— Заметил.

— Эти дома построены комбинатом. И хорошо, что построены. Но мало, мало нам этих домов! Ведь там вплоть до самой защитной полосы еще целый поселок построить можно. Место сухое, высокое.

— Отчего же не строите дальше? — удивленно пожал плечами Трофимов.

— Отчего? — снова зашагал по кабинету Оськин.— Вот из-за этого мы и воюем!

Он подошел к столу и сдернул с аппарата телефонную трубку.

— Глушаева! Товарищ Глушаев? Да, Оськин говорит... Что? Здоров, здоров, того и вам желаю... Кстати, тут доктор приехал — хотите познакомиться?.. Нет, он не ко мне, а к вам приехал... Да!.. Ждите, сейчас придет!..— Оськин повесил трубку и, гневно сверкнув глазами, отрывисто сказал: — Этот самый Глушаев ведает у нас жилищным строительством. Способный человек! Организатор! Вы бы к нему зашли, товарищ прокурор.

— А стоит ли? — припоминая глупости, которые болтал ему по телефону Глушаев, заколебался Трофимов.

— Обязательно!— Оськин вышел в приемную к секретарю.— Проводите товарища Трофимова к Глушаеву,— сказал он.

— Хорошо, пойду,— решил Трофимов.— А вы тут пока займитесь с моим помощником вот этими письмами. Товарищи ждут ответа.

19

Из-за стола навстречу Трофимову поднялся высокий худой человек.

— С кем имею честь? — настороженно спросил он.

Маленькие проницательные глаза его смотрели прямо, не мигая.

Лицо Глушаева с резко выдающимися скулами, узким подбородком и стремительно скошенным лбом таило в себе что-то недоброе, лисье. Но стоило Глушаеву улыбнуться, а улыбка, видимо, редко сходила с его лица, как все мигом менялось в нем. И вот уже с приветливо поднятой рукой к Трофимову шел веселый, гостеприимный рубаха-парень. Глаза его сквозь узенькие щелки смотрели приветливо и добродушно,

а улыбка и действительно была хороша. Трофимова изумил этот Глушаев — совсем не такой, каким он его себе представлял во время разговора по телефону.

— Догадываюсь, догадываюсь, что за доктора направил ко мне товарищ Оськин,— смеясь сказал Глушаев.— Товарищ Трофимов?

— Да.

— Рад, очень рад! — подхватив Трофимова, как старого приятеля, под локоть и ведя его к креслу, говорил Глушаев.— Итак? — В глазах его промелькнула настороженность.— Слушаю вас, товарищ прокурор...

— Это я вас хотел послушать,— давая себе время собраться с мыслями, не сразу ответил Трофимов.

— О чем же? — предупредительно изогнул над ним свое длинное тело Глушаев.

Трофимов чувствовал, что этот человек хитрит с ним, прикидывается простачком, но следовательский опыт побуждал Трофимова не спешить с выводами, не поддаваться чувству предубеждения.

— К нам, товарищ Глушаев, поступили жалобы от рабочих комбината. Мне, как новому человеку, трудно понять: кто тут прав и кто виноват? Речь идет о каких-то сырых участках под новые дома, о плохом ремонте... Одним словом, очень бы хотел услышать обо всем этом ваше мнение.

— Так! — выпрямился Глушаев.— Так! Жалобы рабочих... Мое мнение... Извольте! — Он больше не улыбался. Сухие, резкие морщины легли возле его рта.— Во-первых, товарищ Трофимов, вы начали не с того конца. Не с этого вам надо было бы начать свой трудовой подвиг в нашем районе.

— Вы думаете? — вопросительно, с глубочайшим вниманием наклонился к Глушаеву Трофимов.

— Вам следовало бы, исходя из своеобразия этого района...

— Какого своеобразия?

— А такого, что в двух километрах от бывшего уездного городка стоит гигантский комбинат.

— Да, я, признаться, был поражен всем, что увидел.

— Были поражены? Вот с этого и надо было начинать! — Глушаев снова заулыбался и смешно замахал руками.— Конечно, Ключевой — районный центр,— добродушно поглядывая на Трофимова, продолжал он.— Райком, райсовет — все это, так сказать, хозяева района. Признаем! Уважаем! Нужна машина, две, пять — пожалуйста. Кирпич, цемент? Одолжайтесь! В речах о нас хотите упоминать — извольте! Но... дорогой мой Сергей Прохорович, ведь весь бюджет района не составляет и... уж не скажу даже какой доли нашего!

— А поэтому? — приподнялся со своего места Трофимов.

— А поэтому надо прежде всего учитывать соотношение сил.

— Вот как?

— Конечно. Хотите особенно убедительный пример?

— Погодите,— перебил его Трофимов.— Вы коммунист?

— Нет, беспартийный и не более как начальник сектора жилищного строительства.

— Местный житель?

— Да. Коренной уралец. Отец — старатель, дед — старатель, а я радетель.

— Коренной уралец, а не любите свой родной город.

— Э-э, дорогой мой! — усмехнулся Глушаев.— Вам ли говорить про любовь к нашим местам? Вы-то у нас человек новый.

— Вот потому я и слушаю вас,— сухо сказал Трофимов.— Знакомлюсь...

— Знакомьтесь, знакомьтесь,— рассмеялся Глушаев.— А главное, учитывайте соотношение сил...

— Что же все-таки вы расскажете мне о вашем жилищном строительстве? — сдерживая себя и стараясь говорить спокойно, спросил Трофимов.

— Не более того, что сказал вам Оськин.

— Мне важно ваше мнение: вы отвечаете за эту стройку.

— Я и строю.

— Возле болота?

— Зачем же? До болота еще два километра.

— А это соседство разве вас не смущает?

— В ближайшее время приступим к осушке.

— Говорят, это — дело не легкое.

— Построить комбинат тоже было не легкое дело.

— Скажите, а почему бы вам не строить дома для рабочих также и на окраине города? — как бы между прочим задал давно подготовленный вопрос Трофимов.— Места ведь там для застройки замечательные: сухие, высокие.

— В городе? — сделав вид, что не понимает важности вопроса, спросил Глушаев.— Какой же резон нам отстраивать город? Мы строим у себя, вы — у себя. Так-то будет надежнее.— Глушаев вдруг снова стал серьезным и в упор, не мигая, посмотрел на Трофимова.— Вы еще подумаете, что мы здесь и вправду плохо строим... Так пойдемте на участки, я сам покажу вам наши новые дома.

— Пойдемте,— сказал Трофимов, вставая.— Я как раз туда и собирался.

20

На строительный участок поехали вчетвером: к Трофимову и Глушаеву присоединились Оськин и Находин.

В маленькой машине едва хватило места, и, чтобы, удобнее устроиться, Глушаев обнял Оськина за плечи. Со стороны можно было подумать, что в машине сидят два закадычных приятеля.

— Давай через центр! — сказал Глушаев шоферу, едва машина въехала в поселок.

— Зачем же через центр? — возразил Оськин.— Давай по улочкам да проулочкам, так-то виднее!

— Как прикажете? — шофер, посмеиваясь, поглядел на сидевшего рядом с ним Трофимова.

— Попетляй,— лаконично ответил Трофимов.

И шофер начал петлять.

— Ну как, хороши? — воскликнул Глушаев, когда

машина проезжала широкой улицей, вдоль которой стояли высокие, красивые дома.

— А где деревья, где зелень? — возмущенно спросил Оськин.— Сосны — и те не уберегли!

Действительно, на широкой, залитой асфальтом улице деревьев было мало.

— Смотрите, смотрите, Сергей Прохорович! — закричал Глушаев.— Подходящий домина? Это наш Дворец культуры! Пять этажей! Мрамор! В Москве и то таким дворцом бы гордились!

— А кто строил? Ты, что ли? — не уступал Оськин.— Чужими делами не гордись. Водитель, друг, заверни-ка сюда.

Машина свернула в переулок.

— Вот что ты построил! — крикнул Оськин, когда они въехали в узенькую улицу, сплошь застроенную похожими друг на друга, как две капли воды, стандартными домиками.

— Неужели плохо? — самодовольно усмехнулся Глушаев.— Скажите, товарищ Трофимов, нравятся вам эти дома или нет?

— Дома хорошие,— отозвался Трофимов, отмечая про себя добротность стройки.

— Что ж тут хорошего? — обиделся Оськин.— Все на одно лицо. Не спорю: крепкие, удобные, но строены без души, по стандарту!

— А вы, пожалуй, правы,— сказал Трофимов.— Скучновато, когда все дома одинаковые.

— То-то! Это в Америке так привыкли жить — по стандарту, а советскому человеку нужно жилье, чтобы глаз радовало. Тут крылечко, там наличники пустячные, а улица совсем другой бы вид имела.

— Тебе, чтоб глаза повеселить,— не без ехидства сказал Глушаев,— я специально избушку на курьих ножках поставлю. Живи, услаждай свою душу.

— Смеешься? — грозно спросил Оськин, поворачиваясь к Глушаеву всем своим большим телом.— Да понимаешь ли ты, что значит дом для человека?

Машина въехала на узенький мостик, переброшенный через извилистый ручей.

— Вот твое царство! — крикнул Оськин, протягивая руку в сторону открывшейся невдалеке строительной площадки.— Сырость да комары!

На дороге показалась встречная машина.

— Не Рощин ли? — сказал Оськин.— Он!

Рощин был не один. Рядом с ним Трофимов увидел худощавого молодого человека. Наклонившись к Рощину, он решительным взмахом руки, точно перечеркивая, указывал ему на далекую полосу болот.

— С Рощиным — Геннадий Константинович Ларионов,— пояснил Оськин.— Давно ли просто Гешей звали, а теперь инженер, секретарь парткома комбината.

Машины поровнялись, и шофер Рощина притормозил свою, чтобы было удобнее разъехаться.

— Здравствуйте, здравствуйте! — узнав Трофимова, помахал ему рукой Рощин.— Присматриваетесь, товарищ прокурор?

— Присматриваюсь, Андрей Ильич!

Машины разъехались.

— Медленней! — с раздражением сказал Глушаев шоферу.— Прямо по улице. Еще и дома ни одного нет, а уже всю улицу гости укатали.

— Рощин да Ларионов не гости, а хозяева,— насмешливо глянул на него Оськин.— Или не рад таким хозяевам?

— Рад, как же,— пробурчал себе под нос Глушаев.

Машина медленно шла вдоль заложенных слева и справа фундаментов будущих домов.

— Здесь мы сойдем,— сказал Трофимов и спрыгнул на землю.

Вслед за ним все направились к одному из котлованов.

К Глушаеву, придерживая рукой широкополую белую панаму, быстрыми шагами приблизился высокий старик.

— Знакомьтесь, товарищ Трофимов,— небрежно сказал Глушаев,— это наш инженер-строитель Олег Юрьевич Острецов.

— Очень приятно,— любезно приподнял панаму Острецов.— Комиссия?

— Какая там комиссия! — усмехнулся Глушаев.— Хуже: прокурор с помощником!

— Все мои фундаменты, товарищ прокурор, в вашем распоряжении,— шутливо сказал Острецов.

— С них и начнем,— улыбнулся Трофимов.— Расскажите нам, Олег Юрьевич, что за дома строите вы для рабочих?

— Охотно! Что это будут за дома? — Инженер стал серьезен.— Леонид Петрович Швецов поставил перед нами задачу — построить отличные дома.— Медленно, точно читая лекцию, он прошелся перед своими слушателями.— Две-три комнаты в первом этаже и одна — в мезонине. Каждый дом на одну семью. Все удобства. Паровое отопление. Газ. У комбината есть и такая возможность. Да-с.

Острецов нагнулся, поднял с земли осколок кирпича и в раздумье подкинул его на ладони.

— Разрабатывая проект, мы столкнулись с целым рядом трудностей,— продолжал он.— Во-первых, индивидуальный облик каждого дома.— Острецов наклонился в сторону Оськина.— Эту идею, которую я горячо поддержал, выдвинул и отстоял наш председатель завкома. Во-вторых, конструктивная простота, удобная планировка комнат, свет, воздух... На этом особенно настаивал Леонид Петрович. Затем...

— Свет, воздух,— прервал его Оськин,— а дома строите возле болота.

— Что поделаешь? — развел руками Острецов.— Здесь еще место сносное. Кроме того, болота предполагают осушить.

— Разве нет участка получше? — спросил Трофимов.

— В районе комбината? — помедлил с ответом Острецов.— Нет.

— А если оглянуться на город?

— Ну, там места сколько угодно!

— Почему же обязательно строить только около комбината и отказываться от строительства на окраине города? Строили же вы там раньше?

— Строили.

— Рабочие и служащие комбината предпочитают

жить поближе от работы,— вмешался в разговор Глушаев.

— «У нас» и «у вас»,— смеясь взглянул на Трофимова Находин.

— Отсюда до комбината почти столько же, сколько и от города,— сказал Оськин.

— Столько, да не столько,— возразил Глушаев.— Впрочем, если человек хочет жить в городе, мы ему не мешаем.

— Нет, мешаете,— сказал Трофимов.

— Вот как? — насторожился Глушаев.— Кому же?

— Кузнецову, например.

— А-а, Кузнецову... Так он сам ведь отказался от нашей помощи.

— Не от помощи, а от участка в поселке.

— Да, мы давали ему дом. Он отказался. Пускай теперь пеняет на себя.

— Между тем вы обязаны помочь Кузнецову построить дом. Обязаны, и будете помогать.

— А горисполком?

— Горисполком тоже поможет. Поселок! Город! Не кажется ли вам, товарищ Глушаев, что вы напрасно противопоставляете одно другому?

— Я не противопоставляю, а учитываю соотношение сил, Сергей Прохорович,— заулыбался Глушаев.— Только это, только это.

— И тут вы можете просчитаться! — Трофимов обернулся к инженеру.— Скажите, товарищ Острецов, думали ли вы как инженер-строитель о будущем своего поселка и города? Ну, скажем, пытались ли вы заглянуть лет на десять — пятнадцать вперед?

— Заглядываю, частенько заглядываю, товарищ Трофимов.

— И что же?

— Хорошо, очень хорошо все будет,— растерянно ответил Острецов, не понимая, чего добивается от него этот молодой, с проницательными глазами человек. Встревожила старого инженера и неожиданная страстность, с которой задал свой вопрос Трофимов, и то, как резко говорил он с Глушаевым.— Новые улицы, проспекты...— Острецов замолчал.

— Вижу, что не заглядывали,— сказал Трофимов.— А жаль, я рассчитывал, что вы поможете мне советом.— Он протянул Острецову руку.— До свиданья, Олег Юрьевич.

— До свиданья,— тихо отозвался инженер. Ему казалось, что все вокруг смотрят на него с сожалением, как на человека, в чем-то виноватого.

Трофимов подошел к машине.

— Вы с нами? — спросил он Оськина и Глушаева.

— Нет, я останусь,— сказал Оськин.— Надо с народом поговорить.

— И у меня тут дела,— сухо поклонился Глушаев и вдруг снова заулыбался и замахал руками.— Предлагаю обмен, товарищ прокурор!

— Какой обмен?

— Я помогу Кузнецову построить дом, а вы помогите Косте Лукину на суде.

— Вот вы какую сделку мне предлагаете? — сказал Трофимов, с интересом всматриваясь в лицо Глушаева, опять ставшее веселым и добродушным.— Кстати, товарищ Глушаев, почему вы разговариваете со мной этаким шутовским тоном? И вчера по телефону или вот сейчас, предлагая мне свой обмен? Ведь вы человек, безусловно, умный...

— А разве шутовской тон — это признак глупости? — усмехнулся Глушаев.— Впрочем, отчего же шутовской? Я человек веселый...

— Ну, пусть будет так,— и Трофимов двинулся к машине.— Домой! — сказал он шоферу.

— Товарищ Трофимов! Сергей Прохорович! — Острецов поспешно подошел к Трофимову.— А ведь я думал над городскими участками... Проектировал... Даже помогал Николаю Николаевичу Белову разрабатывать его проект будущего Ключевого...

— Где же этот проект?

— Белов внезапно скончался... А мне такая работа одному не по плечу. Да и плохой из меня вояка...

— И все пошло прахом?

— У Беловой были кое-какие чертежи и материалы, но, вероятно, затерялись.— Острецов покачал головой.— Умнейший был человек...

— Знаете что, Олег Юрьевич,— мягко сказал Трофимов,— зашли бы вы как-нибудь ко мне. Очень буду вам рад.

— Зайду! Обязательно! — Старик сдернул с головы панаму и долго, держа ее в высоко поднятой руке, стоял у дороги, провожая глазами удаляющуюся машину.

21

До самого вечера ездил Трофимов вместе с Находиным по Ключевому. Прокурора и его помощника видели всюду — на вокзале, на колхозном рынке, в горисполкоме.

Только вечером, обсудив с сотрудниками прокуратуры план работы на ближайшие дни и выслушав доклады помощников о вновь поступивших делах, Трофимов пошел домой.

Вечерние улицы теперь уже не казались ему незнакомыми. В сгущающейся темноте Трофимов ясно ощущал жизнь города, и жизнь эта, трудовая, многообразная, была совсем не похожа на жизнь заштатного городка бывшего уезда, как пренебрежительно отозвался о Ключевом Глушаев. Это радовало.

Но многое было непонятно Трофимову: центр богатейшего района, на территории которого разрабатывались величайшие в мире калийные месторождения, где рубили и сплавляли лес, изготовляли тончайшие сорта бумаги, строили асбестовый завод и нашли нефть, центр района, славившегося на весь Урал богатством своих колхозов,— Ключевой мог и должен был расти быстрее.

«Что же мешает росту города?» — спрашивал себя Трофимов. Временами ему казалось, что он уже близок к ответу, но опыт подсказывал, что не следует спешить с выводами, что, тщательно подобрав факты, надо еще и еще раз взвесить все доводы «за» и «против».

Сегодня, как и в первый вечер, когда Трофимов пришел к Беловым, ярко светились большие окна их дома. Но теперь это были уже и его окна.

Невольно для себя, он ускорил шаги, быстро под-

нялся по крутым ступенькам крыльца и постучал громко, нетерпеливо, как стучал когда-то там — в Полтаве: один долгий и два коротких, торопливых удара. Но вот постучал так вот — по-старому и вдруг с горечью вспомнил, как радостно отзывались на этот стук каблучки бегущей отворять жены, как распахивала она дверь, не спрашивая, уверенная, что стучит муж.

А в прихожей уже слышались легкие шаги, и Трофимов безошибочно узнал по ним Марину.

Девушка открыла дверь, не спросив, кто это, словно по стуку догадалась, что пришел Трофимов.

— Что с вами? — вглядываясь в побледневшее его лицо, тревожно спросила она.

Трофимов отозвался не сразу. Да и что мог он сказать ей? Как мог объяснить это случайное совпадение, такое неуловимое и горькое?

— Заработался,— сказал он и, не глядя на Марину, быстро прошел в дом.

В столовой за обеденным столом сидела Евгения Степановна, а рядом с ней, перед большим глобусом, стоял белобрысый мальчуган лет двенадцати.

— Так как же ты поплыл бы из Ленинграда в Австралию? — спрашивала у него Евгения Степановна.— А, Сергей Прохорович! — радушно сказала она.— Сегодня хоть к ужину поспели. Сейчас буду вас кормить.— Евгения Степановна поднялась и вышла из комнаты.

— Ну, так как же ты поплывешь в Австралию? — подсел к мальчику Трофимов.

— Это мамин лучший ученик,— сказала Марина.— Он только одним и занят — как проплыть из Москвы во Владивосток или из Петропавловска в Батуми. Моряк!

— Дяденька, мне Евгения Степановна говорила, что вы недавно из Москвы приехали,— с любопытством разглядывая Трофимова, сказал мальчик.— Вы как добирались: водой или на поезде?

— На поезде. Разве водой сюда доберешься?

— Конечно! — с чувством превосходства сказал мальчик.— Очень даже просто. От Москвы по каналу до Волги, потом по Волге и по Каме, а от Камы до нас по Ключевке всего пять километров.

— Совсем близко,— рассмеялся Трофимов.— В другой раз так и сделаю.

— Скажите, вы в Москве на стадионе «Динамо» часто бывали? — спросил мальчик.

— Не очень часто, но бывал.

— А вы за кого болеете?

— Я? Пожалуй, за команду ЦДКА.

— А почему?

Марина, накрывавшая в это время на стол, с улыбкой прислушивалась к их разговору.

— Наверное, потому, что я еще недавно был военным,— ответил Трофимов.

— Ну-у, это узкий подход,— разочарованно протянул мальчик.

— А ты за кого болеешь?

— Я за московскую команду «Торпедо».

— Почему?

— А потому, что они настоящие,— убежденно сказал мальчик.— Сильных бьют, а слабым поддаются.

— Согласен: твой подход куда шире моего,— ласково обнял мальчика Трофимов.— Как тебя зовут?

— Коля.

— Моего звали Андреем... А ведь и у меня, Марина Николаевна, сейчас был бы такой вот...— сказал Трофимов.— Война.

Марина с сочувствием посмотрела на Трофимова. «Не об этом ли вспомнил он и там, на крыльце? — подумала она.— Да, наверно, об этом...»

Нет, видно, не так-то просто, как это казалось Марине до сих пор, шел он по жизни. Такой большой и сильный, такой, пожалуй, уж слишком внутренне подтянутый, Трофимов внезапно представился девушке в ином и неожиданном для нее свете.

Спокойный, уверенный, даже слишком уверенный в себе, как думала Марина, человек этот сидел сейчас перед ней печальным, подавленным, и рука его мимолетно касалась головы притихшего мальчугана.

«Вот всегда я так! — подосадовала девушка.— Составлю себе мнение о человеке по первому впечатлению, по первому разговору и думаю, что мне уже все в нем ясно, что весь он передо мной, как на ладони. А на самом-то деле...» — И Марине вдруг очень захотелось сказать Трофимову сейчас что-нибудь хорошее, простые ласковые слова, которые давно звучали в ней, хотя она и сама не знала, кому они предназначены.

Вошла мать.

— Евгения Степановна,— встрепенулся Трофимов и, точно радуясь новому направлению своих мыслей, поспешно встал и подошел к Беловой,— сегодня я узнал, что Николай Николаевич одно время работал над проектом будущего Ключевого. Скажите, у вас сохранились его бумаги?

Мать и дочь переглянулись. По их напряженным лицам Трофимов понял, что его вопрос удивил и взволновал их. Может быть, заговорив о проекте Белова, он совершил бестактность, проявил неуместное любопытство?

— Простите меня,— огорченно сказал он.— Видимо, я некстати затеял этот разговор... Но меня очень интересует проект Николая Николаевича.

— Вы что же, хотите с ним всерьез ознакомиться или просто посмотреть, что это такое? — спросила Евгения Степановна.

— Я надеюсь найти в этом проекте ответ на чрезвычайно важный для меня вопрос.

Евгения Степановна взглянула на дочь:

— Как ты думаешь, Марина?

Марина ничего не ответила и лишь кивнула головой.

— Пойдемте! — Евгения Степановна решительно обернулась к Трофимову: — Все бумаги мужа в вашей комнате. Я вам их достану.

22

Было далеко за полночь. Трофимов закурил и, вслушиваясь в доносящиеся с Камы далекие гудки пароходов, подошел к распахнутому окну. Вспомнилось,

как вместе с Рощиным и Чуклиновым стоял он у окна после их ночного разговора в райкоме. Вспомнился и весь этот разговор, вернее, то, что услышал тогда Трофимов от Рощина.

С того вечера прошло не так уж много времени, но для Трофимова каждый час его жизни в Ключевом был заполнен столькими делами, что день вырастал в неделю, а неделя казалась месяцем. И вот сейчас, размышляя над тем, что он узнал за эти дни, размышляя о своей работе, Трофимов понял, что он подошел наконец к ответу на волновавший его вопрос: «Что же затрудняет дальнейшее развитие района?» В поисках ответа ему сначала помог Рощин. Ответ на этот вопрос заключался в сотнях писем, адресованных жителями района в прокуратуру. Ответ на этот вопрос давала повседневная работа прокурора и его помощников по общему и судебному надзору за соблюдением советских законов. Ответ на этот вопрос заключался в груде чертежей и стопке исписанных листов бумаги, которые лежали сейчас на письменном столе.

Трофимов вернулся к столу и, точно желая еще раз проверить себя, перечел мелко исписанный, со следами многих пометок и уже пожелтевший от времени листок бумаги. Это не был рассказ ревнителя старины о достопримечательностях города, о его воздвигнутых еще в XVI веке церквах и о соляных промыслах времен Ивана Грозного.

Пожелтевший от времени листок повествовал о будущем. Горячие и светлые мысли влюбленного в свой край человека, его думы, его мечты — вот что узнал Трофимов, вчитываясь в неразборчиво написанные слова.

«Древний Ключевский посад,— читал Трофимов,— в котором еще сохранились церковные здания шестнадцатого столетия, крепостные башни, монастырские подземные ходы и купеческие амбары-крепости — этот наш древний город в годы советской власти оказался в центре необычайно богатого в промышленном отношении района. Достаточно упомянуть о залежах калийных солей, превышающих такие, как Страссфурт (Германия), Соляная долина (Абиссиния), Калиш (Поль-

ша) и Мертвое море (Палестина). Это к югу от Ключевого. К северу же и в других направлениях найдены богатые залежи меди, горючих сланцев, возможна нефть. Город заключен как бы в огромное кольцо, усыпанное драгоценными камнями. Все это, безусловно, определяет и его будущее. Город, который неузнаваемо вырос за годы сталинских пятилеток, теперь, после войны, начнет расти еще быстрей. Обратимся же к плану будущего, вернее, завтрашнего Ключевого. Посмотрим на его новые окраины, шоссейные дороги, административный центр...»

И Трофимов, следуя воле автора, развернул один из лежащих перед ним чертежей.

«Этот план далеко еще не завершен,— продолжал читать он.— Это всего лишь наметки и предположения человека, полагающего, что он хорошо знает свой родной город и край, и решившего помечтать на бумаге, со счетной линейкой и карандашом в руках. Итак, перед нами город Ключевой, равно необходимый и Ключевскому комбинату, что стоит к югу от него, и бумажному, что стоит к северу. К нему сходятся дороги со всех сторон. Здесь железнодорожный узел. Здесь аэродром. Здесь, наконец, и это не менее важно, большой и хороший театр. Библиотеки. Институты...»

Читая, Трофимов отыскивал на плане все, о чем упоминалось в объяснительной записке.

«Да, институты, ибо я не мыслю, что Ключевой — столица такого огромного промышленного и сельскохозяйственного района — сможет уже через несколько лет обойтись без своих собственных специалистов в самых различных областях его обширного хозяйства...»

Трофимов кончил читать и бережно положил на стол мелко исписанный стремительным почерком листок бумаги.

А мне говорят, что у города нет будущего,— думал он.— Болтают о каком-то соотношении сил, не понимая или не желая понять, что нет в районе отдельно, обособленно живущего комбината, сплавного рейда или завода, а есть единый, связанный общими интересами район с центром в городе Ключевом...»

Кто-то тихонько постучал в дверь.

— Войдите! — громко сказал Трофимов и оглянулся.

В дверях стояла Марина.

— Не спится что-то...— Она подошла к столу и склонилась над чертежом.— Я уже давно хотела к вам зайти, да боялась помешать...

Марина говорила спокойно, чуть-чуть приглушенным голосом, как обычно говорят ночью, когда в доме легли спать, но Трофимов все же уловил в ее голосе тревожные нотки. Он понимал, что́ заставило девушку прийти к нему в этот поздний час, и был рад ее приходу и тому, что мог теперь же, не дожидаясь утра, поделиться с ней своими мыслями.

— Это заинтересовало вас? — спросила Марина и осторожным любовным движением провела ладонью по поверхности чертежа.

— А как вы думаете, Марина Николаевна?

— Это работа моего отца... А мне всегда казалось замечательным все, что он делал.— И Марина посмотрела на Трофимова.

— Здесь многое не завершено, многое только намечено,— ответил он на ее взгляд.— Но есть главное: умение заглядывать в будущее, умение предвидеть, планировать и строить с учетом будущего! Вот вы, Марина Николаевна, воюете в городе за чистоту. Вы хотите, чтобы возле детского сада озеленили пустырь, чтобы благоустроили общежитие молодых рабочих. Вы требуете, доказываете, уговариваете. И так каждый день. И каждый день, устраняя неполадки в одном месте, вы обнаруживаете их в другом. Верно?

— К сожалению, это так.

— Ну, а вам никогда не казалось, что все эти неполадки имеют одну и ту же причину?

— Нет. Я, признаться, и не думала об этом.

— А еще врач! — улыбнулся Трофимов.— С чего же начинать лечение, как не с поисков главной причины болезни? Впрочем, болезни надо не только лечить, но и предупреждать. В профессиях прокурора и врача, поверьте, есть много общего... Плох тот прокурор, который только наказывает за нарушение законов. Главная наша задача — предупреждать эти нарушения.

Трофимов нагнулся над столом и стал сворачивать чертежи. Делал он это не спеша, так, как стал бы делать конструктор, который только что закончил большую, трудную работу и теперь, сворачивая чертежи, еще и еще раз обдумывал путь, по которому он шел. Да, Трофимов и был сейчас именно таким конструктором, но только не чертежная доска, а повседневная жизнь района была полем его деятельности.

Марина, помогая Трофимову складывать чертежи, с нетерпением поглядывала на него, ожидая, когда же он снова заговорит. Но он молчал. Тогда, не выдержав, она заговорила сама:

— Сергей Прохорович, где же причина неполадок, с которыми я сталкиваюсь в своей работе? Кто в этом повинен?

— Кто повинен? — неожиданно резко переспросил Трофимов.— Те, кто искусственно противопоставляют комбинат городу и не только не помогают вам в работе, а, наоборот, мешают. И вам ли одной...

Трофимов взял со стола свернутые в рулон чертежи и протянул их Марине.— А проект этот, Марина Николаевна, советую вам отдать Швецову или Рощину. Напрасно вы не сделали этого раньше.

— Нет, нет, я говорила! — воскликнула Марина.— Я говорила с Леонидом Петровичем, и он очень заинтересовался работой отца.

— Так почему же она не у него?

— Это моя вина, Сергей Прохорович,— смутилась Марина.— Мы с мамой долго не решались показывать Швецову работу отца — ведь она не закончена... И мне не хотелось... Я боялась, что он посоветует показать проект Глушаеву.

— Вот-вот, это было бы хуже всего,— думая о своем, согласился Трофимов.— Ну, а почему бы, не теряя времени, не показать проект Рощину? Сейчас как раз разрабатывается единый план жилищного строительства города и поселка — именно то, над чем работал ваш отец.

— Хорошо, Сергей Прохорович, я так и сделаю.

Марина с благодарностью посмотрела на Трофимо-

ва, взяла чертежи и пошла было к двери, но остановилась.

— Скажите, Сергей Прохорович,— решительно спросила она: — Что вы думаете о Леониде Петровиче Швецове? — Девушка быстро протянула вперед руку. В этом предостерегающем движении чувствовалось ее опасение быть неверно понятой.— Я спрашиваю вас о нем как о директоре комбината, пришедшем на смену моему отцу... Ведь отец был первым строителем этого комбината... И, знаете, очень хочется, чтобы и Швецов тоже оказался настоящим...

— Я понимаю вас, Марина Николаевна,— как можно спокойнее, точно дело и впрямь шло о справке, которую он — прокурор — должен был дать о директоре комбината, сказал Трофимов.— Настоящий ли он работник? Да, думаю, что настоящий. Я смог это заключить даже по тому немногому, что увидел на комбинате. Это не означает, конечно, что нет в работе Швецова недочетов, что все у него безупречно, но...

Трофимов умолк. Что еще мог он сказать Марине о Швецове? Ему неприятна была сама мысль о том, что своими словами он может вторгнуться, как ему казалось, в личную жизнь девушки.

Марина долго ждала, не скажет ли ей Трофимов еще что-нибудь, и, не дождавшись, вышла из комнаты.

23

С первых же дней своей работы в прокуратуре Трофимов ввел еженедельные недолгие совещания, на которых совместно обсуждались поступившие в прокуратуру дела, решались вопросы прокурорского надзора. Это были коротенькие летучки, подводившие итог работы каждой недели. Трофимов требовал от своих помощников и следователей четкости, ясности выводов по существу любого порученного им дела.

Даже такие мелочи, как порядок в форменной одежде или взаимные приветствия,— ничто не ускользало от внимания Трофимова. В этом он был снова кадровым

офицером, дисциплинированным, подтянутым, равно требовательным к себе и к другим.

Сотрудники ключевской прокуратуры относились к требованиям Трофимова по-разному: Власова с полным одобрением, Громов — не рассуждая, с готовностью старого служаки, Бражников — с юношеским пылом, Находин — с некоторым недоверием: «Что-то уж очень круто заворачиваешь!»

Но как бы по-разному ни относились они к требованиям Трофимова, ясно было, что с его приходом сразу наметились новые пути в работе, а главное, новое в отношении к, казалось бы, незначительным делам, к таким, как, например, дело Лукина, называемое на языке юристов всего лишь «делом частного обвинения».

С особенным вниманием относился Трофимов к работе прокуратуры по общему надзору за соблюдением законов. Прокурорский надзор, входивший в круг обязанностей его помощников, мог быть эффективен лишь при строжайшей проверке результатов этого надзора.

И Трофимов настойчиво добивался от своих сотрудников четкости в работе, требуя от них повседневной проверки результатов их труда. Так или почти так работали здесь и раньше. Но все же то, что внес в работу ключевской прокуратуры Трофимов, вряд ли можно было подвести под какой-нибудь параграф приказа, вменить кому-либо в обязанность. Это новое заключалось в самом отношении Трофимова к своему долгу, в его стремлении заглянуть в глубь каждого разбираемого им дела, каким бы большим или маленьким оно ни казалось.

Взять хотя бы тот же надзор за соблюдением законности. Ведь в обязанности прокурора, осуществляющего этот надзор, входит не только установление того или иного нарушения закона и не только проверка, как дальше закон этот будет выполняться. Нет, прокурор обязан предупреждать всякое нарушение закона, не дожидаясь этого нарушения. Как коммунист, как гражданин, вникает он в жизнь своего района, своего города и, живя этой жизнью, живя общими для всех интересами, очень часто действует не по букве закона, а по велению совести и гражданского долга.

Часто лишь едва уловимые недобрые приметы служат прокурору поводом для вмешательства. И ни в своде законов, ни в инструкциях и наставлениях не отыскать ему указаний, как поступать в том или ином случае. Жизненный опыт, знание людей, безукоризненно честное отношение к своим обязанностям и высокое чувство долга — вот что помогает советскому прокурору в его повседневной деятельности.

Понять это — значит понять основное в работе прокурора, найти ключ к верному решению и больших и малых дел.

Сегодня на летучке у прокурора первым докладывал приехавший из района Громов.

— По делу о нарушении Устава сельскохозяйственной артели в колхозе «Огородный» села Искра,— встав и вытянувшись перед Трофимовым, сказал он.

— Докладывайте.

— Факты, которые сообщил нам товарищ Антонов, подтвердились.— Громов не спеша развернул свою папку, надел очки и ровно, не повышая и не понижая голоса, начал читать: — «Предварительным следствием установлено, что при объединении трех колхозов села Искра, Ключевского района, в один колхоз, что имело место на основании решения общего собрания колхозников сельхозартелей имени Сталина, «Уралец» и «Огородный»...

— Товарищ Громов,— прервал его Трофимов,— отложите в сторону вашу папку и расскажите нам все своими словами.

— Слушаюсь.— Громов положил папку, не спеша снял очки и вдруг заговорил горячо, возмущенно, словно это не он, а кто-то другой заунывно читал только что протокол: — Мною установлены факты хищения колхозного имущества! Два негодяя — иначе их не назовешь,— забыв честь и совесть, подняли руки на колхозное добро! Такого безобразия в нашем районе я и не припомню! — Громов обернулся к товарищам, словно приглашая их в свидетели.— Колхоз «Огородный». Председатель колхоза Стрыгин, бухгалтер Кочкин. Вот эти два гражданина, когда начали объединять искровские колхозы, не смогли отчитаться в своих делах. Да

и немудрено! Теперь объединенным хозяйством в Искре руководит Герой Социалистического Труда бывший председатель колхоза имени Сталина Анна Петровна Осокина. Ее на мякине не проведешь!

— А пытался кто-нибудь? — спросил Трофимов.

— Пробовали. Впрочем, сами колхозники из «Огородного» вывели своих горе-руководителей на чистую воду.

— В чем же их обвиняют?

— А они, видите ли, колхозное хозяйство за свое личное посчитали. Колхоз «Огородный» у нас в районе «деликатесным» называется — парники... Так вот они эти деликатесы, вместо того чтобы везти на колхозный рынок, стали сбывать незаконными путями.

— Кому?

— Да кому хотите. Плати — и твое. На дворе еще зима, снег, а в «Огородном» свежие огурчики, редис, лучок. Заманчиво! Всякий купит!

— Кто же все-таки покупал?

— Кто? — недоуменно переспросил Громов.— Да любая хозяйка в нашем городе могла купить. Признаюсь, при следствии я этим вопросом не занимался.

— Скажите лучше так: упустили этот вопрос.

— Следствие проводилось по всем правилам,— обиженно пожал плечами Громов.— Хищения обнаружены, виновные установлены.

— Все ли?

— Все.

— Вот в этом-то я и не уверен. Скажите, товарищ Громов, колхоз «Огородный» считался до объединения отстающим?

Задавая следователю этот вопрос, Трофимов руководствовался тем, что́ слышал, присутствуя при разговоре Рощина и Чуклинова с Антоновым.

— Нет. Успехами не блистал, но хозяйствовал с доходом.

— Так. А сколько получили в прошлом году колхозники «Огородного» на трудодень?

— Что-то около двадцати рублей. Точно не скажу.

— Напрасно. Трудодень колхозника мог бы дать вам очень важные свидетельские показания.

— Я же говорю: около двадцати рублей и, конечно, продукты.

— А выводы из этого какие?

— Трудодень не плохой.

— Верно. Значит, те самые люди, которые разбазаривали колхозное добро, не такие уж плохие руководители?

— Выходит, так,— замялся Громов.

— Ну, а воровство и хорошее руководство могут быть у нас совместимыми?

— Нет.

— Правильно, не могут. Выходит, мы здесь столкнулись не с простым воровством, не с торговлей огурчиками и лучком по ключевским квартирам, а с чем-то другим. С чем же?

— Не знаю, товарищ младший советник юстиции.

— Обязаны знать. В этом и заключалась ваша работа следователя.

— Прикажете следствие продолжить?

— Начать снова. Вы пошли по ложному пути. Вам казалось, что все виновники налицо, мне же думается, что нет. Когда мы сталкиваемся с таким серьезным преступлением, как нарушение Устава сельскохозяйственной артели, мы не можем смотреть на это дело, как на обыкновенное воровство. Завтра же, товарищ Громов, возвращайтесь обратно в село Искра.

— Слушаюсь.

— Попробуйте проследить каналы, по которым сбывались овощи в город. Вот пока все, что я могу вам подсказать.

— Учту, товарищ младший советник юстиции.— Громов виновато переступил с ноги на ногу.— Разрешите доложить дело о порче овощей в сельпо?

— Тоже в селе Искра и тоже овощи.

— Тоже. Но тут просто халатность.

— Просто халатность? Возможно, возможно... Правда, колхозники в своем письме в прокуратуру характеризовали это дело несколько иначе... Да и опыт нас учит другому... А что, товарищ Громов, нет ли тут

связи между делом о расхищении колхозного имущества в «Огородном» и делом о халатности в искровском сельпо? Попробуйте-ка подумать над этим...

— Подумаю, товарищ младший советник юстиции.

— Вот тогда сразу обо всем и доложите.

— Слушаюсь.

Громов сел.

— Что, хороши ли огурчики в «Огородном»? — смеясь, наклонился к нему Находин.

— Горчат! — утирая платком вспотевшую шею, пробурчал Громов.— Ужо отведаешь и ты!

— По делу Лукина,— поднялась со своего места Власова.

— Слушаю вас,— кивнул ей Трофимов.

— Товарищи! Серьезно задумавшись над этим делом, я и младший юрист Бражников пришли к выводу, что все здесь действительно не так просто, как казалось нам раньше.

— Даже очень сложно! — привстал со своего места Бражников.

— Итак, почему Лукин ударил свою жену? — Власова в раздумье посмотрела на Трофимова.— Это ведь не хищение овощей, не подделка отчетов. Тут факты неуловимы, тут только можно строить предположения...

— Но опять же на фактах! — снова приподнялся со своего места Бражников.

— Каких? — спросил Трофимов.

— А таких, что Лукин в последнее время часто бывал в гостях у своего начальника! — вскочил Бражников.— Таня рассказывала, что он много раз ездил с Глушаевым на охоту! Не ночевал дома!

— Погодите, товарищ Бражников,— улыбаясь горячности молодого человека, остановил его Трофимов.— Ольга Петровна, продолжайте.

— Бражников изложил почти все, что мы знаем,— сказала Власова.— Нет ничего предосудительного в том, что Лукин в выходные дни ездил с Глушаевым на охоту. Лукин — хороший охотник.

— Конечно, ничего плохого в этом нет,— согласился Трофимов.

— Но именно эти-то поездки, как думает Татьяна Лукина, и изменили характер ее мужа.

— А она понимает, почему это произошло? — спросил Трофимов.

— Нет, не понимает.

— Каково ваше мнение о Глушаеве?

— Глушаев — человек у нас известный...— Власова говорила медленно, как бы взвешивая каждое слово.— Опытный хозяйственник... Если же говорить о моих личных впечатлениях, то он представляется мне человеком занятным, неглупым, но...— Власова помолчала.— Но неясный он какой-то, Сергей Прохорович... Правда, для следователя это не вывод...— Власова смущенно улыбнулась.— Татьяна Лукина сообщила нам и кое-что более определенное. Например, дни, когда Лукин не ночевал дома. Бражникову же удалось установить, что в эти именно дни или, вернее, ночи Глушаев уезжал вместе с Лукиным в лес на охоту. Товарищи Лукина рассказывают, что он возвращался из этих поездок пьяным. Нет, о выводах говорить рано, но разобраться, что́ он за человек, этот Глушаев, следует...

— Да, о выводах говорить рано,— сказал Трофимов.— А вот задуматься над некоторой странностью этой дружбы начальника и подчиненного, человека пожилого с молоденьким пареньком,— задуматься над этим следует. Добро бы, если бы они только вместе охотились, но ведь они и пили вместе. Зачем? Зачем понадобилось Глушаеву спаивать Лукина? Неспроста это... Вот что, товарищ Находин,— обращаясь к своему помощнику по уголовным делам, продолжал Трофимов:— Глушаев, по его словам, местный житель, коренной уралец. Допускаю. Но уж очень он любит об этом и к месту и не к месту разглагольствовать. Да и влюбленность его в родные края какая-то странная, с затхлым душком... Прошу вас подобрать для меня биографические данные о Глушаеве.

— Будет сделано, товарищ младший советник юстиции,— понимающе кивнул Находин.

— И сделайте это до суда над Лукиным,— сказал Трофимов.

24

Через несколько дней после ночного разговора с Трофимовым Марина по телефону условилась с Рощиным о встрече и вечером прямо с работы пошла в райком.

Рощин принял Марину точно в условленное время, сам вышел ей навстречу и, дружески взяв под руку, ввел в кабинет.

— А у меня для вас сюрприз, Марина Николаевна,— сказал он по обыкновению негромко и так приветливо улыбнулся, что Марина сразу почувствовала себя просто и хорошо.

— Какой же, Андрей Ильич?

— А это уж вы сами решайте, какой,— рассмеялся Рощин.— Может быть, по душе, а может быть, и нет.— И он указал Марине на сидевшего в кресле у стола Степана Чуклинова.

— Степан Егорович? — Марина вопросительно взглянула на Рощина.

— Разве вы не по городским делам ко мне? — спросил тот ее.

— По городским, но...— Марина замялась, не зная, что сказать.

— Небось, опять с жалобой на меня,— добродушно сказал Чуклинов, поднимаясь навстречу Марине.— Здравствуйте, Марина Николаевна.

— Здравствуйте... Нет, на этот раз вы не угадали, Степан Егорович.— Марина обернулась к Рощину.— Я к вам по личному делу, Андрей Ильич, но это даже хорошо, что здесь товарищ Чуклинов.

— Выходит, пригласив председателя горсовета, я не ошибся? — спросил Рощин.— Вы же с ним неразлучные друзья...

Он усадил Марину в кресло и уже серьезно сказал:

— А теперь рассказывайте нам, Марина Николаевна, о своем деле.

— Вот.— Марина протянула Рощину бумаги и чертежи.— Это работа моего отца: проект Ключевого, каким представлялся ему наш город лет через десять — пятнадцать.

— Проект Николая Николаевича Белова? — бережно принимая из рук девушки чертежи, сказал Рощин.— Вот за это спасибо. Уверен, что мы найдем тут много ценного.

— Почему вы так думаете? — спросила Марина. Ее обрадовало, что Рощин сразу заинтересовался проектом. Ведь то же самое говорил и Швецов, когда Марина рассказала ему о работе отца.

— Я, Марина Николаевна, не привык да и не люблю расточать ненужные похвалы,— пристально взглянул на девушку Рощин.— А думаю я так потому, что вашего отца хорошо знал.

— Проект не закончен,— неуверенно заметила Марина.— И все же я решила, Андрей Ильич, что...

— И правильно,— Рощин поднялся и подошел к Марине.— Жаль только, что слишком уж долго раздумывали. Город строится, растет, а вы колеблетесь — нести или не нести эту работу в райком партии. Ведь нам теперь каждый добрый совет вот как дорог!

— Признаю, это моя ошибка,— виновато улыбнулась Марина.— Спасибо Трофимову за совет, а то я бы так и не решилась.

— Так это Трофимов вас надоумил?

— Он.

— Смотри ты! — одобрительно покачал головой Рощин и, видно, вспомнив свой разговор с новым прокурором, добавил: — Быстро, быстро осваивается...

— Когда же, Андрей Ильич, я смогу узнать ваше мнение? — спросила Марина.

— Мое мнение? Дело не в моем мнении, Марина Николаевна, а в мнении народа... Вот почитаем в райкоме, в горсовете, а там и на общественное мнение вынесем.— Рощин оглянулся на Чуклинова.— Я думаю, Степан Егорович, что настало время обсудить наши планы городского строительства с жителями города и поселка.

— Верно, Андрей Ильич, — согласился Чуклинов.— У меня даже и докладчик для такого обсуждения намечен.

— Кто же?

— Инженер Острецов.

— А справится? Ведь это должен быть не простой доклад.

— Понимаю, Андрей Ильич. Разговор так надо повести, чтобы люди поняли: не о новом доме и даже не о новой улице идет речь, а о будущем нашей районной столицы.

— Да, о том, каким станет наш Ключевой к исходу второй послевоенной пятилетки,— сказал Рощин.— Потому-то я и спрашиваю: справится ли Острецов с таким делом?

— Олег Юрьевич помогал отцу в его работе над проектом, — сказала Марина. — Я помню, с каким увлечением принялся он тогда за дело. Острецов — очень знающий инженер,— добавила она и, прощаясь, протянула Рощину руку.

— Ну, тогда лучшей кандидатуры и не найти! — Рощин крепко пожал Марине руку и с лукавым удивлением спросил: — Вы не уходить ли надумали?

— Уходить.

— А как же наши санитарные дела? Я как раз собирался с вами и с Чуклиновым побывать в общежитии молодых рабочих.

— Правда? — обрадовалась Марина.

— Правда. Сейчас прямо и отправимся.

25

Большой трехэтажный дом общежития молодых рабочих стоял на окраине, у самого шоссе, соединяющего город с комбинатом.

Строили этот дом еще при Белове, строили красиво, добротно. Белову хотелось, чтобы молодые бессемейные рабочие чувствовали себя в общежитии удобно и хорошо, чтобы оно не превратилось для них лишь в место ночлега, а по-настоящему стало их домом. Ключевцы, говоря о достопримечательностях своего города, никогда не забывали упомянуть и про молодежное общежитие. Многие даже утверждали, что здание это ничем не хуже семиэтажной гостиницы в Молотове.

И так случилось, что со временем общежитие мо-

лодых рабочих комбината превратилось для молодежи города и поселка в своеобразный клуб.

Часто бывало, что в общежитии, в просторной комнате отдыха, справлялись праздники, даже свадьбы, а еще чаще происходили здесь импровизированные комсомольские собрания. Это были не обычные собрания с президиумом, с повесткой дня и докладом. Собирались просто так, не сговариваясь. Собирались, чтобы обсудить какой-нибудь важный вопрос, решить который в одиночку было невозможно.

Вот и сегодня, накануне суда над Лукиным, в комнате отдыха собрались друзья Константина и Тани. Многим из них предстояло завтра выступать на суде в качестве свидетелей. Дело это было не простое. Редко кто из них заглядывал в суд, а уж свидетелем выступать не приходилось никому.

В комнате отдыха, где обычно стоял несмолкаемый гул голосов, на этот раз было тихо и сумрачно, хотя сегодня здесь собралось человек двадцать. Все в молчании ждали Бражникова: ведь он был следователем, имел звание младшего юриста. Все это сейчас в глазах его друзей приобрело неожиданно большое значение.

Бражников пришел последним. На нем был парадный форменный костюм, маленькие звездочки на погонах ослепительно сверкали. Бражников был необычайно серьезен и важен. В другое время друзья обязательно подшутили бы над ним за его несколько напыщенный вид, но сейчас им было не до того.

— Я, кажется, немного запоздал? — спросил Бражников, окидывая собравшихся медленным взглядом, совершенно так же, как это делал Трофимов на совещаниях в прокуратуре.

— Ничего, ничего,— подошел к нему Василий Краснов, высокий вихрастый парень, комсорг гаража, где работал Лукин.— Хорошо сделал, что пришел. Надо с тобой посоветоваться...

— Ну что ж, докладывайте,— делаясь серьезным, кивнул Бражников. И опять это «докладывайте» прозвучало у него совсем, как у Трофимова.— Только учтите, товарищи, я, как работник следственных орга-

нов, подсказывать вам, что вы должны говорить на суде, не имею права.

Бражников присел на пододвинутый ему стул и вопросительно посмотрел на Краснова, точно ждал возражений.

— Это мы понимаем,— сказал Краснов.— Зачем же подсказывать?

— Ладно бы еще выступать по производственному делу,— поднялась со своего места звонкоголосая девушка, подруга Тани Лукиной. Ее круглое смешливое лицо было сейчас серьезно.— Там все ясно: говори, что знаешь, критикуй. Ну, а завтра? — Она задумалась и, вдруг шагнув на середину комнаты, решительно сказала: — Я, товарищи, вот что предлагаю... Я предлагаю всем нам завтра прийти на суд и вместе всем заявить, что мы считаем поступок Лукина позорным, постыдным и... и я даже не знаю, какими еще словами можно его назвать! — Она замолчала, и глаза ее вдруг наполнились слезами.

Все поняли, что плачет она от горькой обиды за подругу, и никто ни словом, ни взглядом не показал застыдившейся девушке, что слезы ее заметили.

— Нельзя всем сразу, товарищи. Вот беда — нельзя! — взволнованно сказал Бражников. Важность с него точно рукой сняло, и он опять стал самим собой — простым и хорошим парнем, так же, как и все его друзья, глубоко обеспокоенным исходом завтрашнего суда.— Свидетели не могут выступать все вместе,— пояснил он.— Свидетелей сначала и в зал-то не впускают, а вызывают по одному.

— По одному? — спросил какой-то паренек испуганно.— Что же это, выходит, в одиночку перед всем судом выступать?

— Да, по одному.

— А как-нибудь иначе нельзя?

— Невозможно! — с искренним огорчением сказал Бражников.— Такой порядок. Но ты не робей, я же буду в зале с самого начала.

— А я не робею! — гордо сказал паренек.— Просто спросил и все.

— Не в том дело, будем мы робеть перед судом

или нет,— сказал Краснов.— Важно другое. Важно, товарищи, наконец решить для себя, как мы сами относимся ко всему, что случилось.

— Как относимся? — сказал плечистый, с сильными шахтерскими руками парень, поднимаясь и выходя к столу, который стоял посреди комнаты и поэтому заменял трибуну.— Константина проучить надо, вот как относимся. Но губить парня нельзя. Я лично так и скажу. Ну, ошибся, верно. А парень он хороший, стоящий.

— Если ты, Михаил, это скажешь,— подбежала к столу девушка с ямочками на щеках,— значит ты ничем не лучше Лукина! Значит, ты тоже способен ударить свою жену!

— Варя! — с укоризной сказал Михаил.

— Ну что «Варя»?

Она презрительно посмотрела на Михаила и, гордо тряхнув головой, пошла от стола к окну, где сидели ее подруги.

— Товарищи! Товарищи! — поднял руку Бражников.— Все не так, все не так! И ты, Миша, не прав, и ты, Варя, не права.

— А вот и права! — крикнула с места Варя.— А ты, Петя, хоть и следователь, а тоже, наверно, за своего милого дружка горой стоишь. Нет у вас, у мужчин, честности! Нет и нет!

— Варя, как тебе не стыдно? — пытаясь быть серьезным, но невольно улыбнувшись, сказал Краснов.— Мы же не ругаться сюда пришли.

— Нечего мне стыдиться! Нет, девушки,— обернулась Варя к подругам,— я так прямо на суде и скажу: судите Лукина, товарищи судьи, строго-настрого. Ведь он не одну Таню, он нас всех оскорбил!

— Верно! Правильно! — послышались девичьи голоса.

— Тише! Тише! — умоляюще сказал Бражников.— Все не так, все не так!

— Почему же не так? — спросил его Краснов.— Пусть каждый выскажет свое мнение. Мы ведь для этого и собрались.

— Нет, не для этого! — с досадой сказал Бражников.— А если для этого, то нечего было меня и звать.

— Ладно, ты не обижайся, а объясни, в чем мы ошибаемся,— примирительно улыбнулся Краснов.

— Да ни в чем вы не ошибаетесь,— сказал Бражников.

Все рассмеялись, а Краснов в недоумении взглянул на приятеля:

— Ну вот пойми тебя. То неверно, то верно, а еще юрист.

— Погодите, погодите, сейчас объясню! — расстегивая тесный ворот кителя, сказал Бражников.

— Бедненький! — послышался насмешливый девичий голос.— Даже вспотел в своем кителе, а снять неохота.

— Не имеет права, — сказала другая девушка.— У него теперь все по правилам.

— Да, по правилам! — запальчиво выкрикнул Бражников.— Разве я против того, чтобы каждый высказал свое мнение? Совсем даже не против! Но ведь вы собираетесь и на суде так же говорить, собираетесь спорить, советовать! С кем спорить? Кому советовать? — Бражников замолчал и с возмущением пожал плечами.— Спорить с народным судом! Советовать народному суду! Да кто вам позволит?

— А мы и не думаем этого делать,— спокойно сказал Краснов.

— Как не думаете? А весь этот шум-гам тогда зачем? Ведь вы хотите и на суде так себя вести! — Бражников выпрямился, застегнул ворот на все крючки и сказал четко и медленно: — Народный суд не собрание, и вы там будете не ораторами, а свидетелями. Понятно? К делу относится только то, что вы, как свидетели, знаете о случившемся, что вы видели, что слышали. Вот о чем вас будут спрашивать на суде. Ясно?

— А если я и вовсе ничего не видела? — тихо спросила Варя.— Если я даже и не была там, когда это случилось, так, выходит, мне нельзя и слово сказать?

— Можно. Но опять же по существу дела.— Бражников неожиданно подошел к Варе и, глядя на нее в упор, заговорил с интонациями судьи: — Скажите, свидетельница, что вы знаете об отношении Константи-

на Лукина к своей жене до того, как он ее ударил? Ссорились ли они? Может быть, Татьяна Лукина делилась с вами своими домашними неприятностями? Отвечайте!

— Нет, не делилась. И ничего я не знаю,— испуганно сказала Варя.— Честное слово, не знаю!

— Не знаешь? — рассмеялся Бражников.— А еще в свидетели просишься!

— Да ну тебя! — смущенно отмахнулась от него Варя.

— А если я хочу за Константина голос подать? — спросил Михаил, косясь в сторону притихшей Вари.

— Как так голос подать? — усмехнулся Бражников.— В суде не голосуют.

— Да ты не смейся, знаю, что не голосуют. Я же ясно спрашиваю: могу я за него заступиться или не могу?

— Можешь.

Бражников подошел к Михаилу и, положив руку ему на плечо, тихо сказал:

— Если ты, Миша, уверен, что Константин не виноват, если ты так думаешь, то сказать об этом сумеешь...

Прошло несколько томительных секунд, прежде чем Михаил ответил Бражникову.

— Нет, против совести я не пойду,— сказал он.— Но только нельзя так: виноват и все. Ведь я как-никак ему друг. Да и не я один. Все здесь ему друзья. Что ж, нам теперь отказываться от него, что ли?

— Виноват он,— опуская голову, сказал Бражников.— Костя в последнее время как-то отошел от нас, начал пить, часто не ночевал дома...

— Правильно, виноват! — раздался вдруг негромкий голос от дверей.

Все оглянулись. В дверях стояли Рощин, Чуклинов и Марина.

Комсомольцы повскакали со своих мест и окружили пришедших.

— Да, Лукин виноват, — повторил Рощин. — Но виноват не один.— Он взглянул на Михаила.— Вот вы только что говорили, что Лукин — ваш друг. Верно?

— Верно,— посмотрев в глаза Рощину, подтвердил Михаил.— Я от своих слов и не отказываюсь. Друг с детских лет.

— Так... Дружба с самого детства... Настоящая? Большая?

— Куда же больше? — сказал Михаил.

— А на поверку вышло, что дружба эта пустяком оказалась.— Рощин обвел комсомольцев внимательным взглядом.— Ну что вы так на меня смотрите, будто я вам нивесть какие загадки загадываю? Конечно, пустяковая, несерьезная дружба... Разве случилось бы в семье Лукиных это несчастье, если бы вы были для Константина настоящими друзьями? Не случилось бы. Друг — это очень много, товарищи! Друг должен, когда надо,— помочь, когда надо,— посоветовать, а иной раз и поругаться. А вы? Где вы были, когда Лукин стал сбиваться с верного пути в жизни? Почему не удержали его от пьянства? Почему не спросили, где он пропадал, когда не ночевал дома?

— Я спрашивал,— сказал Михаил,— да он не стал говорить.

— Не стал говорить? Значит, плохо спрашивали. Надо было не спрашивать, а потребовать от него ответа. Сам не справился, тогда спроси его не в одиночку, не при случайной встрече, а со всеми вместе на комсомольском собрании.

— Лукин не комсомолец, — сказал смущенно Краснов.

— Не комсомолец? — удивился Рощин.— Вот видите, а вы еще говорите, что были ему друзьями... Друг, который стоит в стороне от ваших дел. Друзья, которые не пытаются увлечь товарища своими комсомольскими интересами...— Рощин повел глазами в сторону Марины и Чуклинова, как бы приглашая их присоединиться к тому, что он собирался сейчас сказать.— Да, Лукин виноват, но виноваты и вы, товарищи комсомольцы, виноваты в том, что были ему плохими друзьями.

— Что ж теперь делать? — тихо спросила Варя.— Его же теперь засудят!

Рощин сочувственно посмотрел на Варю, на притихших комсомольцев и, помолчав, ответил:

— Не засудят, а осудят... А вам придется позаботиться о его будущем. Ведь судом жизнь Лукина не кончается.

— Вот видишь! — с укором взглянул на Варю Михаил.— А еще кричала да ногами топала, чтобы покрепче засудили.

— Ничего я не кричала и не топала,— смутилась Варя.

— Может быть, много и не дадут,— попытался успокоить ее Бражников.— Плохо, правда, что он не хочет признать свою вину. Это ему повредит.

— А ты посоветуй ему, чтобы не упирался! — горячо сказала Варя.— Другом называешься, а посоветовать не можешь!

— Советовал. Да его, видно, кто-то научил, уперся — и все.

— Так вот что, товарищи комсомольцы,— сказал Рощин.— Не нам решать, какого наказания заслуживает Лукин. Дело сейчас не в этом. Нужно подумать, как помочь Лукину взяться за ум.

— Просто надо их помирить! — уверенно сказала Варя и посмотрела на Михаила.

— Сразу и помирить? — улыбнулся Рощин.— В таких делах с плеча не рубят. Подумайте, поглядите, что будет на суде, а уж потом и решайте.— Он обернулся к Марине и Чуклинову: — Ну что ж, теперь займемся-ка санитарными делами. Рассказывайте, Марина Николаевна: какие у вас претензии к нашему председателю горисполкома?

— К Чуклинову? — удивилась Марина.— Честно говоря, я не совсем понимаю... Ведь общежитие принадлежит комбинату.

— Значит, и у вас появился ведомственный подход? — рассмеялся Рощин.— Да велики ли здесь непорядки?

— В том-то и дело, что нет,— сказала Марина.— Речь идет о ремонте имеющихся в общежитии душевых.

— И только?

— Хорошо бы еще сушилки для рабочей одежды расширить,— сказал Краснов.

— И все?

— Все,— кивнула Марина.

— Как, по-твоему, Степан Егорович,— обратился Рощин к Чуклинову: — Большая тут работа или нет?

— Какая же это работа? — усмехнулся Чуклинов.— Я был в этих душевых, осматривал. За три дня можно управиться.

— А дорого будет стоить ремонт?

— Пустяки.

Рощин с заговорщицким видом подмигнул комсомольцам:

— Ну, а коли так, то, выходит, через недельку я к вам, товарищи, приеду душ принимать. Разрешаете?

— Приезжайте, товарищ Рощин! Приезжайте! — отозвались веселые голоса.

— Минуточку, Андрей Ильич, а почему этот ремонт должен делать я? — возмущенно спросил Чуклинов.— Ведь общежитие-то комбинатское!

— Да какой это ремонт? — удивился Рощин.— Сам же говорил — пустяки. Так неужели из-за пустяков станем мы препираться и друг на друга кивать, кому эту работу делать? Неужели из-за пустяков позволим, чтобы в нашем замечательном общежитии негде было помыться? Ну-ка, отвечай, председатель!

Чуклинов пожал плечами и, взглянув в смеющиеся глаза Рощина, решительно сказал:

— Конечно, не позволим, Андрей Ильич. Принципиально в один день весь ремонт проведу. Пускай Глушаеву стыдно будет!

— Вот это ответ! — одобрительно кивнул Рощин.— Довольны, Марина Николаевна?

— Очень,— весело сказала Марина.— Спасибо за науку, Андрей Ильич. Теперь-то уж я знаю, как нужно с нашим председателем разговаривать.

— А как, Марина Николаевна? — полюбопытствовал Чуклинов.

— Ласково — вот как! — рассмеялась Марина.

— Верно! Ох, пропала моя головушка! — и Чуклинов с шутливым отчаянием схватился руками за голову.

26

И вот снова в зале суда, с застывшим от нестерпимого стыда лицом, стоял у барьера Лукин. Снова, почти невидимый за пухлым портфелем, сидел у своего стола защитник Струнников. Снова неторопливо и методично задавал вопросы судья.

Зал был переполнен. Даже из коридора сквозь приоткрытую дверь доносился гул голосов.

Трофимов поднял глаза от разложенных перед ним бумаг и посмотрел в глубину зала. Оттуда на него смотрели сотни внимательных, ожидающих глаз. Не Михайлов, а он, Трофимов, сидел теперь на прокурорском месте. Михайлов же, если он еще не уехал, наверное, был сейчас в зале и, как Трофимов когда-то, требовательно вслушивался в каждое сказанное прокурором слово, критически оценивал ход его мыслей, его план ведения дела.

Трофимов знал, что на суд приехали многие работники комбината. Рядом с Таней и ее отцом сидел Оськин. В глубине зала Трофимов увидел Марину и Евгению Степановну, а в первом ряду — Власову, Находина и Бражникова.

Нет, не боязнь за себя, за свой прокурорский престиж, не опасение, что его обвинительная речь окажется бледной,— нет, не это сейчас тревожило Трофимова. Главное для него было в том, чтобы перед лицом общественности всего города, перед лицом народного суда ясно и громко прозвучал ответ на вопрос: «Почему Лукин ударил свою жену?» Именно этот ответ был нужен суду, прокурору, Татьяне Лукиной. Нужен он был и самому подсудимому. Так думал Трофимов в первый день суда, так думал он и теперь. Но теперь — и Трофимов был твердо убежден в этом — суд над Лукиным перерастал в суд над тем, что неуловимо тревожило город, как запах вековой плесени, сохранившийся еще кое-где в темных углах его монастырских строений и купеческих лабазов.

Между тем Лукин стоял на своем. Избегая прямо отвечать на вопросы судьи и прокурора, не решаясь

поднять глаз, твердил он заученные фразы о том, что был пьян, что ничего не помнит.

Перед судом один за другим проходили свидетели, друзья Лукина и Тани. Они говорили почти одно и то же — с горечью, с возмущением, недоумевая. Костя Лукин, которого они любили и уважали, поднял руку на свою Таню, на их Таню! Лукин, которого они знали как честного и правдивого человека, путаясь и запинаясь, отрицал свою вину.

Перед судом выступил отец Лукина. Сгорбившись, подошел он к столу судьи и оглянулся на сына, очень похожего на него, особенно теперь, когда тот стоял за барьером, постаревший и сутулый. Словно стыдясь этого сходства, старик по-молодому выпрямился.

— Как сын руку на жену поднял, этого я не видел,— твердо сказал он.— Знаю только одно: виноват Константин. По глазам опущенным вижу: виноват!

— Скажите, товарищ Лукин,— спросил Трофимов,— где мог научиться ваш сын тому, что он сделал?

— Не знаю. Мы с матерью этому его не учили.

— Скажите, в каких отношениях он был с Глушаевым?

— Глушаев не нянька ему. Константин — шофер, Глушаев — начальник.

— Так. Вы, я слышал, часто охотились с Глушаевым, верно?

— Часто не часто, а охотиться вместе приходилось.

— Скажите, может быть, Глушаев дурно влиял на вашего сына?

— Григорий Маркелович в люди вышел, когда сына моего еще и на свете-то не было.

— Значит, не влиял?

— В плохом смысле, думаю, нет.

— А в хорошем?

— Глушаев — охотник. Сын при нем и охоту полюбил.

— Так,— сказал Трофимов. — Больше вопросов к свидетелю не имею.

— А у вас, товарищ Струнников, есть вопросы? — обратился Новиков к защитнику.

— У меня есть,— приподнялся Струнников.— Ска-

жите, товарищ Лукин, что ваш сын... был ли он хорошим, добрым сыном?

— Примерный сын! — с горькой усмешкой сказал старик.

— Примерный! — торжествующе повернулся Струнников к председательствующему и народным заседателям.— Вопросов больше не имею.

— Сколько у вас детей? — спросил Лукина один из народных заседателей.

— Единственный! — хмуро ответил старик и пошел от стола.

— Попросите свидетеля Глушаева,— сказал Новиков.

По рядам прокатился приглушенный говор. Дверь отворилась, и в зал широкими легкими шагами вошел Глушаев. Лицо его сияло неизменной улыбкой. Приближаясь к судейскому столу, он поглядывал по сторонам, добродушно кивал головой, пожимал руки знакомым. Казалось, весь зал был заполнен его друзьями.

— Ваше имя, отчество? — приступил к обычному опросу свидетеля Новиков.

— Мое? — Глушаев с комическим недоумением оглянулся на публику.— С утра был Григорием Маркеловичем.

По залу пронесся смешок.

— Свидетель, ведите себя серьезно! — строго предупредил его Новиков. — Вы перед народным судом.

— Виноват,— покорно склонил голову Глушаев.

— Где проживаете? Где работаете? Кем? — спрашивал Новиков.

Глушаев отвечал. Внешне он был серьезен, но едва заметные жесты и подчеркивание слов, которыми он сопровождал свои ответы, неизменно вызывали в зале смех.

— Расскажите суду, что вам известно по существу разбираемого дела,— сказал наконец после предупреждения об ответственности за дачу ложных показаний Новиков.

— Извольте... Товарищи судьи! — Глушаев изобразил на лице печаль.— Костя Лукин... Да кто в городе

и в поселке не знает Костю Лукина? Что в работе, что в веселье — не было у нас лучше парня. Нам, старикам,— Глушаев расправил плечи, — любо-дорого было смотреть на этого молодца. Уралец! Как отец его, как дед, как прадед! И вот где он теперь оказался...— Глушаев указал рукой на Лукина и, соболезнуя, покачал головой.— И за что же, за что мы его здесь судим?

— Товарищ Глушаев, не вы судите здесь Лукина, а народный суд,— прервал Глушаева Новиков.

— Виноват. За что его здесь судит народный суд? — поправился Глушаев.— Совершил ли он тяжкое преступление?

— Гражданин свидетель, ваша задача не речи произносить, а дать характеристику подсудимому,— снова прервал Глушаева Новиков.

— Характеристику? Извольте. Скажу коротко: был человек, а стал... — Глушаев выразительно помолчал, как бы не находя слов для того, чтобы определить, кем же стал Лукин. — И почему, позвольте вас спросить?

— Да, почему? — негромко произнес Трофимов.

— А потому, Сергей Прохорович,— улыбаясь Трофимову, как самому лучшему другу, ответил Глушаев,— что в один прекрасный в кавычках вечер он позволил себе чуть-чуть поучить свою молодую супругу.

— Прошу выбирать выражения,— сказал Новиков.

— Я и выбираю. Именно, чуть-чуть поучил. Мы на Урале, на северном, на суровом... У нас еще традиции живы...

В зале возник приглушенный шум.

— Конечно,— сокрушенно развел руками Глушаев,— хвалить Лукина не следует, но виной всему опять же наш уральский простой и суровый нрав. Гордость наша уральская — вот в ней-то все дело!

— Прошу присутствующих соблюдать тишину,— сказал Новиков.— Скажите, свидетель, что это за нрав такой уральский? Как вас следует понимать?

— Строптивость, гордость наша — вот что это такое,— пояснил Глушаев.— Ну, выпил, запоздал к обеду. Эка беда! Поверьте, все бы чудесно обошлось,

не случись рядом посторонних свидетелей. Почему? А потому, что при людях мы горды очень. Жена с вопросом: где был? Муж с ответом: не твое дело. Жена: зачем пил? Муж: замолчи! Слово за слово, никто не уступает,— как же, станет вам уралец на людях жене уступать! А в результате — затрещина семейного типа.

— Как не стыдно! Заставьте его замолчать! — раздались в зале возмущенные голоса.

— Товарищ председательствующий, разрешите задать свидетелю вопрос,— приподнялся Трофимов.

— Пожалуйста.

— Скажите, свидетель, зачем вы все это нам сейчас говорили?

Трофимов насмешливо в упор смотрел на Глушаева.

— Зачем говорил? — гордо выпрямился Глушаев.— А затем, что я защищаю хорошего молодого человека.

— Вы действительно хотите ему добра?

— Конечно.

— Тогда ответьте мне: почему вы научили Лукина пить? Почему заставляли принимать участие в своих охотничьих поездках, которые начинались и кончались попойками?

В зале стало тихо.

— Лукин не маленький,— обошел вопрос Глушаев.— Не красная девица.

— Отвечайте, почему, работая у вас, он стал пить?

— Возраст подошел. Мы — уральцы...

— Ну и что же?

— Я хотел сказать, что от водки да от честной компании нос не воротим.

— Одно,— что вы хотели сказать, а другое,— что у вас получается.

— Что же у меня получается?

Под суровым взглядом Трофимова выражение лица у Глушаева начало меняться. Улыбки как не бывало, глаза стали внимательными, колючими.

— Мы, уральцы, пьем. Мы, видите ли, учим наших жен кулачной расправой. Мы на людях от гордости теряем всякое человеческое достоинство. Вот что у вас получается, гражданин Глушаев.— Трофимов перелистал лежавшие перед ним на столе бумаги.— Скажи-

те, свидетель, где вы были в ночь с пятнадцатого на шестнадцатое апреля?

— Когда? В ночь с пятнадцатого на шестнадцатое апреля? Не помню...

— Хорошо, я вам напомню. Вечером пятнадцатого апреля вы выехали из города. С вами был Лукин. Рано утром шестнадцатого вы вернулись. Куда вы ездили?

— Я могу и не отвечать вам, товарищ прокурор. Вопрос этот к делу не относится.— Глушаев улыбнулся, но улыбка у него на этот раз получилась какая-то принужденная.

— Мой вопрос имеет прямое отношение к делу, которое мы слушаем. Отвечайте, где вы были?

— Хорошо, отвечу... Ездили на охоту.

— И пили всю ночь, так?

— Откуда вы знаете, товарищ Трофимов, пили мы или нет?

— Здесь спрашиваю я, а не вы.— Трофимов снова заглянул в лежавший перед ним листок.— Где вы были вместе с подсудимым в ночь с двадцатого на двадцать первое апреля?

— На охоте.

— И снова пили?

По залу прошел удивленный, неодобрительный ропот.

— А если я задам вам этот же вопрос, только с иными числами, еще пять раз? — спросил Трофимов.— Ответите вы мне, где вы провели все эти семь ночей или нет?

Трофимов положил руку на лежавший перед ним листок. В движении этом было столько уверенности, что каждому стало ясно: прокурор знает все. На самом же деле прокурор знал только то, что рассказала Власовой Таня Лукина: о ночах, которые она провела без сна, ожидая мужа, о горьких думах, которые она передумала, одиноко встречая рассвет на ступеньках своего дома. Вот и все, что знал прокурор. Но Глушаев, точно изобличенный в чем-то, растерянно молчал.

— Отвечайте, свидетель, — спокойно сказал Новиков.

— Говорю вам, были на охоте! — нервно дернул

плечом Глушаев.— Ну, выпивали, признаюсь... Что ж тут такого?

— И много пили? — спросил Трофимов.

— Порядочно, признаюсь...

— Признавайтесь, признавайтесь,— негромко сказал Трофимов.

— В чем? — крикнул Глушаев.— Что это? Да уж не меня ли здесь судят?

— Нет, вы только свидетель.

— Вот именно. Вы же сами вызвали меня в качестве свидетеля.

— Не я вызвал вас, гражданин Глушаев, а суд,— возразил Трофимов,— и не по моей просьбе, а по просьбе защитника товарища Струнникова.

— Совершенно верно,— привстал Струнников,— совершенно верно: гражданин Глушаев вызван в суд по моей просьбе.

— Да не все ли равно, кто меня вызвал — защитник или прокурор? — раздраженно сказал Глушаев.— Я — свидетель. Меня просили дать Лукину характеристику, и я дал ее. Что же еще нужно от меня товарищу прокурору?

— Только то, что вы можете сказать суду, как свидетель по делу Лукина. Только это.— Трофимов обернулся к председательствующему.— Прошу, товарищ Новиков, учесть показания свидетеля о том, что он в течение месяца семь раз вовлекал своего подчиненного в ночные попойки...

— Да на охоту же ездили, на охоту! — крикнул Глушаев, теряя самообладание.

— ...под видом охоты,— спокойно докончил Трофимов.— Теперь я хочу задать несколько вопросов подсудимому.

— Подсудимый, встаньте,— сказал Новиков.

Лукин встал. В первый раз за все время суда он поднял голову. Трофимов увидел, что Лукин смотрит на Глушаева. Увидел, как Глушаев отвел глаза, как забарабанил беспокойными пальцами по столу защитника.

— Скажите, Лукин,— негромко, точно задавая ничего не значащий вопрос, спросил Трофимов: — Где вы

проводили со своим начальником ночи, о которых идет здесь речь?

Лукин молчал. Глушаев быстро, предостерегающе поднял руку.

— На пасеке, в лесу! — торопливо ответил он.— Там, у деда, многие охотники ночуют.

— Я спрашиваю не у вас, а у Лукина,— перебил его Трофимов.— Отвечайте, Лукин, где вы проводили эти ночи?

— Он правду сказал,— глухо отозвался Лукин.

— И пили там?

— Пили.

— А приходилось вам говорить Глушаеву, что дома у вас из-за этого неприятности, что ваши частые отлучки обижают жену?

— Приходилось...

— И что же в таких случаях говорил вам Глушаев?

Лукин молчал. Глушаев с видом человека, случайно попавшего в нелепую, глупую историю, удивленно пожал плечами.

— Спрашивала вас жена, где вы пропадаете по ночам? — снова задал вопрос Трофимов.

— Спрашивала.

— Что вы ей отвечали?

Лукин молчал.

— Говорили вы ей, что это ее не касается?

— Говорил.

— Но это были не ваши слова? Это Глушаев внушил вам, что жена не должна вмешиваться в дела мужа? Отвечайте. Говорил он вам это?

— Говорил.

— А про то, каким должен быть, по его мнению, настоящий уралец, тоже говорил?

— Говорил.

— О дедах и прадедах, об удали старательской, о том, как в былые времена жен своих били?

— Да...

— Ничего я этого не говорил! Чепуха! — закричал Глушаев.

— Обратите внимание, товарищи судьи,— сказал Трофимов.— Признания подсудимого целиком совпа-

дают с тем, что только что излагал здесь сам Глушаев. В данном случае у нас нет оснований не верить свидетелю.

— Ничего я не говорил! — возмущенно замахал руками Глушаев.— Вы меня неверно поняли! Все это чистейшая чепуха!

— Согласен,— спокойно сказал Трофимов.— Все, что вы здесь говорили, вредная чепуха. Скажите, Лукин, а о том, как вести себя на суде, вам Глушаев не говорил ничего?

Лукин молчал.

В зале началось вдруг какое-то движение, тревожный шепот прокатился по рядам.

Трофимов увидел, как поднялась со своего места Таня Лукина, как медленно пошла она по проходу. По мере того, как Таня приближалась к судейскому столу, люди, сидевшие в задних рядах, подымались. Но никто не проронил ни слова. Только Варя, подруга Тани, тихо ахнула.

Таня остановилась перед Глушаевым, поглядела на него, словно видела его впервые, и шепотом проговорила:

— Так это ты?.. Все ты?..

— Танечка! — прозвучал в тишине голос Кости Лукина.

Стремительным движением перегнувшись через барьер, он схватил жену за руку.

— Таня! Я виноват. Прости ты меня! Прости, если можешь!..

Зал, точно один человек, вздохнул и смолк.

Таня мгновение прямо смотрела в глаза мужу, потом, вырвав руку, опустив голову, быстро пошла назад, туда, где стоял ее отец.

— Тише, товарищи! Тише! — стучал по столу рукой Новиков, хотя в зале и без того было очень тихо. Он посмотрел на Трофимова.— У вас есть еще вопросы?

— Нет. Больше вопросов к подсудимому и свидетелю не имею,— негромко сказал Трофимов.

— А вы, товарищ защитник? — спросил Новиков у Струнникова.

— И я не имею вопросов.

— Есть ли у вас вопросы, товарищи народные заседатели?

— Вопросов нет.

— Все ясно.

— Подсудимый, садитесь. Свидетель Глушаев, садитесь.— Новиков помолчал и уже спокойным голосом объявил: — Судебное следствие окончено. Переходим к выступлению сторон. Слово предоставляется прокурору Трофимову.

Пригнувшись, осторожными, неслышными шагами двинулся Глушаев по проходу в самый дальний угол зала.

— Товарищи судьи! — поднимаясь, сказал Трофимов.— В судебном следствии виновность Лукина была полностью установлена. Мне остается лишь подвести итоги и сделать кое-какие выводы.— Трофимов замолчал и посмотрел в глубину зала, туда, где сидела Таня Лукина.— Случайно ли то, что дикий поступок Лукина был воспринят общественностью города и комбината как очень серьезное, очень печальное происшествие? Нет, не случайно. Иначе и не могло быть. Не могло, потому что в нашей стране достоинство личности, честь советского гражданина оберегаются законом. Вспомним, товарищи, поговорки, которыми определял народ свое отношение к суду до Октябрьской революции: «Закон, что дышло, куда повернул, туда и вышло»; «Алтынного вора вешают, полтинного чествуют», «Где суд, там и неправда», «Где закон, там и обида». Меткие поговорки! Да, так было в России при царе, при капиталистах, так было, есть и будет в капиталистических странах... Подумайте, возможен ли такой процесс, на котором мы присутствуем, ну, скажем, в Америке? В стране, где безнаказанно линчуют негров и избивают поборников мира... В стране, где гангстеры крадут детей и на вырученные с выкупа деньги протаскивают в сенат какого-нибудь угодного им Трумэна, или Даллеса, или Маршалла... Нет, в такой стране смешно говорить о правосудии, о праве человека искать у закона защиты своей чести. В такой стране общественное мнение простых людей никогда не найдет поддержки у за-

кона, ибо закон там для того и существует, чтобы попирать это народное общественное мнение...

Трофимов говорил, ощущая, как постепенно овладевает вниманием присутствующих. Для него, прокурора, произносящего свою обвинительную речь, было очень важно ощутить это сочувственное внимание слушателей, знать, что говорит он не только для состава суда, подсудимого, потерпевших, но и для людей, пришедших на процесс и озабоченных его исходом.

— Мне рассказывали, что несколько лет назад,— продолжал Трофимов,— Лукин и его товарищи нашли в окрестностях города чугунную плиту с могилы Волегова, крепостного летописца нашего края. Плита эта хранится теперь в музее. С гордостью несла ее молодежь через весь город. Любовь к родине, любовь к великим ее традициям, к ее великому прошлому двигала Лукиным и его друзьями, когда они отдавали эту дань уважения крепостному летописцу. Что же произошло с Лукиным? Что двигало им, когда он осмелился поднять руку на свою жену, «на нашу Таню», как называли ее выступавшие здесь свидетели? Не рассказы ли о пьяной удали обобранных строгановскими приказчиками старателей, которые шли в кабак, гонимые горем, и пили, чтобы забыться? Не воспоминания ли о купеческом ухарстве и озорстве? Среди нас найдется немало людей, которые помнят те страшные времена. Но как далеки, как чужды нам подобные нравы! Что же в таком случае привлекало советского молодого человека в этих мрачных рассказах о прошлом? Отчего вдруг пристрастился он к вину, стал нелюдимым, заносчивым, скрытным? Почему, наконец, забыв о достоинстве советского человека, он так тяжко оскорбил свою жену?

Трофимов помолчал и чуть заметно, одними глазами, улыбнулся Тане Лукиной.

— Это случилось потому, что его обманули, потому, что ему набили голову лживыми историйками о бесшабашной старательской удали, которая якобы красит человека.

— Товарищи судьи! — вскочил со своего места Глушаев.— Я протестую! Прокурор не имеет права!..

— Гражданин свидетель,— строго сказал Нови-

ков,— предупреждаю, что за нарушение порядка я вынужден буду удалить вас из зала судебных заседаний... Продолжайте, товарищ Трофимов.

— Мы все слышали здесь рассуждения одного из свидетелей о старом Урале,— спокойно продолжал Трофимов.— О каких-то якобы древних обычаях и традициях. Но чьи это традиции? Уж никак не народные! Эксплуататорские, кулацкие это традиции. Вот их-то нам и преподносили с усмешечкой, с прибаутками. Да полноте, не знакомы ли нам эти речи? Разумеется, знакомы! Мы слышали их и прежде. Так бывало говаривали люди, не любившие свою родину, свой народ. Хозяйские прихвостни, люди без роду и племени — вот кто пытался внушить нам неуважение к русскому человеку, изобразить его в ложном виде...

— Товарищ прокурор! — снова вскочил Глушаев.— Не забывайте, что я не хозяйский прихвостень, а честный советский гражданин!

— Свидетель Глушаев! — поднимаясь, сказал Новиков.— За повторное нарушение порядка я вынужден просить вас покинуть зал судебных заседаний.

— Выгоняете? — меняясь в лице, спросил Глушаев.

— Я прошу вас покинуть зал.

— Хорошо, я уйду, но...

— Кстати, раз уж вы уходите, свидетель Глушаев,— подчеркнуто неторопливо сказал Трофимов,— справедливости ради напомню вам, что вы вовсе не уралец. Вообще-то говоря, в том, что вы родились не на Урале, нет ничего плохого. Плохо лишь, что вы зачем-то присвоили себе право судить и рядить об уральских традициях и нравах. Ложно судить и ложно рядить...

Настороженно вслушиваясь в каждое слово прокурора, Глушаев пробирался по проходу. Он старался итти медленно, хотел было выпрямиться, вскинуть голову, но негромкие слова Трофимова точно подталкивали его в спину.

Трофимов выждал, пока за Глушаевым захлопнулась дверь.

— Честный советский гражданин...— в раздумье

повторил он слова Глушаева.— Тем более странно и непонятно, как мог гражданин Глушаев говорить здесь то, что он говорил... Товарищи судьи! Вина Лукина очевидна. Но он виноват не только в том, что тяжко оскорбил жену. Не только в том, что почти до самого конца судебного следствия отказывался признать свою вину. Лукин виноват и в том, что дал себя обмануть! Я обвиняю его не один. Вместе со мной обвиняют Лукина его недавние друзья. Нет горше разочарования, чем разочарование в друге... Но, обвиняя Лукина, настаивая на его наказании согласно части первой сто сорок шестой и части первой сто пятьдесят девятой статей Уголовного кодекса РСФСР, я надеюсь, что он сумеет вернуть себе уважение своих друзей, сумеет заслужить прощение жены. Я надеюсь, что яд прошлого не глубоко проник в его сознание!

В зале раздались аплодисменты. Друзья Тани и Константина повскакали со своих мест и горячо хлопали прокурору.

— Слово предоставляется защитнику товарищу Струнникову, — сказал Новиков, когда шум в зале улегся.

— Товарищи судьи! — торжественно начал Струнников.— Готовя свою защитительную речь, я, так же как и представитель государственного обвинения, задал себе вопрос: что толкнуло моего подзащитного совершить то, что он совершил? Я искал ответа на свой вопрос, надеясь тем самым найти смягчающие вину обстоятельства. Но я далеко не сразу нашел нужный ответ. Лишь здесь, в зале судебных заседаний, лишь сейчас — после показания одного из свидетелей по делу — нашел я, наконец, причину, приведшую моего подзащитного на скамью подсудимых.— Струнников торопливым движением взял лежавшие перед ним на столе очки и, надев их, дружелюбно посмотрел на Трофимова.— Товарищи судьи! Сегодня мы рассматриваем один из тех случаев, когда пути обвинения и защиты полностью совпали. Ведь показания свидетеля Глушаева равно нужны и мне — защитнику и товарищу Трофимову — обвинителю. Между нами нет расхождений. И не защищать, а обвинять должен я сей-

час Лукина в защитной речи. Да, обвинять своего подзащитного! Ибо в таком обвинении, в раскрытии подлинной причины проступка Лукина, содержится и его защита. Вот почему, обращая ваше внимание, товарищи судьи, на молодость моего подзащитного, на его чистосердечное раскаяние и признание своей вины, я вместе с тем говорю: да, виновен! И главная вина моего подзащитного — в этом я целиком присоединяюсь к представителю государственного обвинения — в том, что он поддался дурному, разлагающему влиянию. Я надеюсь, товарищи судьи, что приговор ваш не будет слишком суровым. В заключение прошу вас специальной рекомендацией избавить в дальнейшем моего подзащитного от работы у гражданина Глушаева. Не следует Лукину быть шофером у Глушаева. Неверные пути в жизни указывал молодому человеку этот его начальник.

Струнников сел.

В зале снова громко зааплодировали.

— Слово предоставляется подсудимому Лукину,— объявил Новиков.

Лукин медленно поднялся с места, выпрямился и глубоко вобрал в себя воздух. Трофимов впервые увидел его не сгорбленным, а таким, каким он, наверно, был прежде: высоким, стройным, со свободно развернутыми плечами.

— Я многое понял на этом суде,— тихо сказал Лукин.— Никогда не забуду я того, что здесь говорили.— Голос его осекся, и Лукин уже совсем тихо, точно говоря с самим собой, недоуменно спросил: — Мог ли я когда подумать, что случится такое в моей жизни?.. Нет, не мог.— Он тяжко задумался.— Не мог, а случилось. Мечтал прямой дорогой по жизни пройти, да не сумел.— Лукин умолк и вдруг, ясно как-то глянув на всех, громко, ломким от волнения голосом сказал: — Вина моя большая, сознаю...

Был объявлен перерыв, а затем, вернувшись из совещательной комнаты, Новиков огласил приговор. Суд, учитывая признание и осознание подсудимым своей

вины, учитывая его молодость, хорошую в прошлом работу и то, что он подпал под дурное влияние своего непосредственного начальника, приговорил Лукина к трем месяцам исправительно-трудовых работ с отбыванием по месту службы.

27

После бурных весенних гроз с переменчивыми то теплыми, то холодными ветрами, после хмурых дней, лишь ненадолго, словно мимоходом, пригретых весенним солнцем, в Ключевой вдруг пришло лето. Напоенное запахами свежих трав и молодой листвы тополей, короткое северное лето было сейчас особенно хорошо. И, будто спеша насладиться этим летним покоем, недолгим теплом, короткой порой молодых зеленей, город зажил по-летнему беспокойно и весело.

Ребятишки с утра до позднего вечера бултыхались в прозрачной воде Ключевки, девушки и парни бродили по окрестным лугам и лесам, пели протяжные уральские песни, рвали прекрасные своей нехитрой красотой полевые цветы, а на рассвете раздавались на улицах торопливые шаги, стук отворяемых дверей да вдруг звонкий девичий голос — такой радостный, такой тревожный, что, услышав его, не уснешь уж до самого утра.

Трофимов отложил книгу, медленно перелистал стопку исписанных листков на столе и встал. Не хотелось ни читать, ни работать.

Летний вечер шевелил листьями рябины, что тянулась своими ветками к самому подоконнику, заглядывал в комнату щербатым полумесяцем.

Трофимов прислушался. В доме было совсем тихо.

«Видно, все ушли»,— подумал он и, неожиданно для себя, мысленно увидел Марину. Она, наверно, идет сейчас по залитой светом аллее парка, идет, окруженная друзьями, и, слушая их веселые речи, чему-то сдержанно улыбается. Он живо представил эту ее

улыбку — спокойную, ясную — и ее манеру вдруг прямо и испытующе взглянуть на собеседника, точно спрашивая его, зачем он ей все это говорит.

Как часто, встретив этот испытующий взгляд девушки, Трофимов умолкал, и тогда, сбившись с проторенной дорожки спокойных застольных бесед, что вели они между собой, встречаясь по вечерам в столовой, переводили они разговор на серьезный лад, говорили о своей работе, о том, что волновало их, чем жили они все эти дни. Нет, с Мариной невозможно было разговаривать просто так — от нечего делать. Но нельзя же было говорить только о делах? Лучше уж иной раз помолчать.

— Что это вы словно воды в рот набрали? — удивленно спросила их как-то Евгения Степановна.— Или опять на каком-нибудь законе не сошлись?

— Нет, мама, — рассмеялась Марина. — Это мы просто новый способ разговора придумали: про себя.

С тех пор так и повелось у них обрывать затянувшийся деловой разговор или какую-нибудь пустую застольную беседу понятной обоим фразой: «Поговорим про себя»...

А после, помолчав, заговаривали они о самом неожиданном.

Помнится, в один из таких разговоров Трофимов рассказал Марине о своей семье. В первый раз со дня гибели жены и сына говорил он о них, не тая душевной боли, не страшась услышать в ответ какие-нибудь давно стершиеся утешительные слова.

Так день за днем они узнавали друг друга, и эти беседы были полны для каждого открытиями, из которых слагалась и крепла их дружба.

Сейчас, охваченный внезапным чувством тоски, потому ли, что был один во всем доме, или потому, что представилась ему Марина там — в парке, среди друзей, Трофимов решил немедленно разыскать ее. Точно боясь опоздать, он вдруг заспешил и, на ходу накинув пиджак, выбежал из комнаты.

Но, чтобы найти Марину, ему незачем было итти в парк. Подперев голову рукой, девушка сидела на ступеньках крыльца своего дома.

— Вы — здесь? — радостно изумился Трофимов.— А я-то собирался разыскивать вас по всему городу!

— Садитесь,— кивком головы указывая на ступеньки, сказала Марина.— Зачем это я вам так срочно понадобилась?

— Честно говоря, я даже и сам не знаю.— Трофимов сел подле Марины.— Просто испугался тишины в доме или — как это еще называется? — одиночества...— Он тревожно взглянул на девушку и виновато улыбнулся.— Робковат я стал, Марина Николаевна, вот что.

— Одиночество, одиночество...— медленно выговаривая слова, произнесла Марина и, быстро обернувшись к Трофимову, не то шутя, не то серьезно спросила: — А обо мне вы и не подумали: что, если я как раз хочу сейчас побыть одна?

— Нет, об этом не подумал,— серьезно глядя на девушку, сказал Трофимов.— Впрочем, еще не поздно поправить дело.— Он хотел было подняться.

— Нет, теперь уж сидите,— удержала его Марина движением руки.— Я пошутила. Но давайте «поговорим про себя».

— Давайте,— кивнул Трофимов.

Они надолго замолчали.

— Скажите, Сергей Прохорович,— нарушая молчание, спросила Марина: — Вот вы, такой целеустремленный в жизни человек, скажите, приходилось ли вам задумываться не только над судьбой других людей, но и над собственной судьбой? Приходилось ли вам пережить, ну, скажем, минутное сомнение в правильности того, что вы делаете, усомниться в своих силах?

Марина испытующе смотрела на Трофимова.

— Приходилось, Марина Николаевна,— не сразу отозвался он.— Часто, очень часто примеряюсь я к своей жизни как бы со стороны и спрашиваю себя: «А верно ли иду я по жизни? Чем полезен я людям?»

— «Чем полезен я людям?» — задумчиво повторила Марина.— Очень вы это хорошо сказали, Сергей Прохорович. Да, так чем же полезна я людям? — Марина смущенно рассмеялась.— Вот у вас — большая, нужная работа. После суда над Лукиным я много думала о нашем первом разговоре. Помните, вы еще

сказали мне, что слова «суд» и «прокурор» можно часто заменить простым словом «друзья» и что такие друзья, как вы, могут подсказать Лукиным, как им жить дальше?

— Помню, — улыбнулся Трофимов. — Но ведь я так и не смог тогда убедить вас в этом.

— Да, но на суде я поняла, что вы были правы. Вы были правы в главном: суд действительно помог Лукиным. И это очень много: знать, что своей работой ты помогаешь людям, что ты нужен. Ну, а я...

— А вы, Марина Николаевна...— заговорил Трофимов.

— Погодите-ка,— прервала его девушка. — Я отлично знаю, что вы мне скажете. Вы скажете, что работа моя нужна, что я приношу пользу. Все это так. Но польза-то пользе рознь. И достаточно ли хорошо я работаю, чтобы сказать себе: да, ты по-настоящему полезна людям. Ведь все мои дела, если взять каждое в отдельности, очень неприметны, Сергей Прохорович... Сколько же нужно мне их переделать, чтобы ощутить, зримо ощутить результат своего труда?

— Немало, Марина Николаевна,— серьезно взглянул на девушку Трофимов.

— Вот видите,— вздохнула она.

— Да, очень много, — повторил Трофимов. — Очень много еще предстоит переделать самых разных дел всем нам. И нет у нас маленьких и больших дел, Марина Николаевна. Я в этом глубоко убежден: все наши дела, заботы, все помыслы наши — большие и нужные...

Долго еще сидели Марина и Трофимов на ступеньках высокого крыльца и, негромко переговариваясь, приглядывались к тому, что виделось им сейчас на тихой вечерней улице.

28

На реке Вишере, там, где река эта, вырвавшись из-под свода вековых сосен, разливается широко и привольно, на правом крутом берегу ее издавна стоит большое уральское село Искра.

Название у села не случайное. Откуда бы вы ни подъезжали к нему в солнечный день, еще издали, едва лишь покажутся над рекой первые дома, вдруг все заблестит, заискрится, точно не село, а сверкающее отражение его в зеркальной глади реки встает перед вами.

Некогда село это славилось на весь Северный Урал горькой и шумной своей судьбой. Жили в нем старатели, «нищие богачи», как называли их тогда на Урале. Тяжелый труд, месяцы скитаний, голод, цынга — вот какой ценой добывали люди тусклые желтые крупицы драгоценного металла. А потом неделя угарного запоя, кабала у перекупщиков — и снова нищета, голод, цынга...

Так жили здесь прежде. Ныне иная слава пошла об Искре по Северному Уралу.

Колхоз имени Сталина по праву считался одним из лучших во всей области. Трудная уральская земля давала в этом колхозе рекордные урожаи ржи. За что бы здесь ни брались — будь то строительство школы, электростанции, клуба или выведение новой породы скота,— все удавалось сталинцам.

С весны, когда три искровские артели объединились в одну, колхозники поставили перед собой задачу — так повести свое новое большое хозяйство, чтобы добрая слава сталинцев стала славой всего села. Было теперь где размахнуться, применить свое уменье, свои силы! Тракторы уже не плутали больше по узким участкам, и трактористам нечего было бояться запахать или засеять клин соседней артели. На сотни гектаров вокруг легли земли без межей и отметин, и принадлежали они одному хозяйству — колхозу имени Сталина.

Не стало маленьких молочных ферм с ручными сепараторами. Не стало лоскутных выпасов и пасечных островков из десятка ульев. Большую молочную ферму с электрическими доилками и сепараторами, огромную пасеку, просторы своих лугов — вот что увидели жители села, когда объединились артели. И сознание, что нет теперь в Искре колхозов получше и похуже, нет разных доходов на трудодень, а есть один большой и хороший колхоз с богатым трудоднем,— созна-

ние это будило в искровцах горячее желание работать еще лучше, чем прежде.

Умелый, опытный председатель руководил укрупненным хозяйством. Скромная женщина, немолодая, ничем на вид не приметная, Анна Петровна Осокина в течение десяти лет возглавляла колхоз имени Сталина, который во многом был обязан ей своими успехами. Она и сама не заметила, как подошла к ней слава,— не ждала, а дождалась великого дня в жизни, когда на первой странице «Правды» нашла и свое имя в списке Героев Социалистического Труда.

К ней-то после неудачного доклада в прокуратуре и направился Громов, когда вновь приехал в Искру.

— Здравствуйте, Василий Васильевич,— повстречавшись с Громовым в дверях колхозного правления, приветливо сказала Осокина.— Вчера будто прощались, а сегодня — снова к нам. Или полюбился вам здесь кто?

— Здравствуйте, Анна Петровна,— не без смущения ответил Громов.— Вот именно, полюбился...

— Пройдем в кабинет? — вглядываясь в утомленное лицо следователя, спросила Осокина.

— Пройдем.

Они вошли в маленький председательский кабинет. Всюду здесь были разбросаны колосья ржи. Осокина плотно притворила за собой дверь.

— О чем же речь поведем, товарищ Громов?

— А вот о чем, Анна Петровна... Как вы полагаете, куда в «Огородном» тайком сбывали колхозное добро? Кому они его сбывали?

— Да-а...— протянула Осокина.— Вопрос серьезный.

— Не задумывались прежде?

— Мимоходом... Только ответа так и не нашла.

— Скажите, могли они просто на рынке продавать свой товар?

— Нет, на колхозном рынке краденое продавать рискованно.

— Так. Ну, а по городским квартирам?

— По квартирам? Кто же из колхозников стал бы краденое по квартирам разносить?

— Так... Выходит, Анна Петровна, есть и еще кто-то, замешанный в этом деле?

— Выходит, что есть, товарищ Громов.

— Кто же?

— Правду сказать, не вижу, кто бы это мог быть.

— И я не вижу.— Громов постучал папиросой по столу и закурил.— А ведь есть кто-то!.. Вот что, Анна Петровна, расскажите-ка мне по порядку всю вашу колхозную бухгалтерию. Хочу учиться на председателя...

29

На карте Северного Урала Ключевский район ничем особенно не выделялся, хотя его леса и поля могли бы свободно разместить на себе иное европейское государство.

Тайга и оборудованные по последнему слову техники промышленные предприятия, земли, богатые хлебами, строевым лесом, травами, а еще больше того — калийными солями и многими, многими полезными ископаемыми,— таков был Ключевский район — один из сотен районов нашей родины.

И, хотя его руководители носили негромкое звание — районных работников и не притязали на высокие чины, им — этим скромным деятелям районного масштаба — приходилось думать и работать с таким размахом, знать так много, сочетать в себе столько самых различных качеств больших руководителей, что районные их масштабы и впрямь становились государственными.

Секретарь Ключевского райкома партии Андрей Ильич Рощин, потомственный лесоруб и инженер-механик по образованию, был одним из таких районных деятелей государственного масштаба. В поле его зрения ежедневно и ежечасно входило множество самых различных, иной раз как будто бы и не согласующихся между собой дел. Его заботили и производство удобрений на Ключевском комбинате, и прокладка новой таежной дороги, и сплав молевой древесины, и городское строительство, и успеваемость школьников.

Всего несколько месяцев назад он был директором Ключевского леспромхоза. Это обширное лесное хозяйство давало стране до полумиллиона кубометров древесины в год. Фронт работ леспромхоза простирался на огромное пространство тайги, но вряд ли можно было указать Рощину хоть на самый отдаленный таежный участок, который бы он не знал. Дело не малое, что и говорить.

Теперь же, став секретарем райкома, Рощин получил на руки дело в десять раз большее. И не числом леспромхозов и комбинатов было оно велико. Знать людей своего района, их нужды, их чаяния, знать, кому и какую работу следует поручить и с кого как можно спрашивать,— вот что было сейчас основным в работе опытного хозяйственника, но молодого партийного руководителя.

Никогда столько не ездил он по своему району, как теперь, став секретарем райкома, никогда не встречался с таким числом людей, не решал стольких самых различных вопросов, как в эти дни.

И все, что делал теперь Рощин, даже тогда, когда решал чисто практические задачи, было новым для него, хотя, казалось бы, ему ли не знать свой родной край!

— Переучиваюсь на партийный лад,— шутил Андрей Ильич, встречая недоуменные взгляды товарищей, которые не могли взять в толк, почему это вдруг переставал он порой соглашаться с самыми простыми хозяйственными их соображениями.— Да, переучиваюсь думать и глядеть не со своей лишь леспромхозовской колокольни, а пошире — в интересах всего района. По-новому глядишь, по-новому и видишь.

И Рощин не уставал присматриваться ко всему, прежде казавшемуся таким понятным в жизни района, не уставал учиться партийной зоркости в работе.

Разъезжая по району, он нередко встречался теперь с Трофимовым. Встречи эти чаще всего были короткими. Случалось, что секретарь райкома и прокурор, съехавшись где-нибудь на дороге или у переправы, успевали обменяться друг с другом лишь

несколькими фразами и ехали дальше, спеша по своим делам.

Но как бы коротки ни были эти встречи, Трофимов всегда отмечал для себя одну их примечательную особенность: даже в двух-трех, сказанных словно мимоходом, фразах Рощин умел дать ему полезный совет, умел, не навязывая собственных выводов, направить прокурора на то, что считал заслуживающим его прокурорского внимания.

Так, именно по совету Рощина, объехал Трофимов вместе с Бражниковым несколько лесных участков, где были замечены случаи порубки молодняка. Так, по указанию Рощина, провел он расследование грубых нарушений Устава сельскохозяйственной артели в животноводческом колхозе.

Да вот и на этот раз, направляясь вместе с Бражниковым в село Искра и уже почти доехав до переправы через Вишеру, Трофимов велел шоферу свернуть к сплавному рейду, дорога на который уводила их в сторону от села.

— Нам же на паром, Сергей Прохорович,— удивленно глянул на Трофимова Бражников.

— Сперва побываем на рейде. Я разговаривал с Рощиным по телефону. Он там сейчас и просил нас приехать, побывать на пятом участке. Что-то у них с охраной труда неблагополучно.

— Да вот и он сам тут как тут,— сказал шофер, указывая рукой на Рощина, стоявшего на палубе буксирного катера.

Катер, судя по тарахтению мотора, вот-вот должен был отвалить от причала.

— Здравствуйте, товарищи! А ну, давайте скорее сюда! — заметив Трофимова и Бражникова, помахал рукой Рощин.— Вот это, что называется, приехали в самый раз! Подвезу вас на пятый участок. Познакомимся там с актами инспектора труда да потолкуем с народом.

— Хорошо, Андрей Ильич,— сказал Трофимов, подходя вместе с Бражниковым к катеру.— Но ведь на пятый участок можно добраться и на машине.

— Залезайте, залезайте, тут для вас у меня еще

одно дело припасено,— усмехнулся Рощин, помогая Трофимову взобраться на палубу.— А мы вот испытываем этот катерок после ремонта. Отчаливай! — крикнул он в переговорную трубку и обернулся к штурвальному: — Попробуем, Константин, по мелководью к пятому участку пройти.

— Есть по мелководью,— глуховатым, показавшимся знакомым Трофимову голосом отозвался штурвальный из своей будки, и катер плавно отвалил от берега.

— Сергей Прохорович,— тихонько потянул Трофимова за рукав Бражников.— А знаете, кто на этом катере штурвальным?

— Ну?

— Костя Лукин — вот кто.

— Он? — Трофимов вопросительно глянул на Рощина.

— Он, он,— кивнул тот.— Сам попросился, чтобы его поближе к отцу перевели. Вот теперь они вместе и работают: отец плоты формирует, а сын катеры водит. Глядишь, ему и полегче стало.

— Переживает? — шепотом спросил Бражников.

— А ты как думал? Да и худо было бы, если бы не переживал. Ведь суд — только начало его выздоровления. Большое дело признать свою вину, а еще больше — заслужить себе прощение. Верно я говорю, Сергей Прохорович?

— Да, это так, Андрей Ильич,— отозвался Трофимов.— Здравствуй, Константин! — вдруг громко окликнул он Лукина.— Не узнаешь?

Лукин оглянулся. Трофимов подошел к нему и, не сводя с него глаз, протянул руку.

— Мы ведь так и не поговорили с тобой после суда.

— Здравствуйте, товарищ Трофимов,— тихо произнес Лукин и тоже прямо посмотрел в глаза Трофимову.

Был Лукин высок и строен. Его большие сильные руки спокойно лежали на сгибе штурвала.

— Вот ты какой! — невольно любуясь им, сказал Трофимов.— А на суде — помнишь? — сутулый да понурый стоял. Выпрямляешься, значит?

— Выпрямляюсь,— сдержанно улыбнулся Лукин.

— Да, а я ждал тебя,— снова сказал Трофимов.— Был даже уверен, что ты придешь и мы поговорим с тобой по душам, подумаем, как жить тебе дальше... Но ты не пришел. Почему? Обиделся?

— Нет,— решительно качнул головой Лукин.

— Хорошо, коли так. За правду не обижаются.

— Нет, я не обиделся,— повторил Лукин.

— Так почему же не пришел ко мне? Или для тебя все уже ясно да просто стало?

Рощин и Бражников, слышавшие весь этот разговор, подошли к штурвальной будке.

— Давай-ка поштурвалю за тебя,— сказал Рощин и встал на место Лукина.— Что ж, Константин, вопрос тебе задали серьезный. Надо отвечать.

Но Лукин мешкал с ответом. Он молча поздоровался с Бражниковым и, лишь встретившись с выжидающим взглядом Рощина, хмурясь, с трудом произнес несколько отрывистых слов:

— Я не знаю... Стыдно было...

— Стыдно!.. Ко мне же ты пришел за советом, как дальше жить, пришел — не постеснялся.

— Так ведь вы — секретарь райкома, Андрей Ильич...

— Ну и что же, что секретарь райкома? Помог-то тебе за ум взяться прокурор. Или ты и впрямь обиделся на него?

— Нет, не было этого! — с болью в голосе сказал Лукин.— Но ведь тяжело мне, Андрей Ильич, тяжело! Поймите!

— Понимаю, Константин. Понимаю...— Рощин снял руки со штурвала.— Ладно, штурваль,— сказал он Лукину.

Рощин и Трофимов отошли к корме.

Лукин, чуть выждав, когда они отойдут подальше, порывисто наклонился к Бражникову.

— Ты вот что, Петя, ты Таню видел, как сюда вам ехать? — прерывающимся шепотом спросил он.

— Видел.

— Ну, что она? Говорила что-нибудь? Может, передать велела?..— Лукин жадно вглядывался в лицо

Бражникова, но, видно, поняв тщетность своей надежды, вдруг гордо и отчужденно вскинул голову.— Ты не подумай! Я это так — между прочим спрашиваю.

— Я и не думаю,— беспечно улыбнулся Бражников.— Но очень даже может быть, что Татьяна и передала бы тебе привет, знай она, куда мы едем.

— И верно! — просиял Лукин.— Ведь она же не знала...

— Да и я не знал,— чистосердечно признался Бражников.— Нам к переправе надо и вдруг на тебе— свернули сюда.

— Ясно! — снова помрачнев, сказал Лукин.— Так передала бы, говоришь?..— Он пригнулся к штурвалу, выправляя ход катера.— Нет, брат, привета мне от нее не дождаться... Полный вперед! — крикнул он мотористу.

Катер ходко шел серединой узкой и извилистой реки, по берегам которой, сходясь над ней своими вершинами, недвижно стояли огромные сосны и кедры. Их вершины были так густы и так переплелись между собой, что лучи солнца с трудом проникали через эту чащобу и на реке царил полумрак.

Рощин и Трофимов, стоя на корме катера, молча всматривались в проплывающие мимо них берега. Бурые, испещренные глубокими бороздами стволы деревьев сплошным частоколом тянулись по обе стороны от них, и казалось, стоило лишь протянуть руку, чтобы коснуться нависших над водой ветвей. В лесу было тихо, безветрено. Видно, даже ветер не мог проникнуть сюда — к воде, не мог поколебать вековые стволы. Он хозяйничал наверху — в вершинах.

— Да, трудно ему,— первым нарушил молчание Рощин.— Что и говорить, трудно.

— Знаете, Андрей Ильич,— сказал Трофимов.— Хорошо бы вам при случае с Татьяной поговорить — не верю я, что у них навсегда это. Не верю!

— А я как раз хотел вас об этом же самом попросить,— улыбнулся Рощин.— Думаю, что вы бы смогли их помирить.

— Я?

— А кто же? Ведь вы уже и так во многом им помогли.

— Да, помог! — усмехнулся Трофимов.— Но далеко не всегда такая вот прокурорская помощь легко принимается. Ведь за советом-то Лукин пришел не ко мне, а к вам.

— Э, дорогой мой! — рассмеялся Рощин.— А вы, я смотрю, самолюбивый. Выходит, вас не на шутку задело, что Лукин пришел ко мне, а не к вам? Ведь задело, так?

— Задело,— сказал Трофимов.— Даже очень задело. А знаете, почему?

— Ну?

— Ведь я был твердо убежден, что Лукин придет ко мне. Придет за советом, за помощью. Разве все уже ясно для него, разве так уж легко ему было преодолеть в себе глушаевскую накипь? Да, он должен был прийти ко мне, должен, а не пришел.

— Сдается мне, Сергей Прохорович,— в раздумье сказал Рощин,— что Константин уже на верном пути, и важно не дать ему теперь с него сбиться.— Рощин, привлеченный доносившимся из леса шумом, оживившись, глянул на Трофимова.— Шестой участок проходим,— сказал он.— Васильевский. Слыхали? Бригада Афанасия Васильева третий год держит первое место по области.

— Как же, слыхал,— смеясь отозвался Трофимов.— А парень-то какой этот Васильев! Ну просто золото! В работе — первый, плясать пойдет — первый, петь начнет — заслушаешься.

— Верно, верно,— согласился Рощин.— Да вы что же, знакомы с ним?

— Нет, не знаком.

— А расхваливаете, точно вы старые приятели.

— Так ведь с ваших же слов, Андрей Ильич.

— Да ну? — смущенно улыбнулся Рощин.— А я и забыл.— Он пододвинулся к Трофимову и вдруг негромко, задушевно сказал: — Я, как в свой лес попаду, Сергей Прохорович, так словно лет двадцать с плеч долой.

— А скажите, Андрей Ильич,— тая улыбку в угол-

ках губ, спросил Трофимов.— Руку на сердце положа, скажите,— есть ли еще на свете краше места, чем на Северном Урале?

— Как патриот своего края, Сергей Прохорович, прямо скажу — нет, нету.

— Ну, а объективно, Андрей Ильич?

— А если объективно,— серьезно поглядел на Трофимова Рощин,— то честно должен признать, что... объективно ответить на ваш вопрос я не смогу.

— Одним словом — любовь,— сказал Трофимов.— А любовь, как известно, объективной мерки не имеет, так?

— Пожалуй, что так,— согласился Рощин.— Слышите — гудит? — протянул он руку в сторону леса.— Тонко, тонко, точно струна натянутая?

— Слышу... Что это?

— Электропила большой ствол обрабатывает. Ведь этакую-то махину,— Рощин кивнул на росшую у самого берега огромную сосну,— с одного маха не одолеешь. Вот вальщик-моторист и приноравливается.— Рощин согнул руки в локтях и повел плечами, будто в руках его была электропила.— Сначала даешь в лоб,— пояснил он.— Потом делаешь угол да слушаешь, как идет, не затирает ли, не бьет ли сучком. Ясно? Для вальщиков слух — первый помощник.

— Да много ли услышишь под вой пилы? — усомнился Трофимов.

— Вой! Вой! — с досадой сказал Рощин.— Для кого вой, а для вальщика — разговор. Вот он из этого разговора все, что ему нужно, и узнает. Правильно ведешь пилу — один звук, сбился — другой. Завалил — третий. Рука дрогнула — четвертый. Да вы послушайте, послушайте... Вон их сколько, разговоров-то этих.

И верно, в тихом за минуту до этого лесу, звучали сейчас то близкие, то далекие, то протяжные, то отрывистые голоса машин. Их было много, этих голосов, и все они звучали на свой лад, но что-то единое и стройное послышалось Трофимову в их могучем гуле. Свободно пустив свои машины — лебедки, пилы, трелевочные тракторы, люди все же подчинялись единому для всех ритму, точно следовали движениям незримого

дирижера, который вел и вел вперед эту чудесную на слух рабочего человека мелодию спорого и слаженного до мелочей труда.

Видно, угадав в недоуменном взгляде Трофимова безмолвный вопрос, Рощин коротко пояснил:

— Поток.— И, помолчав, добавил: — Поточная бригада Афанасия Васильева называется так потому, что сваленный лес, а по-нашему — хлысты, поступает отсюда на рейд потоком, без задержки, словно идет не по волоку, не по земле, а рекой. Есть и еще одно название у этой бригады: комплексная. Это за то, что она выполняет на своем участке все работы, начиная от валки и кончая укладкой сортиментов в штабели и маркировкой. Вот и получается поточно-комплексная бригада. Ясно?

— Ясно,— кивнул Трофимов.

— Да, теперь-то ясно,— прислушиваясь к разноголосому гулу машин, сказал Рощин.— Чего уж проще: поточно-комплексная. А сколько нам ради этой простоты потрудиться пришлось — и не расскажешь. Подчинить огромный участок единому плану, связать усилия сотен людей и десятков машин, да так, чтобы нигде ничто не оборвалось, не спуталось — вот это работа! — Рощин неожиданно обернулся к Лукину: — А ну-ка, Константин, посигналь!

— Есть посигналить! — отозвался Лукин. Он нагнулся к переговорной трубке: — Миша, посигналь!

— Есть! — высунул голову из люка машинного отделения моторист, и его перепачканное мазутом лицо расцвело юной белозубой улыбкой.

«Ту-ту! Ту-ту-ту-ту-ту-ту!» — прорезал воздух тугой и высокий сигнал сирены.

«Ту-ту! Ту-ту-ту-ту-ту-ту!» — подхватило и, как подпрыгивающий мяч, погнало перед собой этот звук лесное эхо.

И вдруг, словно по отданной кем-то команде, лес громыхнул в ответ десятками гудков и сирен.

— Это у нас сигнализация такая, переговариваемся, как по телеграфу, чтобы собрать командиров участка на диспетчерский пункт,— пояснил Рощин.— Пока подъедем — они и соберутся.

Неожиданно, сделав крутой разворот, катер вынырнул из-под свода деревьев и, четко постукивая мотором, заскользил по широкому, залитому солнцем зеркалу Вишеры.

— Пятый участок,— сказал Рощин, указывая Трофимову на тянувшиеся по воде узенькие из спаренных бревен переходы, которые, подобно гигантской сетке, лежали на реке от берега до берега.— Здесь мы и сойдем.

30

Самолет шел на посадку. Под резко накренившимся крылом замелькали верхушки сосен. Казалось, еще мгновение — и самолет коснется их колесами.

Сняв мешавшую ему шляпу, Швецов прильнул к окну.

От белого здания Ключевского аэропорта по дорожке, ведущей к посадочной площадке, бежали люди.

Мысль о том, что через несколько минут он увидит кого-нибудь из своих сослуживцев, обрадовала Швецова, как радовало его все, что так или иначе было связано с комбинатом.

Каждый раз, когда ему приходилось надолго отрываться от привычной работы, он начинал тосковать. Но вот он снова у себя. Его ждут сотни неотложных дел и многое, многое из того, что составляет для каждого личное понятие — «у себя».

Москва утомила, встревожила Швецова. Он был недоволен поездкой. Со смутной тревогой вспомнил он свой разговор с заместителем министра и напутственные слова, которые тот сказал ему, прощаясь: «Реальность нашей программы — это живые люди...» Ох, как всем нам следует помнить эти слова товарища Сталина!..»

«Мне ли их не помнить?» — подумал Швецов и, точно продолжая разговор с заместителем министра, стал припоминать все, что выполнил и собирался выполнить для многотысячного коллектива работников комбината.

Перед ним возникла длинная вереница больших и

малых дел, из которых состоит повседневная работа директора. Все было учтено. Все перед глазами. Швецов даже сейчас, в самолете, мог до мельчайших деталей представить себе огромное хозяйство комбината, слагавшееся из шахт, заводов, лабораторий.

Знать все, что касалось своего предприятия, было обязанностью директора, но знать все это так, как знал Швецов, было искусством. И он гордился этим особым директорским искусством, которое далось ему далеко не сразу.

Самолет взревел моторами и остановился. Швецов так задумался, что не заметил, как произошла посадка. Он встал и пошел к выходу. Первым, кого он увидел, ступив на землю, был Глушаев.

«Что с ним?» — удивился Швецов, всматриваясь в его непривычно серьезное, встревоженное лицо.

— Здравствуйте, Леонид Петрович! Как долетели? Не укачало? — подхватив швецовский чемодан, допытывался Глушаев.

Голос его показался Швецову напряженным, движения чересчур суетливыми.

— Что-нибудь случилось? — чувствуя, как тревога Глушаева передается и ему, спросил Швецов.

— Ничего, ровным счетом ничего, Леонид Петрович,— попытался улыбнуться Глушаев.

— Так. А почему именно вы приехали меня встречать?

— Ну как же, Леонид Петрович,— снова изобразил на лице улыбку Глушаев.— Ведь в Москве решались мои вопросы.

— Да вы уж не улыбайтесь, если не хочется,— с неожиданным раздражением сказал Швецов.

Они сели в машину.

— Здравствуйте, Леонид Петрович! — радостно приветствовал Швецова шофер.— С ветерком?

Это «с ветерком» повторялось каждое утро. Швецов любил быструю езду. Жители города и поселка давно уже привыкли к бешено мчащемуся автомобилю директора комбината.

— С ветерком,— откидываясь на спинку сиденья, сказал Швецов.

Машина рванулась и понеслась по шоссе к городу.

— Так что́ же все-таки случилось, Григорий Маркелович? — спросил Швецов.— Как идет стройка новых домов?

— На третьем участке все по плану.

— А на четвертом?

— Там еще не начинали.

— Не начинали? — строго глянул на Глушаева Швецов.

— Секретарь райкома создал комиссию, кстати, там и Марина Николаевна была, и комиссия этот участок забраковала. Сырой, видите ли...

— Почему мне об этом не телеграфировали?

— Не хотелось вас беспокоить, Леонид Петрович.

— Напрасно!

— Кстати, как в Москве решили с осушкой болота? — спросил Глушаев.

— Будем сушить.

Глушаев радостно потер руки:

— Ну вот, я же говорил! Вам, да не разрешат! А планы жилищного строительства утвердили?

— После, после об этом,— нахмурился Швецов.— Скажите лучше, почему вы такой кислый?

Глушаев пожал плечами.

— Я?.. Пустое... маленькая неприятность... Тут, кстати, новый прокурор у нас появился...

— Трофимов?

— Вы его знаете? Кстати, он что-то зачастил к нам на комбинат...

Швецов резким движением повернул голову и в упор посмотрел на Глушаева.

— И что же из этого следует?

— Нет, я просто так заметил... Неуживчивый, очень неуживчивый прокурор!

— Какое вам дело, уживчив он или не уживчив?

— Мне? Никакого!

— Пусть о прокурорах думают те, у кого совесть нечиста. Надеюсь, ничего без меня вы тут не натворили?

— Что вы, что вы, Леонид Петрович! — усмехнулся Глушаев.— Я ведь, кстати сказать, всего лишь строитель... Делаю, что прикажут...

— Послушайте, Григорий Маркелович! — резко сказал Швецов.— Это, кажется, пятое «кстати» за наш минутный разговор.

— И все пять некстати? — невесело пошутил Глушаев.

— Вот именно. Впрочем, если уж вы настаиваете на этом слове, то скажите, кстати, выполнили вы мой приказ об озеленении пустыря перед детским садом или нет?

— Не выполнил, Леонид Петрович.

— Не выполнили? Я же дал Марине Николаевне слово!

— Виноват, Леонид Петрович. Тут такое творилось... Завтра же дам указание приступить к работе.

— Черт знает что! — сердито сказал Швецов.— Выходит, на вас нельзя положиться даже в мелочах! — Он привстал и, видя, что шофер сворачивает в сторону города, тронул его за плечо: — Сначала на комбинат!

— Есть на комбинат! — выворачивая руль, отозвался шофер.

Швецов откинулся на спинку сиденья и, опустив стекло, стал сосредоточенно смотреть на дорогу.

Комбинат, разбросанный на огромной территории в несколько километров, медленно разворачивался перед ним.

«Да, вот я и у себя»,— подумал Швецов, всматриваясь в знакомые очертания всех этих сотен больших и малых строений, связанных между собой единой трудовой целью,— будь то крошечная диспетчерская будка, притулившаяся у стрелок комбинатской железной дороги, или огромные корпуса обогатительной фабрики, или эта вот похожая издали на загородный особняк и уютно поблескивающая своими зеркальными окнами научно-исследовательская лаборатория.

— Снова у себя,— вслух негромко повторил Швецов.

— Вы о чем? — встрепенулся Глушаев, вопросительно глядя на Швецова. Но тот, задумавшись, ничего ему не ответил.

Смутная, непонятная тревога, которая нет-нет да и возникала в Швецове с памятного ему прощального разговора с заместителем министра, снова и еще сильнее, чем прежде, овладела им сейчас. Странно, но встреча с Глушаевым и то, что он говорил ему, уснащая свой рассказ этими некстати вставленными «кстати», не на шутку встревожили Швецова.

Казалось бы, что в огромном хозяйстве комбината есть дела куда поважнее, чем застройка поселкового участка или — а уж об этом и говорить нечего — озеленение пустыря перед детским садом. Взять хотя бы работу одной только шестой шахты и не всей даже шахты, а ее новых камер, в которых совсем недавно были установлены мощные комбайны. Трудно было даже сравнивать объем и сложность этих шахтных работ с тем, что тревожило сейчас Швецова, и он, подумав об этом, попытался сосредоточить свои мысли на главном для него: на шестой шахте.

— Как на шестой? — спросил он у Глушаева.

— Где? — не понял тот вопроса.

— На шестой шахте! — раздраженно сказал Швецов.— Как с добычей? Или начальнику жилищного строительства об этом знать не положено?

— Отчего же,— смущенно потер ладонью лоб Глушаев.— Я слышал, что на шестерке дело спорится.

— Спорится! — усмехнулся Швецов.— Точнее и не скажешь!

— Можно и точнее, Леонид Петрович,— оглянулся шофер.— Вчера шестая дала сто двадцать процентов, а сегодня в первой смене сто сорок на-гора́ выдали.

— Сто сорок,— удовлетворенно кивнул Швецов.— Да, пожалуй, что и спорится. Вези-ка, Андрианыч, меня прямо на шестую.

— Есть прямо на шестую! — весело отозвался шофер.

— Кстати, Андрианыч,— с улыбкой обратился Швецов к шоферу: — А как у нас с жилищным строительством дело обстоит — спорится?

— В процентах так вроде и спорится, Леонид Петрович,— украдкой глянул на Глушаева шофер.— А вот на деле — не сказал бы...

— Так, — нахмурился Швецов. — Ну, ничего, разберемся.

31

Швецов и Глушаев вошли в небольшой белый домик, стоявший неподалеку от копра, в котором помещалась шахтная раздевалка и душевая. Здесь было сейчас безлюдно и тихо. Лишь изредка проникал сюда, идущий из далекой глубины шахты, то стихавший, то нараставший гул. Это двигалась по шахтному стволу клеть. Где-то далеко-далеко перекликались между собой сигнальные звонки.

— Клеть пошла наверх,— сказал Швецов Глушаеву и обернулся к старичку-коптеру, торопливо шедшему им навстречу.— Здравствуй, Федор Пантелеевич. Когда это ты успел на шестую перебраться?

— Здравствуй, здравствуй, Леонид Петрович,— приветливо кивая головой, сказал старик.— Когда на шестую-то перебрался? А как новые машины в нее спустили, так и перебрался. Я, слышь, старик любопытный. Дай, думаю, на старости лет поближе к новой технике присмотрюсь. Вот и упросил Ларионова, чтобы сюда поставили.— Старик озабоченно глянул вокруг и, довольный своим осмотром, ревниво спросил: — Али порядка у меня тут нет? Замечания какие имеете?

— Замечаний не будет,— сказал Швецов.— Все в порядке, Федор Пантелеевич.

— То-то! — самодовольно ухмыльнулся старик и вдруг, схватив Швецова за рукав пиджака, смущенно и тихо попросил: — Мне бы, Леонид Петрович, хоть разок вниз бы спуститься, а? Всех провожаю, а сам не могу. Правда, ребята рассказывают, как там у них дела идут, а все же посмотреть-то своими глазами куда как лучше. Уж уважьте старика, дозвольте хоть глазком одним глянуть на те, на новые машины.

— Вот так так! — искренне удивился Швецов.—

Человек специально на шестую шахту перешел, чтобы поближе к новым комбайнам быть, а в работе их еще не видел.

— Не видел, не видел,— печально сказал старик.— Я сунулся было с просьбой своей к сменному, а он только рукой махнул: некогда, мол, экскурсии мне в шахту водить. Это я-то — экскурсия! — старик возмущенно прихлопнул себя ладонями по коленям.— Да я на комбинате-то с первых дней, с первой лопатки работать начал. Я в лучших забойщиках почитай двадцать лет ходил.— Федор Пантелеевич попытался было разогнуть свою согнутую временем спину, но не смог и, охнув, ухватился рукой за поясницу.— Эх, да что там вспоминать! — переведя дух, уныло сказал он.— И верно, куда мне, старому, в шахту! Раздевалкой заведовать, и то сын запрещает. Обижается: мало тебе, что ли, моего заработка, мало пенсии — чего дома не сидится? — Старик виновато глянул на Швецова.— Ты уж прости меня, Петрович, за разговоры мои. Тебе, небось, костюм да сапоги нужны, а я болтать начал. Я — мигом! — Он заспешил к дверям раздевалки.— Вам два, что ли?

— Два, два неси,— сказал Швецов и, когда старик вернулся, неся в руках ворох брезентовых курток, штанов и резиновых с высокими голенищами сапог, как бы о совсем обычном деле, добавил: — Ну, вот что, передай ключ от раздевалки уборщице, а сам одевайся — и со мною вниз. Ясно?

— Как? — опешил старик. — Мне с тобой в шахту?

— Ну да, — рассмеялся Швецов. — На экскурсию.

— Так я же мигом! — запинаясь от радостного волнения, крикнул старик и опрометью бросился к раздевалке.— Эй, Нюшка! — послышался его оживленный голос.— Принимай ключи! Да смотри у меня, чтобы в аккурате было! А я — в шахту. Чего глаза вылупила? В шахту, говорю. Вместе с товарищем Швецовым, ясно?

— А мне разрешите итти? — спросил Швецова Глушаев.

— Идите, но будьте где-нибудь поблизости. После шахты я поеду с вами на строительство домов.

— Да вы бы хоть отдохнули с дороги, Леонид Петрович, — участливо сказал Глушаев, тревожно вглядываясь в его нахмуренное лицо.

— Ничего, ничего, — сухо отозвался Швецов. — Я не устал.

В шахту Швецов и Федор Пантелеевич спускались молча. Клеть, подрагивая и гудя, с огромной скоростью проносилась мимо сигнальных ламп и цифровых отметин глубины, мимо зарешеченных выходов в горизонты и бесконечного сплетения забранных в трубы проводов.

Спуск в шахту всегда захватывал Швецова своей стремительностью и тем волнующим ощущением легкости, которое неизменно приходило к нему в эти короткие секунды спуска-полета.

С удовольствием вдыхая в себя пресновато-горький, сухой воздух шахты, Швецов подтолкнул под локоть притихшего старика и, ничего не говоря, показал лишь глазами на промелькнувшую за решеткой цифру пройденной глубины.

Оглушенный и спуском и внезапной радостью оттого, что снова попал в шахту, старик только удивленно ахнул.

— Да, глубина солидная,— сказал Швецов.— Ну, что, Федор Пантелеевич, рад?

— А как же, — шепотом откликнулся старик. — Вот слушаю, что шахта говорит...

Он стоял, широко, по-шахтерски, расставив ноги, чуть склонив голову к плечу, и чутко вслушивался в несшиеся со дна ствола навстречу клети разноголосые звуки.

— Подходим! — вдруг возбужденно крикнул он.

Внезапно яркий свет ворвался в клеть. Громко зазвонили сигнальные звонки, и клеть остановилась.

Пока Швецов выслушивал рапорт сменного инженера и диспетчера, старик двинулся в глубину основного откатного штрека, а иначе — квершлага, такого

широкого и с такими высокими сводами, что у ствола он походил скорее на зал, чем на штрек.

Весь квершлаг был залит ярким электрическим светом, и его высокие стены и потолок из пластов сильвинита и карналлита переливались на свету красными, белыми и синеватыми огнями.

— Ты смотри, ты смотри! — вслух выражал свое удивление Федор Пантелеевич. — Ты смотри, какую они тут залу отгрохали! Батюшки мои! Да что же это? По прежним временам тут площадке небольшой быть, а теперь!..

И он все шел и шел вперед, спотыкаясь о рельсы, шарахаясь в сторону от проносившихся мимо электровозов, восторженно замирая перед входами в штреки, которые, как огромные лучи, проникали в глубину шахты яркими рядами ламп.

— Вот это шахта! — вернувшись наконец к Швецову, сказал старик.— Я такой и во сне не видывал!

— Сейчас поедем к комбайну,— поднял руку Швецов, останавливая проезжавший мимо электровоз с порожними вагонетками. — Здравствуй, Кузнецов, — обратился он к машинисту.— Подвезешь?

— Здравствуйте, Леонид Петрович, — приветственно приподняв свою фибровую шахтерскую шляпу и залихватски посадив ее на затылок, сказал Кузнецов.— Кого-кого, а уж вас в первую очередь подвезу.

— Еще бы! — усмехнулся Швецов.— Я ведь не один, а с отцом твоим еду.

— С кем? — удивленно переспросил машинист и, не веря своим глазам, уставился на приосанившегося и ставшего как будто даже выше ростом в шахтерском костюме Федора Пантелеевича. — Отец?

— Я. Что кричишь-то? Ведь еще утром с тобой виделись,— важно кивнул сыну старик.

— Да как же ты сюда попал?

— Как, как! — рассердился Федор Пантелеевич.— Взял да вот с директором комбината и спустился. Оно ведь известно,— насмешливо покосился он на подошедшего сменного инженера, молодого человека в щеголеватой замшевой куртке на молнии,— чем человек повыше да постарше, тем с ним нашему брату — старику

и разговаривать легче. Ну, дай руку-то! Помоги отцу! — властно приказал он сыну, подходя к электровозу.— Поехали!

Всю дорогу от ствола до камер, где были установлены новые комбайны, Федор Пантелеевич не уставал удивляться и по-хозяйски придирчиво расспрашивать сына обо всем, что привлекало его внимание.

— Да ты хуже всякой комиссии,— взмолился наконец сын.— Будет тебе выспрашивать-то. Или ты сюда спустился шахту принимать?

— А что же ты думаешь? — серьезно ответил старик.— За тем и спустился. Принимаю. Смотрю, как вы — молодежь — наше дело продолжаете.

— И что скажете, Федор Пантелеевич? — нагибаясь к нему и тоже храня на лице серьезное выражение, спросил Швецов. — Али порядка у меня тут нет? Замечания какие имеете?

— Замечаний не будет! — смущенно кашлянув, тихо сказал старик.— Все в порядке, Леонид Петрович...

Электровоз въехал в узкий, с нависшими сводами штрек, и в воздухе потянуло сладковатым запахом, который шел сюда из дальних выработок, где, видно, совсем недавно рвали динамитом калийную соль.

Федор Пантелеевич принюхался и, указывая Швецову на не потускневшие еще в срезах бревна креплений, озабоченно спросил:

— А как крепь-то, сдюжит? Рвете-то, видать, совсем близко.

— Рвем так, чтобы сдюжила,— ответил ему за Швецова сын.— Ты, отец, не сомневайся. У нас здесь все по науке.

— Так-то оно так, а только в шахтерском деле на одной науке не выстоишь, — ворчливо заметил старик. — Тут, Саша, еще и чутье нужно. Нюх! Понял?

— Как не понять,— передразнивая отца, принюхался к воздуху сын и вдруг, посерьезнев, глянул на ручные часы.— А ведь мне поспешать надо, товарищ Швецов,— сказал он и стал набавлять скорость.— Мы сейчас на четырех составах карналлит от комбайна берем. Только поспевай!

— Укладываетесь? — спросил Швецов.

— Все бы хорошо, Леонид Петрович, да вот на съездах иногда простаивать приходится. Не проскочил и стоишь, как у парома — ждешь, когда другой проедет.

— А почему так получается? — насторожился Швецов.

— По-разному мы составы водим — вот почему.

— А ты бы не спешил, не забегал вперед других,— рассудительно заметил Федор Пантелеевич.— Тебе завсегда первым надо быть.

— Нет, это не совет, Федор Пантелеевич,— сказал Швецов.— Правильно делает, что спешит. Надо только, чтобы и график движения за такими, как ваш сын, поспешал. Верно, Александр?

— Вот-вот! — обрадовался Кузнецов.— Все дело в графике. На второй шахте даже регулировщиков в штреках поставили, а у нас...

— Будут и здесь,— сказал Швецов.— Диспетчер уже докладывал мне об этом. Но новые комбайны каждый день вносят свои коррективы в план добычи. Значит, надо нам ставить дело с транспортом так, чтобы лишняя сотня тонн в смену не путала нам всякий раз весь наш график.

— Как же придумать такой гибкий график, Леонид Петрович? — призадумался Кузнецов.— Ведь шутка сказать — сотня тонн!

— Придумаем. Регулировка движения по штрекам — уже шаг вперед. Ну, а если перепланировать кое-какие маршруты да проложить новые пути, как думаешь, поможет это нам или нет?

— Еще бы! — оживился Кузнецов.— Мы тут с ребятами прикинули. Если, к примеру, по пятому штреку только порожняк гонять, а по третьему — вывозить, то одно это большой выигрыш во времени даст.

— В том-то и дело, — сказал Швецов. — После смены приходите ко мне со своими предложениями — потолкуем.

Электровоз шел сейчас по штреку, в глубине которого, все нарастая, стоял несмолкаемый мощный гул работающей машины.

— Что это? — прислушался Федор Пантелеевич.— На врубовку вроде не похоже.

— А это и не врубовка,— сказал Швецов.— Это новый комбайн трудится, Федор Пантелеевич.

В камере, где был установлен комбайн, ослепительно горели два небольших прожектора. Их упругие, точно спрессованные, лучи били в глубину пластов и, казалось, намечали своими прямыми огненными стрелами путь для стальной громады, содрогавшейся всем своим длинным, вытянутым телом. Машина вгрызалась в пласты прозрачно-золотого на свету карналлита и с веселым неистовством дробила и резала его лопастями-ножами, отваливая глыбу за глыбой на ленту транспортера.

Машинист комбайна, ухватившись за рычаги управления, ничего не видя, кроме своей машины, и слыша лишь ее могучий голос, коротко, с азартом что-то выкрикивал находившимся в камере крепильщикам, и те, с полуслова понимая его, быстро и споро ставили свои пахнущие лесом и солнцем сосновые крепы.

Кузнецов вывел состав на погрузку, а Швецов и Федор Пантелеевич пошли в камеру.

Обгоняя Швецова, старик, спотыкаясь о рельсы, подбежал к комбайну и замер, уставившись на его огромные лопасти и на непрерывный поток карналлита, который шел и шел по ленте транспортера, пока не достигал закраин медленно движущихся ему навстречу порожних вагонеток.

В камере все было в движении — комбайн, транспортер, крепильщики, вагонетки. Да и сама стена выработки точно все отступала и отступала перед неумолимой силой машины.

Возле машиниста, неуклюжий и толстый в брезентовом костюме, стоял Оськин. Он первый увидел Швецова и быстро подошел к нему.

— С приездом! — крикнул он. — Как в Москве? Как с осушкой болот? А у нас тут!..— и Оськин горделивым взмахом руки указал Швецову на комбайн.

— Да-да! — тоже стараясь перекричать шум, отозвался Швецов.— Здорово! Как добыча?

— Сто пятьдесят!

— Сколько? — не расслышал Швецов.

— Сто пятьдесят, говорю! — увлекая его за собой и выходя в штрек, сказал Оськин.

Здесь, всего лишь в нескольких метрах от камеры, было сравнительно тихо и можно было разговаривать, не повышая голоса.

— А ведь мне, Леонид Петрович, с вами о многом поговорить надо,— сказал Оськин.— Да и не мне одному.

— Знаю, товарищ Оськин,— озабоченно поглядел на него Швецов.— С чего же начнем — с жилищного строительства?

— С него,— кивнул Оськин.

— Хорошо,— сказал Швецов.— Но прежде я должен разобраться кое в чем сам.

И он снова вошел в встретившую его несмолкаемым гулом камеру.

— Ну, как? — крикнул он, подходя к Федору Пантелеевичу.

— Молодею, Леонид Петрович, право слово, молодею! — расплылся в улыбке старик.— Сашка-то уж уехал! Торопыга! Молодец!

— А как у вас с новым домом? — неожиданно задал старику вопрос Швецов.— Помнится, вы собирались строить новый дом.

— Что? С домом? — мрачнея, переспросил старик.— Намучились мы с ним — дальше некуда. Вот только недавно фундамент осилили.— Старик обиженно пожевал губами и вдруг, лукаво подмигнув Швецову, широко повел вокруг своей сморщенной, сухонькой рукой.— Разве сравнишь? Тут тебе шахта — тут и заботы все и начальство все, а на моем-то участке одни куры соседские гостюют.

Федор Пантелеевич с неожиданным для его лет проворством сорвался с места и, подбежав к споткнувшемуся крепильщику, помог ему удержать бревно.

— Подсоблять надо! — озабоченно крикнул он.

И Швецов так и не понял, о чем подумал сейчас старик,— о бревне ли, которое благополучно встало в гнездо, или же о своем новом доме, в строительстве которого, судя по всему, не очень-то ему подсобляли.

32

Марина и Степан Чуклинов вошли в большую светлую комнату, уставленную детскими кроватками.

— Тише! — сказала Марина.— Ребята спят!

Высокий Чуклинов, в коротеньком, как пиджак, халате, робко остановился в дверях.

— Ну зачем мне сюда ходить, Марина Николаевна? — шепотом взмолился он.— Я же вижу и отсюда. Хорошо. Чисто. Отлично вижу.

— Нет, вы уж за дверь не прячьтесь! — строго сказала Марина. — Идите, ребята вас не съедят.

Чуклинов покорно двинулся за Мариной. Он шел между кроватками, так осторожно переставляя свои большие ноги, что, глядя на него, Марина невольно улыбнулась:

— Тише! Тише!

Чуклинов, балансируя, как канатоходец, все же наткнулся на одну из кроваток.

— Да я уж и не знаю, как тише,— застыв в самой невероятной позе, сказал он.— Ну, говорите, мучительница, что вам от меня надо?

— А вы посмотрите на этих ребят, посмотрите внимательно,— сказала Марина.

— Смотрю. Хорошие ребята.

— А чьи они, чьи эти дети, Степан Егорович?

— Как чьи? Наши дети. Вон тот, что у окна спит, даже знакомый мне. Забойщика Степанова сынок. Как же, Колькой зовут!

— Да, это наши дети,— сказала Марина.— Не комбинатские и не городские, а наши. Почему же вы, товарищ Чуклинов, когда мы шли сюда, упорно утверждали, что горсовету до этого сада нет никакого дела?

— Так ведь сад комбинатский! — пожал плечами Чуклинов.

— Ну вот, опять вы за свое! — возмущенно сказала Марина.— А дети чьи?

— Дети наши...

— Почему же вы отказываетесь озеленить для наших детей этот пустырь? — Марина указала рукой на видневшуюся за окном площадку, заваленную строи-

тельным мусором.— Почему вы не думаете об их здоровье?

— Но ведь детсад принадлежит комбинату, и это должен делать комбинат,— снова попытался возразить Чуклинов.

— А комбинат говорит, что горисполком. Пустырь-то ведь городской.

— Городу пустырь пока не мешает.

— А детям? Весь этот строительный мусор, вся эта грязь им не мешает?

— Согласен, мешает,— раздраженно ответил Чуклинов.— Но...

— Опять «но»! — сказала Марина.— Не кто иной, как ваш отец Егор Романович Чуклинов берется за месяц превратить этот пустырь в фруктовый сад. Будете вы нам помогать или нет?

— Но, Марина Николаевна, комбинат...

— Пусть комбинат вас не волнует. Говорите, будете вы нам помогать или нет?

— Я?

— Нет, не вы, Степан Егорович Чуклинов, а городской совет, председателем которого мы вас избрали.

— Поможем.

— Смотрите, Степан Егорович,— серьезно сказала Марина.— Нам нужна настоящая помощь: транспорт, рабочие, лес для изгороди.

— Дадим, дадим, Марина Николаевна.— Чуклинов уныло махнул рукой.— Что с вами поделаешь?

— Комбинат тоже поможет. Заставим.

— Обязательно надо заставить, Марина Николаевна! — оживился Чуклинов.— Безобразие же — свалка возле детского сада!

— Конечно, безобразие!

— Что они там смотрят, на комбинате?

— И в горисполкоме!

— Верно,— рассмеялся Чуклинов.— И в горисполкоме.

Они вышли из здания детского сада и, перейдя через дорогу, очутились в неглубоком овражке.

— Ваш отец говорит, что здесь можно даже абри-

косы мичуринские посадить.— Марина с шутливым состраданием посмотрела на Чуклинова. Он все еще был в коротеньком белом халате и двигался осторожно, словно и здесь, на пустыре, боялся кого-нибудь разбудить.

— Вы думаете? — все так же шепотом спросил он.— Абрикосы? Он у меня фантазер.

Марина расхохоталась.

— Можете говорить громко. И даже халат можете снять. Здесь вы его только запачкаете.

— А я полагал, что и тут нельзя без халата,— рассмеялся Чуклинов.— Кто вас, врачей, поймет!

За углом послышался протяжный гудок автомобильной сирены. Марина подняла голову. Она узнала этот гудок. Такой певучий гудок был только у одной машины в городе.

«Неужели приехал Швецов? — подумала она и даже удивилась тому спокойствию, с которым подумала об этом.— Да, наверное, он приехал». И завтра, а может быть, еще сегодня она встретится с ним, будет разговаривать, о чем-то спрашивать, что-то отвечать. И все. Прежний Швецов, что однажды взволновал, поразил Марину своим удивительным сходством с тем выдуманным и полюбившимся ей в девичьих мечтах «ее героем», отодвинулся куда-то в сторону.

Настоящий, а не выдуманный Швецов с поразительной ясностью представился ей сейчас. Это был серьезный человек, умный, много повидавший, преемник ее отца. И только... С ним можно было советоваться, с ним не страшно было спорить, он казался теперь простым и доступным. И рядом, почему-то совсем рядом с мыслями о Швецове, в сознании девушки промелькнул образ Трофимова. Они были даже похожи друг на друга. Правда, сходство это было скорее внешним, очень по-разному складывалась их жизнь. Да, это так, но, вспомнив сейчас о Трофимове и сравнив его со Швецовым, Марина с уверенностью подумала, что они под стать друг другу. Марина не спрашивала себя, откуда появилась в ней эта уверенность, да если бы и спросила, то вряд ли смогла бы сейчас ответить на свой вопрос.

Машина въехала на пустырь и остановилась.

— Здравствуйте, Марина Николаевна! — выходя из машины, крикнул Швецов. Он подошел к ней — такой же, как всегда, быстрый, ловкий. Но в морщинках возле глаз, в чуть-чуть нахмуренных бровях его Марина заметила тревогу.

— Здравствуйте, Леонид Петрович. Вот месяц и прошел...

— И ничего не изменилось, так? — указывая рукой на пустырь, спросил Швецов.

— Нет, изменилось,— с вызовом глянула в сторону стоявшего поодаль Глушаева Марина.— Городской совет взялся разбить на месте этого пустыря фруктовый сад.

— Да, вашу работу делать собираемся,— приветствуя Швецова, сказал Чуклинов.— Душевые в молодежном общежитии мы уже отремонтировали. Теперь вот будем пустырь озеленять.

— Спасибо за помощь! — невесело усмехнулся Швецов.— И то сказать, где уж нашему комбинату справиться с ремонтом душевых или с разбивкой клумбы! Силенок маловато! Верно, товарищ Глушаев?

— Закрутился, Леонид Петрович, — попытался улыбнуться Глушаев.— Завтра же все будет сделано.

— Опять чепуха! — внешне сохраняя полное спокойствие и даже весело, сказал Швецов.— Как же вы за один день фруктовый сад разобьете? Чепуха и болтовня!

— Давайте уж сообща, Леонид Петрович,— с лукавым добродушием предложил Чуклинов.— Для вас это дело, может быть, и маленькое, а все же сообща быстрее будет.

— Для меня нет маленьких дел, товарищ Чуклинов,— сухо сказал Швецов.— Но у меня их иногда слишком много, и далеко не все я успеваю проверять сам.

Он повернулся и, направляясь к машине, так грозно посмотрел на Глушаева, что тот лишь развел руками.

33

Вторую неделю ездили Трофимов с Бражниковым по району.

За письмами и делами, поступавшими в прокуратуру, стояли люди, и Трофимов знал теперь этих людей, знал, чем живут они, что их тревожит. Уже не строчками писем и документов, а с глазу на глаз беседовал район с новым прокурором.

К Трофимову шли с жалобами, с предложениями, с проектами.

Надо было обладать особым, «прокурорским» чутьем, чтобы за ничтожным с виду фактом разглядеть серьезное, требующее немедленного вмешательства дело. Или, наоборот, за громкими словами, за кучей доводов суметь увидеть пустую болтовню, разгадать сутяжническую суть обвинения.

Но главное, занимаясь всеми этими делами, надо было неизменно сохранять живой интерес к успехам района, к тому, что, казалось, не было подведомственно надзору прокурора, но ради чего он работал.

Сейчас, по дороге от сплавного рейда к переправе через Вишеру, Трофимову вспомнилась недавняя его встреча с Семеном Гавриловичем Зыряновым — директором строящегося в тайге бумажного комбината, с которым он познакомился у Рощина в первый день своего приезда в Ключевой. Без особой нужды заехал Трофимов к Зырянову, рассчитывая лишь посмотреть на начавшиеся уже работы по прокладке через болота таежной дороги, но, приехав, задержался у Зырянова на целый день.

Бывший варщик бумаги и тонкий знаток своего дела, Зырянов сам водил Трофимова по территории комбината, показывая и объясняя ему, как бревна, что прямо из тайги попадали на лесную биржу комбината, постепенно превращаются в тончайшие сорта белоснежной бумаги. Зырянов показал Трофимову свой собственный бумажный музей — коллекцию доброй сотни самых различных сортов бумаги, начиная от грубой — оберточной и кончая самой лучшей, похожей на плотную атласную ткань.

С увлечением, с юношеской горячностью говорил этот немолодой уже человек о будущем своего комбината, своего района. Город Ключевой уже через пятилетку представлялся ему местом, где будут сосредоточены высшие учебные заведения, готовящие своих собственных специалистов. Стоило только послушать Зырянова, когда он говорил о районных нуждах, о своих химиках и лесоводах, о геологах и нефтяниках, об агрономах и учителях! Свой театр, свой санаторий — о чем только не говорили они в тот вечер!..

— Смотрите, смотрите Сергей Прохорович! — громко сказал Бражников. — Село Искра!

Машина выехала из леса и понеслась по крутому спуску к переправе через Вишеру.

Закатное солнце слепило глаза, и далекие домики на противоположном берегу показались Трофимову висящими над водой. Но вот машина спустилась к переправе, и солнце исчезло за домами. Трофимов увидел спокойную гладь реки, услышал певучие голоса перекликавшихся в селе женщин и протяжный, с хрипотцой окрик паромщика:

— Эй, на машине, быстре-е-я!

У съезда к парому Трофимов и Бражников сошли с машины, и шофер осторожно повел ее по перекинутым с берега на паром длинным и узким сходням. Доски упруго прогибались под колесами, и казалось, что они вот-вот сорвутся в воду.

Старик паромщик, приседая и вскрикивая, размахивал руками.

— Быстре-е-я! — кричал он на шофера, недовольный его медлительной осторожностью. — Ну разве так въезжают? С ходу! С ходу!

— Азартный старик! — смеясь кивнул на паромщика Бражников. — Что́ бы мостки сделать пошире — так нет, ему удаль шоферская нужна. Чудак...

Трофимов и Бражников подошли к реке. Вода в том месте, где они остановились, была прозрачна, и по далекому, высвеченному солнцем дну скользили тени проплывавших рыб.

У самых ног Трофимова билась о берег речная волна. Трофимов хотел было проследить ее путь, но она

затерялась на широком просторе реки, изборожденной волнами, которые медленно расходились от идущего стрежнем каравана плотов.

Странно было видеть, как этот огромный караван покорно следовал за крохотным буксиром, как чутко отзывалась вся вереница плотов на движения хвостового руля, которым орудовали два дюжих парня. Только они да штурвальный на катере управляли сейчас этой тысячетонной громадой. Целый лес, срубленный, увязанный в пучки и забранный в сетку металлических канатов умелыми руками уральских лесорубов и плотовщиков, плыл сейчас по реке.

Трофимову представился вдруг вековой сосновый бор, который еще недавно шумел ветвями где-то в верховьях Вишеры, как и сто и двести лет назад, когда в непроходимой его чащобе укрывались старообрядческие селения. И вот теперь, превращенный в бревна, прямые и равные по длине, отправлялся он в далекий путь по родной Вишере, по Каме, по Волге до самого Куйбышева, а может быть, и до Сталинграда, чтобы обрести иную жизнь в великих сооружениях сталинской эпохи.

Стоя на берегу древней русской реки, глядя на далекое уральское село, что лежало на пути между старинными русскими городами Чердынью и Соликамском, Трофимов думал сейчас о Куйбышеве и Сталинграде, о том, что свершалось там. И он, скромный советский человек, испытывал гордость, сознавая себя современником этих великих дел.

Бражников, украдкой поглядывая на своего примолкшего начальника, тоже смотрел и на караван плотов и на село, но мысли, которые занимали его сейчас, были далеки от мыслей Трофимова.

— Сергей Прохорович, — нарушая молчание, сказал он. — Между прочим, замечу, что село Искра славится на весь Урал своими красавицами. А как тут девчата пляшут! А поют как!.. Вот приедем, я вас с Дашей Осокиной познакомлю. Даша — она такая!..

Бражников глянул на Трофимова, осекся и густо покраснел.

— Что, влюблен? — обнимая смутившегося парень-

ка за плечи, спросил Трофимов, которому очень хотелось, чтобы тот не пожалел о внезапно вырвавшемся у него признании. — Ну, а она, наверное, тоже любит тебя?

— Не знаю, любит ли, но уважает, — оправляясь от смущения, солидным баском отозвался Бражников.

— Уважает? — будто бы всерьез удивился Трофимов.

— Конечно! Я, как следователем стал, сразу уважение людей к себе почувствовал. То все был Петя да Петя, а теперь — товарищ младший юрист... Ну, и опять же форма...

— Эх ты, Петя, Петя, младший юрист, — с укоризной поглядел на Бражникова Трофимов. — Да разве нас за звание или за форму народ уважает?

— Я не то совсем хотел сказать! — краснея еще сильнее, воскликнул Бражников.

— Знаю, что не то, — пришел ему на помощь Трофимов. — Иной раз думаешь хорошо, а объяснить не умеешь. Так?

— Так! — благодарно взглянул на него Бражников.

— И ты, наверно, когда об уважении к себе говорил, не о форме да не о звездочках на погонах думал, а...— Трофимов оборвал фразу и строго спросил: — О чем же, Петя, ты думал?

— Я?.. Я думал о нашей работе, Сергей Прохорович.

— Верно, в работе-то все и дело. Вспомни, Петя, что говорил товарищ Сталин о работниках РКИ... Эти слова целиком относятся и к нам.

— Я помню их наизусть, товарищ Трофимов. — Юное лицо Бражникова посуровело, и звонким от волнения голосом он произнес глубоко запавшие ему в память мудрые слова: — Работники РКИ «должны быть чисты, безукоризненны и беспощадны в своей правде. Это абсолютно необходимо для того, чтобы они могли иметь не только формальное, но и моральное право ревизовать других, учить других».

Сейчас, на берегу Вишеры, слова эти, давно уже ставшие для Трофимова программой всей жизни, вер-

нули его мысли к тому, о чем он думал до своего разговора с Бражниковым.

Огромная страна вновь представилась его взору, и не было в этой стране малых дел, как и не было маленьких людей, ибо все, что вершилось в ней, вершилось во имя коммунизма.

Лесорубы, что валили на Урале деревья для сталинских строек, штурвальный на катере, торопивший караван плотов к далекому Сталинграду, Петя Бражников, едва лишь вступивший на самостоятельный жизненный путь, и он, скромный районный прокурор, призванный оберегать права советских людей, — все они были солдатами одной великой армии, армии строителей коммунистического общества.

А с парома уже слышался протяжный голос:

— Эй, на берегу, быстре-е-я! Отхо-о-дим!

— «Быстре-е-е! — повторил про себя Трофимов. — Отхо-о-дим!» И в настойчивом окрике паромщика почудилось ему нетерпение, которое испытывал и он сам, словно отправлялись они в дальнее плавание.

34

Громов встретил Трофимова и Бражникова с радушием хозяина, у которого припасено для дорогих гостей нечто такое, что должно удивить их и обрадовать.

От его обычной неторопливости не осталось и следа. Он и по селу-то шел не как приезжий человек, а с этаким хозяйским оглядом, то и дело отвечая на приветствия проходивших мимо колхозников.

— Вы тут, Василий Васильевич, видно, со всем селом перезнакомились, — смеясь сказал Бражников.

— Знаком со многими, — самодовольно улыбнулся Громов. — Это — у меня первое дело: приехал на работу — знакомься с народом. Сам недодумал — народ подскажет. Так-то вот, товарищ младший юрист.

— Что-то уж больно долго подсказывают, — насмешливо сказал Бражников.

— А ты не спеши, не спеши. Вот я в прошлый раз поспешил и людей насмешил. Учись на моем опыте.

Ну, скажем, знаешь ли ты науку, именуемую бухгалтерским учетом в колхозе?

— Нет, не знаю.

— А я вот начинаю ее постигать. Или, например, что ты можешь сказать о парниковом хозяйстве?

— Ничего.

— А я кое-что могу. Милости прошу, товарищи! — Громов остановился возле дома, на котором красовалась большая вывеска «Гостиница «Искра». — Здесь вы сможете отдохнуть. Чистота и порядок образцовые.

— А где вы работаете? — спросил Трофимов.

— Работаю в правлении колхоза. Там мне Осокина специальную комнату отвела.

— Вот туда мы и пойдем.

— А отдохнуть с дороги?

— Мы не устали, Василий Васильевич. Пойдемте, мне не терпится узнать, как далеко вы продвинулись в изучении колхозной бухгалтерии.

— Не одобряете?

— Наоборот, очень одобряю. Оттого и отдыхать отказываюсь, что одобряю, — рассмеялся Трофимов. — Да ведь и вам, Василий Васильевич, не терпится поделиться с нами своими открытиями. Зачем же откладывать?

— Угадали, не терпится! — признался Громов. — Хотел было для пущего эффекта оттянуть с докладом, да вас не проведешь. Пойдемте.

Первый, кого увидел Трофимов, войдя в правление, был парторг колхоза Антонов.

— Выполняю наш наказ, — здороваясь с ним, сказал Трофимов. — Вот уже вторую неделю езжу по району и знакомлюсь с народом.

— Да и мы с вами понемногу знакомимся, — добродушно отозвался Антонов.— А, видно, задел я вас тогда за живое — до сих пор помните!

— Помню, помню и не собираюсь забывать...

— Ну, пойдемте, злопамятный вы человек, к нашему председателю.

Антонов осторожно постучался в дверь председательского кабинета и, пропуская вперед Трофимова и следователей, торжественно объявил:

— Сам прокурор района, Анна Петровна, прибыл!

Из-за стола навстречу Трофимову поднялась невысокая, по-девичьи хрупкая женщина с гладко зачесанными и собранными на затылке в узел седеющими волосами. На лацкане ее жакета рдел маленький, будто застывший на стремительном ветру флажок депутата Верховного Совета страны.

— Вот какой гость к нам пожаловал! — весело сказала Осокина. — Сам районный прокурор! И строгий! Сразу видно, что прокурор.

Осокина улыбнулась. Улыбка у нее была чудесная. Немолодое лицо ее вдруг помолодело и похорошело.

— А у меня к вам просьба, товарищ Трофимов,— сказала она.

— Какая?

— Отдайте мне вашего Громова. Что он за следователь, судить не могу, а бухгалтер колхозный из него бы вышел стоящий.

Все рассмеялись.

— Сейчас мы и решим, какой он следователь и какой бухгалтер, — сказал Трофимов. — Прошу, товарищи,— он посмотрел на Осокину и Антонова, — принять участие в нашем разговоре. Докладывайте, товарищ Громов.

— Готов. — Громов подождал, пока все уселись.— Товарищ младший советник юстиции, — начал он и, не спеша раскрыв свою папку, достал из нее какую-то бумагу. — Вот обыкновенная выписка из бухгалтерской книги бывшего колхоза «Огородный» о продаже двух тонн ранних овощей. Тут у меня копия наряда, счет, — словом, все, как полагается. — Громов снова порылся в своей папке. — А вот акт о порче двух тонн ранних овощей в искровском сельпо. — Громов чуть помолчал, обвел всех присутствующих вопросительным взглядом и спросил: — Какой отсюда напрашивается вывод?

— Вывод ясный, — сказала Осокина. — Колхоз по договору отпустил нашему сельпо две тонны ранних овощей, а там замешкались, не обеспечили хранением, — вот овощи и испортились.

— Верно, — согласился Громов. — Такой именно вывод и напрашивается, но...

— Плох тот следователь, который торопится с выводами, — сказал Антонов.

— И это верно,— согласился Громов.— А еще хуже тот бухгалтер, который забывает про числа месяца, что проставлены у него на бумажках. — Громов подошел к Трофимову и положил перед ним на стол свои документы. — Ведь что, товарищ Трофимов, любопытно: наряд об отпуске колхозом двух тонн ранних овощей помечен двадцатым апрелем, а акт магазина о порче — двадцать третьим апреля. Скажите, Анна Петровна, могут ли овощи, пусть даже парниковые, испортиться за три дня, да так, чтобы их надо было списывать по акту?

— Нет, не могут, — ответила Осокина.

— Какой же вывод напрашивается теперь? — спросил Антонов.

— А вывод таков: две тонны овощей, проданные колхозом, испортились в неправдоподобно короткий срок. А если бы вам сообщили, что эти же самые две тонны овощей уехали из колхоза в город? Что бы вы на это сказали, товарищ Антонов?

— Сказал бы, что чудес не бывает.

— Правильно. Не бывает. — Громов достал из своей папки еще один документ. — Вот, товарищи, выписка о продаже «Огородным» ранних овощей в прошлом году. Читаем: в апреле продано ранних овощей две тонны. Отступаем еще на год — та же цифра. Как будто бы все правильно: каждый апрель в течение трех последних лет колхоз «Огородный» продавал по две тонны парниковых овощей. Отлично! Но что интересно?.. Мой хороший знакомый и тезка, здешний пасечник и огородник Василий Алексеевич Зачиняев, рассказал мне, что в ночь с двадцатого на двадцать первое апреля к его парникам была подана грузовая машина, на которой приехал неизвестный ему человек, и те самые две тонны овощей, что были проданы искровскому сельпо, уехали в город.

— Те самые? — удивился Антонов.

— Да, те самые!

— А доказательства? — спросил Трофимов.

— Доказательства в расписке, которую потребовал Зачиняев, когда выдавал овощи.

— Где же она?

— При погрузке овощей присутствовал бухгалтер «Огородного» Кочкин. Он взял эту расписку у Зачиняева, и она исчезла.

— Исчезла?

— Да. Спрашиваю у Кочкина, где эта расписка, а он отвечает, что расписки, о которой говорит Зачиняев, вовсе и не было. «Что ж, — спрашиваю, — выходит, Зачиняеву все приснилось?» — «Нет, — говорит,— не приснилось. Машина, действительно, была, ее завмаг нанял, овощи увезла, но не в город, а в искровское сельпо. Пожалуйста, вот расписка от завмага». Хорошо. Вызываю его. «Давали, — спрашиваю, — вы эту расписочку Зачиняеву?» — «Давал, — говорит, — при Кочкине давал, он это хоть сейчас подтвердит». — «А как могло случиться, что Зачиняев вас не признал? Вы же друг друга много лет знаете?» — «В плаще был, — отвечает, — в капюшоне — вот ночью и не признал». — «А по голосу, неужели и по голосу не узнал?» — «Мы с ним не разговаривали, — отвечает, — погрузились — и все». Так правды я и не добился. Зачиняев же клянется и божится, что человек, который дал ему расписку, был не завмаг. Хорошо. «А какие, — спрашиваю, — приметы у этого человека?» — «Клеенчатый плащ, капюшон — вот какие приметы. Лица в темноте не разглядел».

— Но почему же Зачиняев решил, что машина уехала в город? — спросил Трофимов.

— А вот почему... Когда овощи были уже нагружены, Зачиняев услышал, как шофер спросил у того человека, что был в плаще, какой дорогой им ехать: прямо к переправе или в объезд к мосту? Ну, а известно, что на пути от парников до искровского сельпо нет ни переправ, ни мостов. Прямая дорога метров триста — и все.

— Как объясняет этот случай бывший председатель колхоза «Огородный»? — спросил Трофимов.

— Разводит руками. Вообще, товарищ Трофимов, у

меня сложилось впечатление, что Стрыгин, если и виноват в чем, так только в том, что слепо доверился Кочкину. Сам он в хищении участия не принимал.

— Я такого же мнения, — сказала Осокина. — Стрыгина я знаю давно и могу сказать, что он всегда мне казался человеком честным, советским, но... вот в председатели колхоза выдвигать его не следовало. Слишком уж он мягок, покладист. Нет чтобы спросить, потребовать отчета. А ведь в нашем деле без этого нельзя. И опыта у него было маловато. Десять лет с молочной фермы не выходил, и вдруг нá тебе — председатель большого колхоза. Поторопились...

— Помнится, на докладе в прокуратуре, — сказал Бражников, — товарищ Громов утверждал, что вина Стрыгина им установлена.

— Я и теперь говорю, что Стрыгин виноват, — Громов замялся. — Но не в хищениях колхозного добра, а в том, что поддался обману.

— Значит, раньше вы ошибались? — спросил Трофимов.

— Ошибался, товарищ младший советник юстиции, кое в чем ошибался.

— А теперь?

— Теперь уверен, что прав.

— Твердо уверены?

— Твердо уверен.

— Хорошо, допустим, что у вас есть основания не верить завмагу и Кочкину, но какие у вас основания верить Зачиняеву?

— Очень большие, товарищ Трофимов. Я верю Зачиняеву потому, что вижу и всем сердцем чувствую, что он честный человек.

— Да... — Трофимов в раздумье смотрел на Громова. — Согласен, следовательская интуиция — вещь серьезная, но все-таки именно на Зачиняеве у вас, товарищ Громов, расследование и обрывается. Мы не можем строить обвинение на одной интуиции. Почему вы уверены, что как раз те самые две тонны овощей, которые колхоз продал в сельпо, попали вдруг в город?

— В этом-то все дело, — оживился Громов. — По-

мните, товарищ Трофимов, я говорил, что плох тот бухгалтер, который забывает о числах на документах?

— Помню.

— Вот Кочкин-то и оказался таким плохим бухгалтером. Что у него получается? Двадцатого апреля две тонны овощей продаются в сельпо. Двадцатого же апреля, если, конечно, верить Зачиняеву, две тонны овощей отправляются в город. Ну, а скажите, Анна Петровна, могут парники «Огородного» дать в один день четыре тонны овощей?

— Нет, не могут, — ответила Осокина. — И за неделю больше двух тонн не дадут. Я те парники хорошо знаю.

— И я знаю. Изучил! — торжествующе сказал Громов. — Не поленился и целую лекцию прослушал о парниковом хозяйстве.

— Еще одну науку решили освоить? — рассмеялся Бражников. — Мало вам быть бухгалтером, решили стать по совместительству огородником?

— Решил, — серьезно ответил Громов. — На старости лет к счетным книгам да на грядки потянуло. И вот результат... Связь, как это и предполагал товарищ Трофимов, между хищениями в колхозе и в сельпо мною установлена. Раз! — Громов загнул один палец. — Думали, что завмаг сгноил овощи по халатности, а он их и не получал. Два! — Громов загнул второй палец. — Установил, что Кочкин и завмаг продавали овощи на сторону. Три! Уверен, что Стрыгин в этих делах не участвовал. Четыре! А главное, нашел конец веревочки, которая, если по ней итти, приведет нас в город, к соучастникам Кочкина и завмага. Пять! — Громов сжал все пальцы в кулак.

— Все это при одном лишь условии, товарищ Громов, — сказал Трофимов, — при условии, что Зачиняев говорит правду. — Он поднялся из-за стола. — Что ж, попробуем пойти по этому пути. Будем считать, что Зачиняев говорит правду, одну только правду.

— Интуиция? — спросил Антонов.

— Да. Не одобряете?

— Зачиняева я знаю давно, — задумался Антонов. — С детских лет знаю. Не верить ему трудно.

Стоящий дед. — Антонов подошел к Трофимову. — Простите, товарищ прокурор, что вмешиваюсь в ваши дела, но... хочется мне дать вам один совет.

— Слушаю вас.

— Зачиняев — старик. Человек не легкий. Если хотите дознаться от него правды, на допрос его не вызывайте. Попробуйте как-нибудь подойти к нему иначе, расположите его к себе... Вот и весь мой совет.

— Совет для меня очень ценный, — сказал Трофимов. — Благодарю. — Он обернулся к Осокиной. — Так как же, Анна Петровна, мы решим насчет Громова? Где он лучше себя проявил: как следователь или как бухгалтер?

— Затрудняюсь сказать, товарищ Трофимов, — рассмеялась Осокина. — Он и бухгалтер и огородник, а как начал все распутывать, так и вышло — не бухгалтер и не огородник, а следователь.

— И не плохой следователь,— сказал Трофимов,— протягивая Громову руку. — Благодарю вас, Василий Васильевич!

— Так за что же, Сергей Прохорович? — смутился Громов. — Нить-то оборвалась...

— А мы ее свяжем, Василий Васильевич. Главное вы сделали.

35

Разъезжая по району, Трофимов всюду, где приходилось ему останавливаться, не упускал случая потолковать с народом о том или ином законе, о задачах прокуратуры и народного суда. Необходимость в таких беседах была очевидна. Трофимов знал, что, разъясняя закон, рассказывая о своей работе, он не только выполняет свою прямую обязанность пропагандировать среди населения советское право, но и помогает самому себе в повседневной прокурорской деятельности.

Не только наказывать за нарушения законов, но и предупреждать эти нарушения — вот в чем заключалась его работа. И Трофимов отлично понимал это.

Но ведь в селе идет следствие сразу по двум уголовным делам. Может ли он, прокурор, говорить об этом

на собрании колхозников? Конечно, нет, так как неизбежно коснется вопросов, которые еще нуждаются в проверке, и уж, во всяком случае, до суда их не следует предавать гласности. А не говорить об этом тоже невозможно. В Искре, пожалуй, не найти сейчас человека, который не переживал бы случившееся, как событие, порочащее добрую трудовую славу всего села.

Вечерело, когда Громов, зайдя за Трофимовым в гостиницу, повел его в клуб, где уже собрались колхозники, чтобы послушать выступление районного прокурора.

Хорошо было сейчас на тихой, будто задремавшей после шумного дня сельской улице. Далекие звезды рассыпались по небу холодной снежной пылью, а на земле было тепло и безветрено, пахло зацветающей акацией, конской сбруей, дегтем и сладким, с детских лет памятным запахом домашнего хлеба.

Трофимову вспомнилась неведомо от каких времен сохранившаяся в памяти картина, как сидит он, мальчишка, на скамье перед большой, жарко дышащей русской печью, а в глубине ее, томясь на жару, доходят сладко пахнущие высокие караваи. Когда и где это было, Трофимов не помнит, но не в этом сейчас дело.

У него вдруг потеплело на сердце, и все в этом незнакомом селе стало понятным и родным, точно давным-давно, в детстве, он уже был здесь: ходил мимо вон той старенькой колокольни, ступал по мягкой от сена и соломы площади перед амбаром, вдыхал запахи кожи и печеного хлеба.

Рядом с домами колхозников двухэтажное, с колоннами у входа, здание клуба казалось особенно приметным. Множество фонарей освещало его фасад. И было ясно, что зажжены они все лишь для пущей торжественности.

Перед входом в клуб Трофимов остановился. Из распахнутых окон слышался гул переполненного зала.

Какая-то девушка, увидев Трофимова, со всех ног бросилась в двери.

— Пришел! Пришел! — услышал Трофимов ее громкий, возбужденный голос. И сразу, точно слова эти были командой, призывавшей к тишине, в клубе унялся шум.

— Ждут! — сказал Громов, невольно поднося руку к козырьку фуражки. — Прошу, товарищ младший советник.

По тому, как тихо стало в клубе, по напряженной этой тишине Трофимов понял, с каким нетерпением ждут сейчас колхозники села Искра встречи с районным прокурором.

— Идемте! — сказал он и решительно вошел в зал.

Здесь было светло и многолюдно.

На сцене, за столом, покрытым кумачовым полотнищем, сидели Осокина, Антонов и члены колхозного правления.

Двигаясь по проходу, Трофимов встретился глазами с приветливым, словно ободряющим взглядом Осокиной и легким уверенным шагом взошел на сцену.

Маленький столик, заменявший трибуну, с непременным графином, показался ему ненужным. Он отодвинул его в угол сцены, налил в стакан воды, но не стал пить, а, обернувшись к залу, громко сказал:

— Товарищи!..

Еще у входа Трофимов заметил афишу, извещавшую жителей села о том, что в воскресенье в клубе состоится доклад о странах народной демократии. Обыкновенная афиша, написанная старательной рукой местного художника. Но сейчас она неожиданно пришла Трофимову на помощь.

— Товарищи! — повторил он. — В вашем селе случилась большая беда. Люди, которым вы верили, обманули ваше доверие. Не щадя ни своей, ни вашей чести, подняли они руку на колхозное добро, на народное достояние, на плоды вашего коллективного труда. Стыдно, больно говорить об этом.

Трофимов замолчал, а по залу прошел шум, как от ветра в лесу, тревожный и глухой.

— Сегодня мы только начинаем распутывать клубок отвратительных дел, которые творились в колхозе «Огородный» и в вашем сельпо, — продолжал Трофи-

мов.— Сегодня ни я, ни вы еще не знаем истинной меры виновности участников этих дел. Измерит эту вину и покарает виновных народный суд. Он, наш народный суд, будет заседать при открытых дверях. За судейский стол, рядом с избранным народом судьей, сядут два достойнейших ваших представителя, наделенных равными с ним правами. И я уверен, что процесс этот будет происходить не в городе, а здесь в этом клубе, чтобы все вы, колхозники села Искра, могли стать участниками суда над людьми, так тяжко оскорбившими и обманувшими вас... Мы все придем сюда, и каждый скажет то, что думает, что знает, чтобы помочь суду вынести справедливый приговор виновным. Но... только ли мы придем на этот суд? Ведь двери его будут открыты для всех, а путь в село Искра никому не заказан...

Трофимов умолк и оглянулся на Осокину. Она смотрела на него с тревогой, не понимая, что он собирается сказать. И эта же тревога перекати-полем двигалась сейчас по рядам колхозников.

— Все мы, товарищи, внимательно читаем газеты, — опять заговорил Трофимов, и в напряженной тишине зала голос его прозвучал неожиданно отчетливо. — И вот рядом с сообщениями о стройках коммунизма, о наших трудовых успехах на заводах и колхозных полях, рядом с сообщениями об упорной борьбе, которую ведет Советский Союз за мир, часто встречаются коротенькие заметки о том, что к нам в гости приехала еще одна делегация крестьян из стран народной демократии. С гордостью читаем мы такие заметки, хорошо понимая, зачем приезжают к нам наши зарубежные друзья. Мы знаем, что крестьяне Румынии, Болгарии и Венгрии, Чехословакии, Польши и демократической Германии, вступившие на новый, светлый путь, едут в страну социализма, чтобы поучиться передовым методам работы, чтобы перенять у наших колхозников более чем двадцатилетний опыт коллективного труда. Да, к нам едут учиться, и мы по праву гордимся этим...

По мере того, как Трофимов говорил, в зале нарастало беспокойство. Многие колхозники поднялись со

своих мест. Теперь не было, наверно, здесь человека, который бы не понимал, что скажет сейчас прокурор. И дорого дал бы Трофимов, чтобы не говорить этих прямых, суровых слов, но он не мог не сказать их.

— Товарищи!.. — Трофимов обвел взглядом первые ряды и заметил стоявшую у окна девушку, удивительно похожую на Осокину, совсем юную, стройную и хрупкую девушку, которая по-взрослому строго и прямо глядела на него, готовая услышать всю правду. — Представим себе, товарищи, что в день суда вдруг откроется дверь и в зал войдет делегация крестьян из Польши или Румынии, из Венгрии или Чехословакии...

Трофимов таким естественным движением протянул руку в сторону дверей, что все, кто был в зале, невольно оглянулись.

— Что скажем мы им? Разве этому приехали они учиться у нас? Разве на суд спешили они за тысячи километров от своего дома, когда ехали в прославленное колхозным трудом уральское село Искра? Нет, не на суд ехали они к нам, не этому хотели поучиться они в нашем селе... И стыдно будет нам смотреть им в глаза!..

Долго молчал Трофимов, а когда заговорил снова, голос его уже звучал спокойно, как у человека, решившегося высказать горькую правду и исполнившего этот свой трудный долг.

— Уверен, товарищи, — сказал Трофимов, — что печальные события в вашем селе могли бы и не произойти, если бы вы серьезнее отнеслись к защите своих колхозных прав, если бы малейшее нарушение Устава сельскохозяйственной артели вызывало ваш решительный протест. Интересы советского правительства полностью совпадают с вашими личными колхозными интересами. Интересы советского правительства всегда и во всем полностью совпадают с интересами советских граждан, ибо власть у нас — подлинно народная власть. Вам ли этого не знать, когда ваш председатель колхоза Анна Петровна Осокина — член правительства. Так почему же вы по-настоящему не задумались

над смыслом постановления Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) «О мерах ликвидации нарушений Устава сельскохозяйственной артели в колхозах»? Почему, недовольные положением дел в «Огородном», вы не пришли поделиться своими сомнениями к прокурору, призванному стоять на страже наших народных законов? Почему забыли вы о своем гражданском долге — помогать прокурору в справедливом деле охраны народного достояния?

Трофимов достал из кармана записную книжку, перелистал ее и, найдя нужную страничку, посмотрел в глубину притихшего зала.

— Товарищи!.. Вот что говорил еще в 1933 году товарищ Сталин: «Революционная законность нашего времени направлена своим острием... против воров и вредителей в общественном хозяйстве, против хулиганов и расхитителей общественной собственности. Основная забота революционной законности в наше время состоит следовательно в охране общественной собственности, а не в чем-либо другом».

Трофимов подошел к столу президиума.

— Теперь уже сделанного не воротишь, — заключая свое выступление, сказал он. — Но пусть то, что случилось, послужит вам, товарищи, хорошим уроком на будущее...

— Товарищ прокурор! — послышался голос из задних рядов. — Раз уж начали напрямки говорить, так позвольте и мне...

По проходу не спеша, с решительным выражением на нахмуренном лице, шел коренастый, в распахнутом матросском бушлате, парень. За воротом его рубахи Трофимов увидел узенькую полоску тельняшки. Но и без того, по раскачивающейся походке в нем сразу можно было угадать бывшего моряка.

— Я вот о чем, — сказал он, подойдя к сцене. — Я спросить: на восьмом лесоучастке вы были, товарищ прокурор?

— Нет, не был.

— А жаль, что не были. Там безобразия творят.

— Какие же?

— Большие, товарищ прокурор. Посудите, валят

лес без всякого учета науки. Губят молодняк — вот какие безобразия, товарищ прокурор...

— Да, дело серьезное,— насторожился Трофимов. — Обязательно побываю на вашем участке. Скажите, кем вы там работаете?

— А я там не работаю, — усмехнулся парень. — Просто душа болит на ихние порядки глядеть, вот я и рассказал. Я мотористом на катере работаю. Временно... до возвращения на флот...

Неожиданно в зале грянули аплодисменты — горячие, дружные, оглушительные. Парень растерянно оглянулся, не понимая, кому устроена эта овация, не веря, что аплодируют ему.

36

Поздно вечером, после собрания в клубе, Осокина повела Трофимова показать село. Шли молча, но молчание это было обоим не в тягость. Вечер выдался теплый, безветренный. То тут, то там угасали в окнах огни. Село засыпало. Только откуда-то издалека, с реки, доносились звуки баяна.

— Пойдем туда, к молодежи, — предложила Осокина.

— Пойдемте.

Они вышли к реке.

Ночью Вишера казалась еще шире, чем днем. Противоположный берег исчезал во тьме. Леса, со всех сторон обступившие село, черным кольцом окаймляли звездный купол неба.

На узкой тропе, что петляла над самым обрывом, Осокина остановилась.

— Слышите?

В ночной тишине, не смолкая, плыл едва уловимый гул. Это шумели далекие таежные леса. Одни ли леса? Нет. Река, словно отзываясь на их голос, плескала волнами о берег, шуршала прибрежной галькой.

— Разговаривают, — сказала Осокина.

Широко-широко звучали над землей эти голоса. Они не смешивались с другими звуками, с песней, со

звонким смехом девушек. Они звучали по-особому: негромко, но внятно для тех, кто умел их слушать.

— Помню, — тихо сказала Осокина, — девушкой я часами простаивала у этого обрыва. Все слушала, слушала... И мечтала. А то бывало поглядишь на звезду падучую и гадаешь, сбудется или нет.

— Хорошо здесь, — отозвался Трофимов. — Постоим?

— Постоим.

На поляне, недалеко от реки, кружились под баян пары. Молодой баянист выводил задушевную, певучую мелодию.

Трофимов узнал среди танцующих Бражникова.

— Как бы ваш помощник мою Дашу не закружил, — перехватив взгляд Трофимова, улыбнулась Осокина. — Кружит и кружит.

— Дочь? — спросил Трофимов.

— Дочь. Без отца вырастила... Погиб на войне... — Осокина помолчала. — Сорок лет на свете прожила, как один день, а начнешь вспоминать, голова закружится, — продолжала она. — Вы, я так понимаю, тоже на фронте были?

— Был.

— Семейный?

— Семья погибла во время войны.

— И вас, значит, не миновало... А я, как увидела вас, Сергей Прохорович, так своего и вспомнила. Не то чтобы вы походили друг на друга, а только, как увидела, так и вспомнила...

Из темноты вдруг показался какой-то человек.

— Стрыгин! — удивилась Осокина. — Что ты тут делаешь?

— Здравствуйте, Анна Петровна, — ответил, сдернув с головы картуз, Стрыгин. — Вот только по ночам и хожу. Днем стыдно людям на глаза показаться. — Он страдальчески замотал головой. — Трудно мне, товарищ прокурор. Так трудно, что, утра не дождавшись, решил просить вас: прикажите меня арестовать.

— Зачем же вас арестовывать? — спросил Трофимов.

— Стыдно мне по родному селу ходить. Стыдно на

людей смотреть. Кто я? Кем стал? Пятьдесят лет был честным человеком, а нынче...

— И нынче, Николай Митрофанович, никто вас нечестным не считает, — сказала Осокина.

— Не считают? — с надеждой посмотрел на Трофимова Стрыгин.

— Самое тяжкое обвинение с вас снимается, товарищ Стрыгин, — сказал Трофимов.

— Снимается? — крикнул Стрыгин. — Снимается?

— Да, следствием установлено, что в хищениях вы участия не принимали.

— Нет, товарищ прокурор, не принимал!

— Но отвечать вам все-таки придется.

— Я вину свою сознаю, — твердо сказал Стрыгин. — Сознаю. А вот, что поняли меня, поняли, что я не жулик, за это спасибо. — Стрыгин вдруг заторопился; лицо его просияло. — Пойду обрадую жену! — И он исчез в темноте.

— Жалко его, — сказала Осокина. — Вы уж, Сергей Прохорович, помягче с ним.

— А как народ к нему относится?

— Ругают, но жалеют.

— Вот и народный суд так же отнесется,— улыбнулся Трофимов. — Поругает и пожалеет.

Они вышли к поляне и остановились посмотреть на танцующих.

Бражников, увидев Трофимова, решил блеснуть перед ним своим мастерством.

— А ну, плясовую! — крикнул он баянисту.

Баянист вскинул голову и медленно растянул меха своего баяна.

Потупив глаза, помахивая, будто отстраняясь, платочком, тихо-тихо поплыла Даша по опустевшему кругу.

Бражников словно и не видел ее. Едва касаясь ногами земли, шел он поперек круга. Но вот они встретились. Глянули друг на друга влюбленными глазами, и... тут-то пляска и началась.

Хотел ли Бражников коснуться Даши, хотел ли пасть перед ней на колени или поцеловать — в движениях его было столько широты, что, казалось, не по-

целуй и даже не себя предлагает он девушке, а весь мир. Она же, улыбаясь, как и мать, застенчиво и мягко, всеми своими движениями, горделиво вскинутой головой, взглядом давала понять, что на меньшее и не согласится.

— Дашенька, доченька моя! — шептала Осокина, не замечая, что смеется и плачет в одно и то же время.

— Мама! — выбегая из круга, крикнула Даша. — Что с тобой, родная?

— Ничего, ничего, — обнимая дочь, сказала Осокина. — Это хорошие слезы, Даша, не горькие...

— Мама, а я забыла тебе передать, — сказала Даша: — с час назад здесь был дед. Зачем-то тебя искал.

— Дед? А зачем, не сказал?

— Нет. Велел передать, что был и ушел к себе на пасеку.

— Кого это вы называете дедом, Даша? — спросил Трофимов.

— Это тот самый Зачиняев и есть, — пояснила Осокина, — у нас его дедом кличут.

— Вот как? — переглянувшись с подошедшим Бражниковым, сказал Трофимов. — Он, значит, и пчелами занимается?

— Занимается.

— Так, так... А где его дом, Анна Петровна?

— Пасека отсюда недалеко. — Осокина внимательно посмотрела на Трофимова. — Что вас встревожило, Сергей Прохорович?

— Рано еще об этом говорить, Анна Петровна. Скажите, кто бы мог проводить меня к этому деду?

— К Зачиняеву?

— Да.

— Я сама вас провожу, Сергей Прохорович.

— Тогда пойдемте.

— Сейчас ночью?

— Да, сейчас...

37

До колхозной пасеки, где жил Зачиняев, было не более двух километров. Дорога шла через поля, клеверами, сбегала в овраг. У края оврага, неприметный среди деревьев, стоял маленький домик. В окошке, несмотря на поздний час, светился огонек.

— Что же мы ему скажем? — спросила Осокина, когда Трофимов, подойдя к окну, уже собрался постучать. — Ночь, а мы в гости.

— Ничего, он к ночным гостям привычен, — сказал Бражников.

Трофимов постучал.

За занавеской колыхнулась бородатая тень.

— Кто там еще? — послышался старческий, ворчливый голос.

— Это я, Василий Алексеевич, отоприте! — отозвалась Осокина.

— Аннушка? Сейчас отопру.

Дверь распахнулась. Трофимов увидел маленького, седенького старичка. Он был в белой длинной рубахе и в белых полотняных штанах. От всего его облика, от вздетых на лоб очков и снежно-белой бороды веяло старческим добродушием.

— Аннушка! — сказал Зачиняев, вглядываясь в темноту, и в голосе его Трофимов уловил радость. — Да где же ты? Со света-то не видать!

— Даша сказывала, что вы меня искали, Василий Алексеевич. — Осокина замялась. — Вот я и пришла...

— Будто уж из-за этого и пришла? — добродушно усомнился Зачиняев. — Ночью-то? Ну, входите, входите, товарищи прокуроры. Аннушка плохих гостей ко мне не приведет.

Старик, часто кивая головой, выждал, пока Осокина не вошла в дом, и вдруг, живо обернувшись к Трофимову, сказал лукаво, усмешливо:

— А я вас видел, когда вы с Аннушкой над рекой стояли. Видел, как Стрыгин к вам подходил. А я вот не подошел... Вижу, люди у реки стоят, тайгу слушают. Зачем мешать? — Старик посмотрел на Бражникова. — И тебя видел, как с Дашей плясал.

— А вот человека в плаще, что овощи из колхоза увез, так и не разглядели... — не то спросил, не то упрекнул деда Трофимов.

— Не разглядел, не разглядел, — горестно покачал головой старик. — Ошибся...

— В ком? — в упор взглянул на него Трофимов.

Они вошли в комнату.

— А ты не спеши, не спеши, — усмехнулся старик, притворяя за собой дверь, и подошел к Осокиной.

Двигался Зачиняев с удивительной для его лет легкостью. Говорил быстро, негромко, точно не говорил, а приговаривал.

— Садитесь, товарищи. С дороги-то посидеть — первое дело. — Старик пододвинул Осокиной скамью. — Садись, Аннушка, рад я тебе, садись.

Осокина села.

— А ты отчего такой сердитый? — глянул старик на Бражникова. — Гость на хозяина сердиться не должен.

— Я на вас и не сержусь, — сказал Бражников.

— И не сердись... А то, что я о тебе Даше скажу, если спросит? Даша-то ко мне за советом прибежит, ко мне... — Старик улыбнулся смущению Бражникова. — Со мной многие советуются.

— Вот и я к вам за советом пришел, Василий Алексеевич, — сказал Трофимов.

— Ты не за советом, нет! — сурово, точно уличая Трофимова, посмотрел на него старик.— Ты с вопросом пришел!

— С каким же? — невозмутимо спросил Трофимов.

— А с таким, что еще в дверях задал.

— Верно, Василий Алексеевич, с ним и пришел.

— Не веришь, значит, что я того человека в плаще не знаю? — с откровенным любопытством приглядываясь к Трофимову, спросил старик.

— Не верю, — просто ответил Трофимов.

— Так. — Зачиняев быстро присел на скамью рядом с Осокиной и спросил, обращаясь не к Трофимо-

ву, а к ней: — Почему же я про машину Громову рассказал?

— Потому, что вы честный человек, Василий Алексеевич, — сказал Трофимов.

— Ага! Честный! — попрежнему глядя не на Трофимова, а на Осокину, крикнул старик. — Только меня на слова не купишь! Как ты можешь меня честным считать, если думаешь, что я правду утаил? Ну-ка, отвечай!

— На этот ваш вопрос, Василий Алексеевич, вы сами и ответите.

— Мудрено! Мудрено силки расставляешь, — закрутил головой старик, — не понять!

— Что ж тут непонятного? — спросил Трофимов.— Честный человек правды не утаит.

— Я и не утаил.

— Полправды — все равно, что неправда, Василий Алексеевич.

— Ты мою правду аршинами не мерил, где половина, а где вся.

— Оттого и спрашиваю.

Зачиняев вскочил с места.

— Сдается мне, товарищ прокурор, что ты и сам знаешь, кто был тогда в машине.

— Боюсь, что знаю...

— Боишься?

— Боюсь...

— А чего? — Зачиняев вплотную придвинулся к Трофимову.

Глаза старика сверкнули из-под очков пытливым, вопрошающим огоньком.

— Того, Василий Алексеевич, что ошибся в человеке, — ответил Трофимов. — Как вы ошиблись, так и я ошибся. Этого и боюсь.

— Да, ошибся! — голос Зачиняева дрогнул. Старик отошел от Трофимова и стал быстрыми шагами бегать из угла в угол. — Ошибся! — бормотал он. — Прости, друг, должен я, должен сказать!.. — Зачиняев неожиданными для него медленными и широкими шагами подошел к Трофимову. — Глушаев Григорий Маркелович, вот кто тогда на машине приезжал! —

Лицо старика сморщилось. Он стал совсем маленьким, совсем старым. — Ради друга покойного молчал, ради Маркела... Ан нет, правды не утаишь.

— А с Глушаевым был Костя Лукин? — глухо спросил Бражников.

— Он.

Бражников молча опустил голову.

— Неужели мы опоздали? — тихо сказал Трофимов. — Неужели Глушаев опередил нас, и уже поздно спасать Лукина?. .

В полном молчании слушали Трофимов, Осокина и Бражников печальный рассказ старика о его друге Маркеле Глушаеве.

Безземельный рязанский крестьянин, он вместе с сыном Григорием, тогда еще молодым парнем, пришел на Урал в поисках заработка. Его привлекло сюда стремление быстро разбогатеть, так, как богатели, по рассказам бывалых мужичков, уральские и сибирские старатели. Потянуло Маркела на золотишко. Мечтал он найти жилу, да такую, чтобы с выручки можно было купить лошадь, десятины две земли, поставить избу и снова приняться за свое исконное крестьянское дело. Невелика была мечта у Маркела Глушаева, но и она казалась ему несбыточной. И верно, не сбылась.

Общая горькая судьба старателей-неудачников крепкой дружбой связала Василия Зачиняева с Маркелом. А после смерти друга Зачиняев перенес всю свою привязанность на его сына.

Григорий Глушаев мало в чем походил на отца. Смолоду был он хитер и увертлив. Смолоду завелись у него дружки среди перекупщиков и промышленников. А вскоре и сам он стал старшим на одном из приисков, начал быстро богатеть.

Революция спутала все расчеты Глушаева. Он притих, затаился. Долго Зачиняев ничего не знал о его судьбе.

А Григорию не сиделось на месте. Редкие письма от него приходили то из Средней Азии, то с Кавказа,

то вдруг из Магнитогорска. И всякий раз он объяснял перемену места жительства тем, что на новой работе были лучшие условия и больше платили. А работал он то снабженцем, то завхозом, то вдруг прорабом.

Старик с неодобрением относился к кочевой жизни Глушаева, а однажды, услышав бытовавшую в те дни презрительную и хлесткую кличку «летун», понял, что Григорий и есть такой вот летун, охотник за длинным рублем.

Незадолго до войны Глушаев снова появился в Ключевом. Казалось, он образумился. Стороной Зачиняев узнавал, что Григорий хорошо работает на строительстве комбинатского поселка, продвигается по службе. И это радовало старика. Частые попойки, грубость, заносчивость Григория Зачиняев извинял, как дань прошлому.

Но случилось то, что извинить уже было нельзя.

И если Громову старик рассказал лишь полправды, то теперь Трофимову он поведал всю правду о Глушаеве...

За окном послышались чьи-то шаги, и в дверь постучали.

— Входите! Не заперто! — крикнул Зачиняев.

Дверь отворилась. Первым, кого увидел Трофимов, был Костя Лукин. За ним в комнату вошли его отец и Громов.

— Товарищ младший советник юстиции, приехали к вам с рейда, — сказал, указывая на Лукиных, Громов. — Видно, что-то у них важное...

— Сергей Прохорович, — подошел к Трофимову старый Лукин. — Вот привез сына... Такое дело, что ждать да откладывать посчитал невозможным... Только прямо скажу, в этом деле он...

— Пусть говорит сам! — прерывая старика, сказал Трофимов и выжидающе глянул на Константина.

— Товарищ Трофимов... — прямо и безбоязненно посмотрел тот на прокурора. — Отец рассказал мне, что в Искре, в колхозе «Огородном»... — Лукин нетерпеливо махнул рукой. — В общем, я знаю, кто увез овощи из парников.

— Кто?

Константин попрежнему прямо смотрел на Трофимова.

— Глушаев и я...

— И вы знали, что эти овощи крадут у колхозников? Знали? Отвечайте!

— Нет, не знал. Глушаев сказал мне, что овощи куплены комбинатом.

— Не знали?

— Нет, товарищ Трофимов. Я верил тогда Глушаеву, как отцу.

— Не знал, Сергей Прохорович, — с трудом переводя дыхание, сказал старый Лукин. — Поручиться могу за сына. Не вор он! Нет!..

— Верю. — Трофимов быстро подошел к Константину и крепко, обеими руками, обнял его за плечи. — Хорошо, что ты сам рассказал мне об этом. Но понимаешь ли ты теперь, над какой пропастью стоял? Понимаешь ли ты, каким ядом хотел тебя отравить Глушаев?

— Понимаю, Сергей Прохорович... — сказал Лукин и отвернулся, чтобы люди не увидели его слез.

38

Со дня суда прошло немало времени, и все это время Таня жила одной надеждой, что Костя придет к ней, всем существом своим ждала этой встречи.

Суд почти примирил ее с мужем. Тогда, на суде, Таня многое поняла, многое простила Константину. Оставалось лишь сделать последний шаг к примирению, но не она, а он должен был сделать этот последний шаг.

Где он был? Что он делал? Гордость мешала Тане спрашивать о муже у знакомых. Она резко обрывала разговор, когда чувствовала, что друзья хотят заговорить с ней о нем. А сама все ждала и ждала, вздрагивала от каждого стука, с надеждой вслушивалась в приближавшиеся к двери шаги.

В воскресенье утром Таня по обыкновению подня-

лась очень рано. Дома ей не сиделось, и она решила пойти на реку.

Едва она вышла из калитки, как увидела выезжавшую из-за угла машину.

Взвизгнули тормоза. Таня увидела, как из машины, в которой, как ей показалось, сидел прокурор Трофимов, выпрыгнул Константин, и через мгновение почувствовала на своих похолодевших от волнения руках его горячие руки.

— Танюша! Родная!..

Таня подняла голову. Машины на улице уже не было, и улица снова была по-воскресному тиха и безлюдна. Но рядом с ней стоял ее Костя...

Свернув за угол, машина выехала на городскую площадь. Здесь Трофимов велел остановиться и, попрощавшись с Бражниковым, пошел дальше пешком. Домой он не спешил. Узнав от Лукина о приезде Швецова, он почему-то был уверен, что Марины нет дома. При мысли об этом дом Беловых представился вдруг Трофимову каким-то нежилым, неуютным, словно в нем настежь открыли все двери и по комнатам гуляют сквозняки. Нет, домой ему незачем было торопиться.

Медленно шел он тихой поутру площадью. Почти две недели не был Трофимов в городе, но странно, за те дни, что ездил он по району, Ключевой стал ему еще ближе и роднее, чем прежде. Теперь Трофимов уже не чувствовал себя новым здесь человеком. Город был знаком ему не только очертаниями своих улиц и площадей. Трофимов знал теперь, чем живут и о чем мечтают тут люди.

Завтра ему предстояло поделиться этими своими знаниями с секретарем райкома. Вот и подошел тот день, когда он может смело сказать Рощину: «Поогляделся, Андрей Ильич, поработал. Теперь можно и поговорить». Да, этот день подошел, и Трофимов с волнением ждал встречи с Рощиным.

Но сейчас, тихим воскресным утром, он неторопливо шел через площадь, раздумывая, куда бы пойти.

Вот он остановился у залитой солнцем газетной витрины. С первой страницы районной газеты улыбался Трофимову инженер Острецов. Из заметки под фотографией Трофимов узнал, что вчера в летнем театре инженер Острецов докладывал жителям города и поселка о перспективах жилищного строительства в Ключевом. Газета писала, что «инженер Острецов развернул перед притихшей аудиторией увлекательные планы, заглянул в будущее нашего города...»

На первой же странице были напечатаны заметки о начавшемся в Ключевом месячнике по благоустройству города и поселка.

«Расширим городской парк! Озеленим поселок! — писала газета. — Сделаем наш город и поселок еще красивее, еще благоустроеннее!»

В каждой заметке, в каждой статье Трофимов находил и свои мысли и свои планы. Радостно было сознавать, что жизнь в районе шла по верному пути и что он, прокурор, по мере сил своих, тоже принимал участие в этой жизни. Не беда, что работа его для многих оставалась неприметной, что строители и садоводы, говорившие сейчас со страниц газеты, часто и не подозревали о своем помощнике с прокурорскими погонами на плечах. Не беда! Главное, чтобы помощь эта поспевала во-время.

— Товарищ прокурор! — послышалось за спиной у Трофимова.

Трофимов обернулся. Перед ним, опираясь на палку, стояла Забелина.

— Узнаете меня, товарищ прокурор? — спросила она.— Забелина я, Евдокия Семеновна.

— Узнаю. Здравствуйте, Евдокия Семеновна.

— Здравствуйте, здравствуйте, голубчик .— Забелина пошла было дальше, но остановилась. — Хочу я у вас спросить, товарищ прокурор, где тот ваш начальник, что тогда принял меня?

— Уехал на учебу, Евдокия Семеновна.

— На учебу? Что ж, большому кораблю большое плавание... Ведь ответил мне внук-то. Пишет, помогает. Все хотела зайти к вам поблагодарить. Вы, товарищ прокурор, если станете писать своему начальни-

ку, поклон от меня передайте. Кланяется, мол, старуха Забелина и благодарит.

— Хорошо, Евдокия Семеновна, передам, — улыбнулся Трофимов.

— Обязательно. Видно, душевный человек. Не поленился, написал внуку от себя, пристыдил... — Забелина кивнула Трофимову и отошла.

Двинулся дальше и Трофимов.

«Куда же пойти? — снова подумал он. — В гости, что ли, к кому напроситься? — Трофимов в нерешительности огляделся по сторонам. — К кому же?» — И тут припомнился ему старик Чуклинов, первый его знакомый в Ключевом.

«Вот к нему и пойду, — решил Трофимов. — На весенний мед да на прямой разговор».

Он быстро отыскал церквушку, на которую указывал ему Чуклинов, а за ней увидел и дом под зеленой крышей.

Еще издали заметил Трофимов высокую фигуру старика. С лопатой в руках ходил Чуклинов по своему саду.

— Можно к вам? — спросил Трофимов, останавливаясь перед калиткой.

Старик поднял голову.

— Никак приятель мой московский? — радостно пробасил он. — Вспомнили все же, пришли!

Старик быстро зашагал навстречу Трофимову.

— Входите, входите, Сергей Прохорович! Здравствуйте!

— Здравствуйте, Егор Романович. — Трофимов посмотрел вокруг. — Вот какой вы тут сад вырастили!

— Ага! Убедились! —торжествующе сказал старик. — Вон они, те самые абрикосовые саженцы, уже привились. — Чуклинов подхватил Трофимова под руку и повел его в сад. — Степан! — крикнул он. — Иди, я тебя с дружком своим московским познакомлю!

— Иду, иду, — послышался из-за деревьев голос, и Трофимов увидел идущего к ним по садовой дорожке председателя горисполкома.

— Товарищ Трофимов? — удивился тот. — Вы ко мне?

— Э-э, да вы, я смотрю, знакомы!— сказал старик.

— Что-нибудь случилось, товарищ Трофимов? — спросил Степан Чуклинов.

— Случилось! Случилось! — рассердился старик. — Человек просто в гости пришел, а ты — случилось!

— Виноват, — смутился Чуклинов. — Гость-то ведь не простой, а прокурор — вот и спрашиваю.

— Прокурор? — насторожился старик. — Так вот вы кто, Сергей Прохорович... А я по погонам решил, что железнодорожник.

— Прокурор ли, железнодорожник ли — для воскресного дня значения не имеет,— рассмеялся Трофимов.

— Это верно, — кивнул старик, — только я такой счастливый случай упустить не могу...

— Сейчас жаловаться начнет,— добродушно сказал сын. — Как же, прокурор в гостях!

— И начну! Я ведь, Сергей Прохорович, давно к вам, то есть прокурору, собираюсь. Давно!..

— Вот завтра и приходите, — сказал Трофимов, — А в воскресенье стоит ли говорить о делах?

— Не могу, Сергей Прохорович, — твердо сказал старик. — Решительно не могу о делах не говорить. Вы уж извините...

— Ну что же, — покорился Трофимов. — Рассказывайте.

— Рассказ мой будет коротким, — негромко, словно о чем-то задумавшись, сказал старик. — Вот посмотрите-ка на этот мой сад... — И старик медленно и широко повел рукой в сторону ветвистых, зацветающих розоватым цветом вишен; задержал ладонь над кронами яблонь; и, опуская руку к земле, проник, казалось, острым своим взглядом в буйно-зеленую чащу малинника. — На Урале, на севере вырастил я эти деревья. Не сам вырастил, а с помощью людей, с помощью, осмелюсь так выразиться, мечтателей и тружеников. Первым из них почитаю Ивана Владимировича Мичурина. Да...

Трофимов посмотрел на умолкшего старика, на

его сына, который, гордясь отцом, не сводил с него глаз, и вдруг вспомнились ему его недавние сомнения. «А я, вырастил ли я хоть одно деревцо за всю мою жизнь? Чем полезен я людям?»

И, точно отвечая на этот его безмолвный вопрос, старик шагнул к Трофимову и горячо сказал:

— Очень нужна мне ваша помощь, Сергей Прохорович.

— В чем же, Егор Романович?

— А в том, что порешили мы — городские садоводы — озеленить комбинатский поселок, а хода нашему делу нет.

— Что же вам мешает?

— Равнодушие, Сергей Прохорович! Хуже суховея, хуже саранчи это самое равнодушие в нашем деле. Вам, конечно, видней, а только уверен, что есть у советской власти такой закон, по которому равнодушных людей привлекают к ответственности.

— Кто же вам мешает? — спросил Трофимов. — Почему? Ведь ваше начинание можно только приветствовать.

— На словах и приветствуют, а на деле мешают.

— Отец жалуется на Глушаева, Сергей Прохорович, — сказал молодой Чуклинов. — Договорились они с ним о транспорте — подвел. Попросили людей — отказал. А сам на каждом перекрестке кричит, что приступил к озеленению поселка. Андрей Ильич решил ставить этот вопрос на бюро.

— Не на бюро о Глушаеве говорить, а на суде! — гневно сказал старик. — Саранча он!

— Верно, Егор Романович, — кивнул Трофимов.— Глушаев заслуживает наказания... Кстати, где у вас телефон?

— Пойдемте, я покажу. — Торжествуя победу, старик весело посмотрел на сына. — Слыхал?

Трофимов и оба Чуклиновы вошли в дом.

— Вот и телефон, — сказал старик. — Могу и номер Глушаева разыскать.

— Не нужно, — Трофимов взял трубку. — Соедините меня с прокуратурой, — попросил он телефонистку. — Товарищ Находин? Здравствуйте... Да, при-

ехал.. А вы дежурите?.. Хорошо, хорошо, об этом завтра... Скажите, выполнен ли мой приказ о заключении под стражу, который я передал для исполнения Громову? Выполнен? Так... До свидания, товарищ Находин.

Трофимов повесил трубку и обернулся к Чуклиновым:

— Григорий Глушаев арестован, товарищи...

— В чем же он обвиняется? — изумленно спросил Степан Чуклинов.

— В чем обвиняется? Назову лишь одно из его преступлений — воровство, хищение колхозного имущества.

— Неужели Глушаев, Григорий Маркелович Глушаев мог до этого докатиться?..

— Вас это удивляет? А меня нет. Именно — докатился. — Трофимов помолчал. — А ведь правильное, Егор Романович, придумали вы для него имя: саранча! Точнее и не скажешь. — Трофимов посмотрел на старика Чуклинова и с огорчением добавил: — Ну, а на чаек с весенним медом я уж в другой раз приду...

Он попрощался и вышел.

39

«Пойду уж лучше домой!» — подумал Трофимов, выходя от Чуклиновых.

Он свернул к реке и невольно выбрал самую длинную дорогу: вдоль берега, огородами. Нет, домой он не торопился.

На реке было много ребятишек. С радостным визгом бросались они с крутого берега в воду. Черные от загара тела так и мелькали в воздухе.

Проходя мимо моста, Трофимов увидал сидевшего с удочкой в руках адвоката Струнникова. Старик заметил Трофимова и радостно помахал ему шляпой. В это время у него клюнуло, и Струнников забыл обо всем на свете. Руки его вцепились в удилище, глаза уставились на нырявший поплавок.

— Тяните! — крикнул Трофимов.

— Тише! — зашипел Струнников. — Крупная! Завожу! — Он уперся ногой в камень и начал осторожно поводить удилище, выделывая им в воздухе какие-то замысловатые круги.

— Да тащите же! — не выдержал Трофимов.

— Тише! — прошептал Струнников.— Леса тонкая, не выдержит!

С величайшими предосторожностями он начал тянуть на себя удилище. Еще одно усилие — и к ногам Струнникова шлепнулась крошечная рыбешка.

— Вот так кит! — расхохотался Трофимов.

— Что ж тут смешного? — обиделся Струнников. — Я о вас такого хорошего мнения, а вы смеетесь... Ерши же всегда клюют выше своих возможностей...

Трофимову не хотелось обижать старика, но смех душил его, и он расхохотался до слез. Скверного настроения как не бывало. Он весело козырнул на прощание Струнникову и быстро пошел к себе.

Марина была дома. Трофимов увидел ее, когда, взбежав по крутому склону, остановился у плетня беловского огорода. В простеньком ситцевом платье, с завернутыми выше локтей рукавами, она окучивала картофель.

Сейчас, в домашнем платье, с небрежно подобранными на затылке тяжелыми косами, Марина вдруг показалась Трофимову такой родной, такой близкой, что он не раздумывая, по-мальчишески прыгнул через забор.

— Марина Николаевна! — радостно воскликнул он, подбежав к девушке.

— Сергей Прохорович! — Она поглядела на него, заслонясь рукой от солнца.

Трофимов стоял перед ней и не знал, что сказать. А она все смотрела на него из-под руки. Смотрела серьезно, внимательно, точно ждала от него каких-то важных, особенных слов.

— Я так рад, что вижу вас, Марина Николаевна,— упавшим голосом сказал Трофимов. И это было все, что он мог сказать.

Марина улыбнулась и ничего не ответила. Она

взяла его за руку, и, не произнося больше ни слова, они пошли через огород к дому.

Трофимову казалось, что он обязательно должен заговорить с Мариной, но он не знал, с чего начать. Между тем сказать что-то было просто необходимо. Трофимов же, с каждым шагом испытывая все более мучительную неловкость, не смел взглянуть на Марину и молчал. Он не мог заговорить с ней о каких-нибудь пустяках. Не мог, потому что хотел говорить о большом и важном и не решался, не находил слов.

А Марина, пристально глядя на Трофимова, терпеливо ждала, когда же он заговорит.

В дверях их встретила Евгения Степановна.

— Сергей Прохорович! Да вы не с неба ли свалились? — смеясь, спросила она.

— Не с неба, а через забор, — сказала Марина.

— Это прокурор-то? — шутливо изумилась Евгения Степановна.

— В воскресенье я не прокурор, — взмолился Трофимов. — В воскресенье я тихий, робкий человек. Очень робкий. Вот через забор перепрыгнул, и до сих пор сердце колотится...

В столовой зазвонил телефон.

— Подойди, Мариночка, не тебя ли,— сказала мать.

— Нет, мама, подойди ты. И если будут спрашивать меня, скажи, что нет дома.

— Кто бы ни спросил?

— Кто бы ни спросил...

— Слушаю! — взяла трубку Евгения Степановна. — Кого? Сергея Прохоровича? Сейчас. Оказывается, вас, Сергей Прохорович,— сказала она, передавая Трофимову трубку.

— Сергей Прохорович? — услышал Трофимов негромкий, спокойный голос Рощина. — С приездом.

— Здравствуйте, Андрей Ильич.

— Простите, что беспокою в воскресенье, но очень нужно мне вас повидать...

— Хорошо, Андрей Ильич, сейчас буду.

Трофимов повесил трубку и привычным движением одернул китель...

Рощин усадил Трофимова в кресло, пододвинул ему стакан чаю и, с доброй улыбкой приглядываясь к его утомленному лицу, сказал:

— Вижу, что досталось вам в этой поездке. Похудели. Устали.

— Да и у вас, Андрей Ильич, лицо утомленное.

— Как же, самая страда идет. Работы, сами знаете, много. Впрочем, я от работы не очень-то устаю. Хуже, когда что-нибудь не ладится. Вот тут — день ли, ночь ли — не приходится разбирать. Главное, чтобы нелады были устранены. — Рощин посмотрел на Трофимова и лукаво прищурил глаза. — Да что же вы не рассказываете, как вас встретили в селе Искра — хорошо ли?

— Хорошо, просто очень хорошо, — сказал Трофимов.— Представляете, все село собралось в клуб послушать, что скажет им районный прокурор.

— Оно и понятно. Выходит, Сергей Прохорович, что и прокурор у нас для народа — желанный гость. А прежде-то ведь этим именем детей пугали.

— Да, то было прежде, — рассмеялся Трофимов.— Не та власть, не те и прокуроры.

— Что и говорить, — кивнул Рощин. — А я вот, как вас в Искру проводил, городским строительством занялся. Кстати, спасибо вам, Сергей Прохорович, что посоветовали Марине Николаевне показать мне проект Белова. В нем оказалось много интересных и полезных для нас мыслей.

— В сегодняшней газете я прочел, что инженер Острецов сделал на эту тему доклад.

— И теперь введен в комиссию, которая занимается вопросами жилищного строительства в городе и в поселке. Признаюсь, я даже не ожидал, что он способен так, по-молодому, увлечься делом.

— Старик занятный, — сказал Трофимов. — Не зря же Белов привлек его к своей работе.

— Не зря. А вот Швецов старика не оценил, сделал из него какого-то прораба. Кстати, завтра у нас бюро, на котором я попрошу вас присутствовать, Сергей Прохорович, а пока поможем друг другу кое в чем разобраться.

Рощин вышел из-за стола и сел в кресло против Трофимова.

— Итак, товарищ Трофимов, только что мне сообщили, что по вашему приказанию арестован начальник жилищного строительства комбината Глушаев...

40

Бюро райкома началось в семь часов вечера.

Войдя в большую комнату, где собрались члены бюро, Трофимов увидел много знакомых лиц. Вот приветственно помахал ему рукой председатель завкома Оськин, вот, указывая на свободное место рядом с собой, дружески кивнул парторг колхоза имени Сталина Антонов.

Были тут и Степан Чуклинов, и инженер Острецов, и директор строящегося бумажного комбината Зырянов, и Анна Петровна Осокина. В углу, у края стола, сидел мрачный Швецов.

Трофимов сел на свободное место рядом с Осокиной и Антоновым.

— А мы всю дорогу за вами гнались, — сказала Осокина. — Только вы отъехали, позвонили из города, чтобы мне и Антонову ехать на бюро.

Рощин открыл заседание.

— На повестке дня один вопрос, — сказал он, — доклад комиссии райкома о ходе жилищного строительства на комбинате. Слово предоставляется товарищу Оськину.

В коротких, точных выражениях, решительно рубя воздух сжатой в кулак рукой, изложил Оськин выводы комиссии, объясняя причину, которая привела к свертыванию строительных работ на четвертом участке.

— Поселить наших рабочих по соседству с болотом недопустимо! — заключил он. — Никакие особняки, никакие удобства тут делу не помогут.

— Министерством уже отпущены деньги на осушку болота, — сказал Швецов. — Я специально за этим ездил в Москву. Доказывал, убеждал и добился.

— Это еще не решение вопроса, Леонид Петрович, — заговорил Острецов. — Сперва надо осушить весь район, а уж потом думать о строительстве в том направлении. Согласитесь, что мы допустили ошибку, остановив свой выбор на мало подходящей для жилья территории.

— Но комбинат растет, растет с каждым днем,— сказал Швецов. — Где же прикажете селить людей?

Слово взял секретарь парткома комбината Ларионов:

— Вы отлично знаете, товарищ Швецов, что в участках для строительства новых домов у нас недостатка нет. Надо только оглянуться в сторону города. Городские окраины, отделенные от комбината защитной лесной полосой, — вот где следует строить. Лучших участков и не придумаешь.

— Согласен, — сказал Швецов. — Мы и будем там строить, но сейчас речь идет о расширении поселка. Строительство в черте города — дело, которое так сразу не решишь. Достаточно сказать, что, строя в городе, мы должны, прежде всего, разработать единый с городом план жилищного строительства. А это требует времени.

— Да, речь идет о жилищном строительстве для комбината, — сказал Рощин. — Но отделять комбинат от города неверно. В городе живет семьдесят процентов всех рабочих и служащих комбината. Зачем же проводить какую-то искусственную черту между городом и поселком? — Рощин обвел всех присутствующих внимательным взглядом.— Прежде чем ответить на этот мой вопрос, давайте-ка выслушаем сообщение прокурора района товарища Трофимова. Прошу вас, Сергей Прохорович.

— Товарищи!.. — Трофимов поднялся со своего места. — Начальник жилищного строительства комбината Глушаев арестован и отдан под суд. Конец своей деятельности он ознаменовал кражей двух тонн овощей у колхозников. Но мы будем судить его не только за это. Костя Лукин, тяжко оскорбивший свою жену,— это вина Глушаева. В жалобах, поступающих к нам от рабочих и служащих комбината, всякий раз,

когда касается жилищных вопросов, неизменно упоминается имя Глушаева.

Трофимов сел.

— Вот об этом-то и поговорим, — после небольшой паузы сказал Рощин и, обращаясь к Ларионову, спросил: — Скажите, товарищ Ларионов, о чем говорили коммунисты комбината на своем последнем партийном собрании?

— Все о том же! — горячо заговорил Ларионов. — О том, что неверно отделять поселок от города. Поселок, мол, наш, комбинатский, здесь мы у себя, здесь мы хозяева. Ну, а в городе? Разве в городе мы не у себя? Оказывается, нет. Строясь в городе, на его окраинах, мы должны согласовывать наши планы с планами городского строительства, должны строго придерживаться этих планов. Есть и другие неудобства. Например, в городе мы не можем покрыть асфальтом только свой участок, минуя уже застроенные раньше. Короче говоря, строясь в городе, мы должны думать не только о себе, но и о городе, строить с ним заодно.

— Да, жулику и проходимцу Глушаеву строить сообща с городом было явно не с руки, — заметил Трофимов.

— Ну, а вывод из этого какой? — спросил Рощин.

— Вывод ясен! — заметно волнуясь, заговорил инженер Острецов. — Пришло время, товарищи, объединять наши планы, наши возможности. Пришло время осуществить наши с вами мечты.

— Что же это за мечты? — с одобрением глядя на взволнованного инженера, спросил Рощин. — Чем же мы можем их подкрепить, эти наши мечты, товарищ Острецов? Ведь в строительном деле даже самая дерзновенная мечта должна быть выражена в конкретном плане, в рабочем чертеже и, наконец, уж в самом прозаическом понятии — в смете.

— Да, именно в плане и в строгой смете! — воскликнул Острецов. — И план у нас есть, товарищи. Еще давно исподволь готовили мы с Николаем Николаевичем Беловым проект будущего Ключевого. Да что там будущего! Уже сегодня этот наш план ока-

зался лишь частью тех работ, какие мы планируем произвести в Ключевом в ближайшие годы. Жизнь идет вперед, товарищи, жизнь торопит нас и поправляет. Сегодня я могу доложить бюро райкома, что комиссия, занимающаяся вопросами жилищного строительства в городе и поселке, проделала большую подготовительную работу для того, чтобы уже к концу этого года начать застройку новых и, замечу, отлично расположенных участков.

— Добавлю несколько слов и от себя,— сказал Рощин, вынимая из ящика стола пачку бумаг. — Вот, товарищи, переписка районных организаций с Москвой о важнейшем для нас сейчас деле: разработке общего и для города и для комбината проекта новых жилых кварталов. Вот ответ, подтверждающий правильность наших предложений.

Рощин выжидающе посмотрел на Швецова. Но тот, погруженный в свои думы, молчал. Лицо его разом как-то постарело, осунулось. Возле рта появились две резкие морщины. С горькой досадой на себя размышлял он сейчас над тем, что говорили товарищи, и ощущение тревоги и неблагополучия, которое не покидало его после заключительного разговора с заместителем министра, теперь, наконец, нашло свое объяснение. И вновь пришли ему на память сталинские слова: «Реальность нашей программы — это живые люди...»

Все, кто был сейчас в комнате, не сговариваясь, не обменявшись между собой ни единым словом, с нетерпением ждали, что скажет им Швецов.

И вот, взявшись за спинку стоящего перед ним стула, точно ему было трудно подняться, Швецов встал.

— Товарищи, — твердо проговорил он, — какие выводы должен я сделать для себя из того, о чем здесь сейчас говорилось? Первый и основной: не через год и не через два, а уже сейчас должен увязать комбинат свои планы жилищного строительства с планами города, на окраине которого он стоит. Я могу лишь приветствовать инициативу районных организаций, которые уже начали решать этот вопрос. Моя

вина, что я оказался в стороне от этой работы. Моя вина, что такое важное дело, как жилищное строительство, я передоверил жулику и проходимцу Глушаеву.

Швецов тяжело опустился на свое место.

— Вот что, товарищ Трофимов, — сказал Рощин, нарушая молчание. — Думаю, что суд над Глушаевым должен стать показательным судом для всего района...

41

Трофимов и Швецов вместе вышли из здания райкома, и как-то так само собой получилось, что и дальше они пошли вместе.

У тротуара, обогнав их, остановилась директорская машина. Шофер открыл дверцу.

— Поезжай в гараж, — мрачно сказал Швецов.

Шофер удивленно взглянул на хмурое лицо своего начальника, и машина медленно отъехала.

У перехода через улицу Швецов и Трофимов задержались.

— Вам куда? — спросил Швецов.

— Нам по пути, — улыбнулся Трофимов.

Швецов пристально посмотрел на него.

— Собираетесь утешать или читать прокурорскую нотацию?

— Ни то, ни другое.

— Тогда я вас не задерживаю! — резко произнес Швецов.

Трофимов пожал плечами и, прикоснувшись к козырьку фуражки, внимательно посмотрел на Швецова.

— До свидания, Леонид Петрович, — сказал он негромко.

Тут Швецов почувствовал, что он не может сейчас остаться наедине со своими мыслями. Он с горечью произнес:

— Мне тяжело. Понимаете вы это или нет? Мне так худо, что и слов не найти! Понимаете?

— Понимаю, Леонид Петрович.

— Ни черта вы не понимаете! Вам сколько лет?

— Тридцать четыре.

— Ну, а мне сорок шесть. А в партии вы давно?

— С сорок первого года.

— Я с тридцатого.

Они перешли через улицу и свернули в темный и пустынный переулок.

— Что ж из этого следует? — спросил Трофимов.

— Многое! И прежде всего то, что я вам завидую. Нет, не годам вашим — я стариком себя не считаю,— а тому, что вы, молодой сравнительно человек, а оказались кругом правы. Кругом! Понятно? И Рощин, и вы, и даже старикан Острецов — все оказались кругом правы, а я кругом виноват!

— По-моему, вы слишком мрачно все себе представляете.

— Молчите уж! Мне утешения не нужны! Мы же условились — никаких утешений!

— Я и не собираюсь вас утешать.

— Да и не сумели бы. Не та профессия. Ведь вы прокурор...

— Так точно, — сухо отозвался Трофимов.

— И всего-навсего районный прокурор! — усмехнулся Швецов.

— Верно. Всего-навсего районный прокурор.

— А я, как вам известно, директор одного из крупнейших в стране комбинатов.

— И это верно. — Трофимов остановился и в упор посмотрел на Швецова. — Хотите сказать, я вам не ровня?

Швецов устало махнул рукой:

— Да нет, не об этом сейчас речь, Сергей Прохорович... Я все про то, что я кругом не прав, а вы правы уже в том, что я проглядел этого Глушаева, а вы вот его разглядели. Ведь что меня убивает: районные работники смотрят дальше и шире, чем директор союзного предприятия!

— А я ничего дурного в этом не вижу, — сказал Трофимов. — Очень хорошо, что увидели и помогли увидеть вам.

— Так-то оно так. — Швецов опустил голову. — Но мне от этого ведь не легче? Выходит, Швецов по

своим масштабам уже и в районные работники не годится. Ведь вот что выходит.

— Ох, и одолевает же вас гордыня! — сказал Трофимов.

— А как же мне не быть гордым? — Швецов выпрямился и, обернувшись к Трофимову, строго сказал: — Да знаете ли вы, что один наш комбинат производит столько продукции, сколько производят подобные ему предприятия целого десятка капиталистических стран, включая Англию и Францию?

— Да, знаю.

— То-то! Вот потому-то я и горд. Впрочем, был горд. Был! Верно?

Трофимов ничего не ответил. Он понял, что Швецову сейчас необходимо выговориться, что это поможет ему осознать то, о чем говорилось на бюро райкома, и, ничего не возражая, молча слушал.

— Решили не возражать? — с горькой усмешкой сказал Швецов. — Конечно, это правильнее всего — молчать и слушать, что скажет человек в моем положении. Ну, а я требую, чтобы вы со мной спорили! Чтобы вы не соглашались ни с одним моим словом! Такой разговор вам не по плечу?

— Нет, Леонид Петрович, — просто ответил Трофимов, — спорить с вами сейчас трудно.

— Это почему же?

— Да потому, что спорить нам не о чем.

— Верно, — упавшим голосом сказал Швецов. — На ошибки в работе указано — о чем же спорить? — Он поднял голову и снова с вызовом посмотрел на Трофимова. — Работать надо, а не разговаривать! Мне — работать, а вам — меня поправлять.

— Что касается меня, Леонид Петрович, — спокойно возразил Трофимов, — то главная моя задача не столько в том, чтобы поправлять вас, сколько в том, чтобы помогать вам в работе.

— За то, что помогли мне разглядеть Глушаева, спасибо, но чем же еще можете вы мне помочь?

— Очень и очень многим. — Трофимов внимательно посмотрел на Швецова и, видимо, приняв какое-то решение, быстро сказал: — Хотите получить самую

реальную и притом быструю помощь? Хотите знать, что вам следует делать, с чего начать уже завтра свою работу?

— Еще бы! — недоверчиво усмехнулся Швецов.— И вы можете мне это сказать?

— Идемте! — Трофимов решительно взял Швецова под руку и повел его за собой.

Они снова вышли на центральную улицу, пересекли ее и направились к дому, где помещались народный суд и прокуратура.

— Многообещающее начало! — невесело пошутил Швецов. — Не напоминанием ли об этих суровых местах собираетесь вы мне помочь?

— Идемте, идемте! — коротко отозвался Трофимов, увлекая его за собой.

Они поднялись на второй этаж и вошли в приемную. Дверь в кабинет Трофимова была открыта. За его столом, склонившись над бумагами, сидела Ольга Петровна Власова.

— Добрый вечер, Сергей Прохорович! — сказала она, поднимаясь ему навстречу.

— Здравствуйте, Ольга Петровна. Не ожидал, что так поздно застану вас здесь.

— Уж очень спешное дело, Сергей Прохорович... Вот посмотрите. Чрезвычайно любопытное дело! И не так-то в нем будет просто разобраться.

Трофимов заглянул в лежащую на столе папку, перелистал бумаги, и лицо его приняло озабоченное выражение.

— Верно, Ольга Петровна, дело действительно серьезное. И, видимо, не простое.

— Думаю, что дня через три смогу о нем доложить.

— Да, товарищи, знакомьтесь, — сказал Трофимов, не отрывая глаз от бумаг.— Простите меня, Леонид Петрович, я сейчас дочитаю.

— Да уж чего там! — буркнул Швецов. — Подожду. — Он подошел к Власовой и представился: — Швецов.

— Мы встречались, товарищ директор, — сказала Власова.

— Встречались? Где же?

— У Евгении Степановны Беловой.

— Да, да, теперь вспоминаю.

— Кстати, Сергей Прохорович, — сказала Власова, — вам сюда звонила Марина.

— Марина Николаевна?

— Да. Спрашивала, куда вы пропали. Бюро райкома, говорит, давно кончилось, а его все нет и нет.

— Нехорошо, Сергей Прохорович, — невесело усмехнулся Швецов, — вас Марина Николаевна ждет, а вы тратите время на разговоры со мной...

— Надеюсь, что я не зря потерял это время... — сказал Трофимов. Он подошел к шкафу, отпер его и, взяв с полки толстую папку, протянул ее Швецову.

— Вот это очень поможет вам, Леонид Петрович, в нашей работе.

Швецов взял папку и прикинул, точно взвешивая ее на руке.

— Что здесь?

— На вес не узнаете. Садитесь и читайте. Здесь собраны письма рабочих вашего комбината, их справедливые жалобы, их справедливые требования. Уверен, что эти письма сегодня вам будет очень интересно прочесть.

— Вот оно что! Знаете, вы, пожалуй, правы, — сказал Швецов, и по его тону Трофимов понял, что не ошибся, когда решил показать ему письма рабочих.

— А домой их взять нельзя? Ведь тут чтения на всю ночь.

— Нет, домой нельзя. Читайте здесь. Я вам помогу разобраться.

— Как же это? Значит, собираетесь просидеть со мной здесь всю ночь? — искренне удивился Швецов. — Ну, спасибо! — Он быстро подошел к столу, на ходу развязывая тесемки папки.

Зазвонил телефон. Трофимов торопливо взял трубку, думая, что услышит голос Марины.

— Слушаю, — тихо сказал он, но никто ему не ответил.

В трубке что-то загудело, затрещало, потом послышались чьи-то далекие, неясные голоса, потом сно-

ва загудело, и раздался громкий и такой унылый сейчас для слуха Трофимова голос телефонистки:

— Прокуратура? Прокуратура? Соединяю вас с селом Искра! Минуточку! Говорите!

— Да, да, слушаю! — с досадой сказал Трофимов.

Но в трубке снова зашумело, послышались чьи-то неясные голоса, и телефонистка опять потребовала от Трофимова минуточку терпения. Она стала торопливо вызывать телефонистку коммутатора бумажного комбината, потом та отозвалась и, в свою очередь, тоже начала кого-то вызывать. Так от голоса к голосу протягивалась все дальше телефонная нить.

Далекие, неясные голоса вдруг стали громче, и Трофимов услышал, как кто-то, повидимому диспетчер бумажного комбината, надрываясь, выпытывал у своего собеседника, когда же наконец придут обещанные машины. Потом его голос сменился другими.

Вскоре Трофимов был посвящен в то, что делалось у сплавщиков на рейде, на сколько выполнили план лесорубы, как идет подготовка к сбору урожая в колхозе «Заря коммунизма», куда запропал буксир «Комсомолец». О капитане этого буксира Белкине Трофимов узнал даже, что он наверняка получит выговор за свои слишком долгие стоянки у села Искра.

— Нашел время невесту навещать! — возмущался кто-то густым баритоном. — Катер простаивает, а он...

Снова заговорила телефонистка и опять потребовала у Трофимова минуточку терпения. При других обстоятельствах его это, пожалуй, и рассердило бы, но сейчас он был рад случаю, который позволил ему услышать такой живой и деловито-озабоченный голос своего района.

Вдруг в трубке все стихло, и откуда-то издалека до слуха Трофимова донесся тихий-тихий девичий голос:

— Прокуратура? Это прокуратура?

— Прокуратура слушает, — ответил Трофимов.

— А Петра Бражникова случайно там нет? Нельзя его попросить? — с надеждой в голосе спросила девушка.

— Нет, — сказал Трофимов. — К сожалению, нет. Это не Даша Осокина со мной говорит?

— Даша... — послышалось издалека печально и тихо.

— Здравствуйте, Даша! — сказал Трофимов. — Не огорчайтесь, он вам позвонит. Что ему передать?

— Это товарищ Трофимов? Здравствуйте... Нет, ничего не надо передавать... — Даша вздохнула. — А не знаете, когда он снова к нам приедет?

— Знаю, Даша. Очень скоро приедет.

— Ну, тогда поклонитесь ему, — повеселевшим голосом сказала Даша. — Скажите, что Даша Осокина звонила. До свидания...

Трофимов услышал, как Даша повесила трубку.

Он тоже положил трубку и отсутствующим взглядом посмотрел на Швецова.

— И здесь помогаете? — улыбнувшись, негромко спросил Швецов.

— Пытаюсь...

— Знаете что, Сергей Прохорович? — решительно поднялась Власова. — Идите-ка вы домой. Мне все равно еще несколько часов придется здесь поработать, так я заодно и Леониду Петровичу помогу. Идите. — И Власова, мягко взяв Трофимова за локоть, показала ему глазами на дверь.

Трофимов оглянулся на Швецова. Тот, склонившись над письмами, казалось, ничего уже не слышал. Трофимов крепко пожал Власовой на прощанье руку и пошел к выходу.

42

Он быстро шел по пустынной в этот поздний час улице. Шел и чему-то улыбался, а в ушах у него все еще звучал тихий девичий голос. И, может быть, именно Даша подсказала ему сейчас те слова, которые он тщетно искал и не мог найти, когда говорил вчера с Мариной. Это не были какие-нибудь особенные слова. В них не было ничего торжественного, необычайного. Но каждый раз, хотя слова эти существуют много тысячелетий, люди произносят их с удивлением, как новые и необыкновенно прекрасные...

Улица, по которой шел Трофимов, круто взбиралась на холм, возвышавшийся в центре города. Здесь Трофимов остановился. С вершины холма хорошо был виден весь город — его большие новые дома, его древние церкви, его сбегающие к реке улицы.

Отсюда хорошо был виден и комбинат, огни которого уходили далеко в тайгу.

Тайга эта, со всех сторон подступавшая к Ключевому, была теперь знакома Трофимову. Он знал, что и там, в глубине дремучих лесов, живут и трудятся советские люди, что и там есть заводы, колхозы, прииски, что даже в самых глухих уголках есть школы, больницы, библиотеки.

Только крохотная частица родной земли была видна сейчас Трофимову, но и то, что он видел, поразило его своей величественной красотой.

«Что же будет здесь уже через несколько лет?» — подумал Трофимов, и на мгновение представился ему город, о котором мечтал на листах своего проекта Белов; город широких улиц и прекрасных зданий — школ, институтов, театров; старинный город, преображенный трудом советских людей — строителей коммунизма; город завтрашнего дня со скромным именем — столица района. И таким дорогим было для Трофимова все это, такое глубокое и большое счастье пришло к нему в этот миг, что он твердо ощутил вдруг, как плохо придется тем, кто осмелится снова поднять руку на его счастье, на счастье миллионов таких же простых людей, как и он.

Редактор *С. Слепынин*
Художественный редактор *И. Колмогорцева*
Технический редактор *М. Ульянова*
Корректоры *М. Епимахова* и *Н. Подчивалова*

* * *

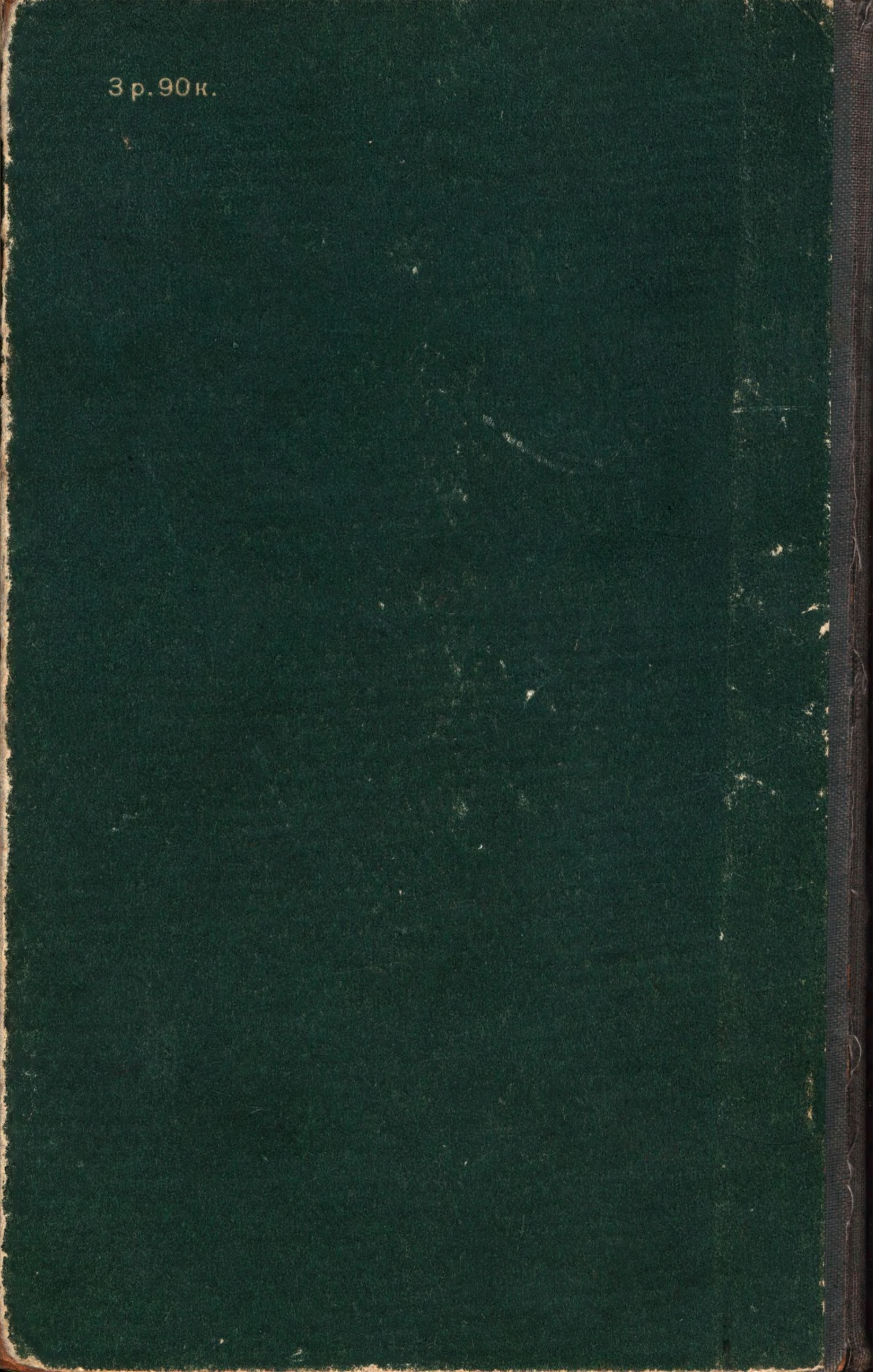
Подписано к печати 6/I 1954 г.
Уч.-изд. л. 11,55. Бумага $84\times108/_{32}=3{,}75$ бумажного—12,30 печатного листа. НС 27907. Тираж 75000.
Заказ № 158. Цена 3 р. 90 к.

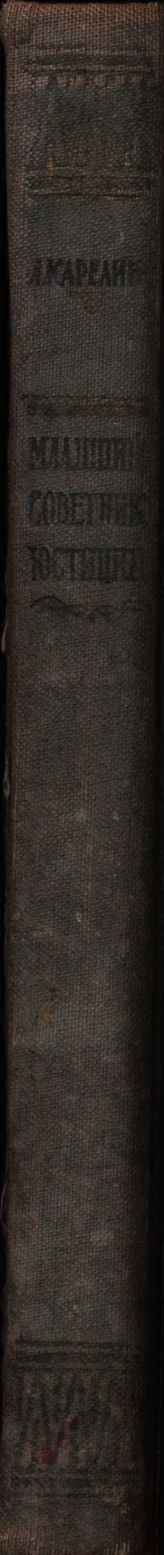
* * *

5-я типография треста Росполиграфпром,
Свердловск, ул. имени Ленина, 49.

3 р. 90 к.

А. КАРЕЛИН
МЛАДШИЕ
СОВЕТНИКИ
ЮСТИЦИИ